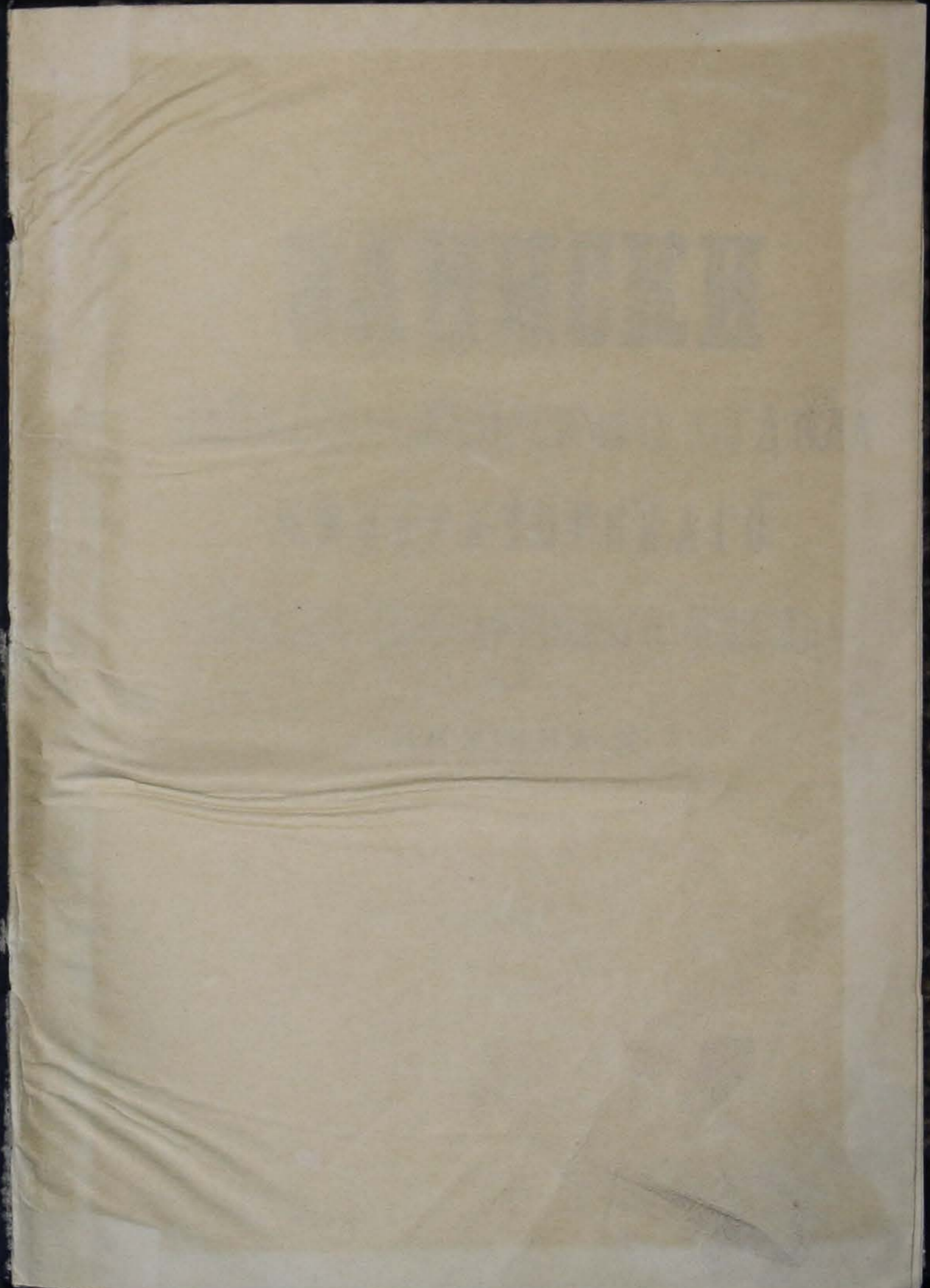

1889
K.H. 10
1889
1889

Расс.

912

ЗАПИСКИ

ЗАПАДНО-СИБИРСКАГО ОТДѢЛА

ИМПЕРАТОРСКАГО

РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

КНИЖКА X.

БИБЛИОТЕКА МУЗЕЯ
ИМ. Н. М. ПУШКИНА
ИНВ. № 85925 ✓

ОМСКЪ.
Типогр. Окружн. Штаба.
1889.

ПОѢЗДКА НА Р. ЧУ, КЪ ЕЯ УСТЬЮ,
ЧЕРЕЗЪ ПУСТЫНЮ БЕДПАКЪ-ДАЛА,

ВЪ СЕНТЯВРЬ 1883 ГОДА

В. К. ФОНЪ-ГЕРНА.

Въ концѣ августа 1883 г. я, по дѣламъ службы, долженъ былъ отправиться изъ г. Акмолинска къ устьямъ рѣки Чу (правильнѣе — Чюй¹⁾), гдѣ, близъ урочища Бесъ-Куланъ, назначенъ былъ чрезвычайный съѣздъ, для рѣшенія дѣлъ между киргизами Сыръ-Дарьинской и Акмолинской областей и на этотъ съѣздъ была командирована коммисія для провѣрки и опредѣленія границы между Туркестанскимъ и Степнымъ генераль-губернаторствами.

Южная (за-сарысуйская) часть Акмолинскаго уѣзда представляетъ страну покрытую множествомъ невысокихъ холмовъ и весьма мало орошенную. Близъ южной границы уѣзда (р. Чу) тянется возвышенная пустыня „Бедпакъ-дала“ или Голодная степь (я нахожу болѣе правильнымъ переводъ этого выраженія словомъ „проклятая равнина“). Преобладающій грунтъ всей за-сарысуйской части уѣзда (между рр. Сары-су и Чу) суглинистый и глинисто-солонцеватый, а въ долинахъ рѣкъ — песчаный.

Эта часть Акмолинскаго уѣзда орошается, во время таянія весеннихъ снѣговъ (въ половодье) водами р. Сары-су и ея притоковъ: Манака, Атасу, Кызыль-эспэ и Кокъ-тасъ. Нынѣ же эти два послѣднiе притока и въ половодье очень рѣдко (по словамъ киргизъ) доносятъ свои воды до русла широко разливающейся весной р.

¹⁾ Чюй, какъ произносятъ каракиргизы и кочующiе въ Чуйской долинѣ киргизы и калмыки, производя это слово отъ китайскаго: „Шюй“ — вода (соответствуетъ киргизскому „су“ — вода, рѣка). „Чу“ по-каракиргизски и по-калмыцки, — не имѣетъ значенiя. Такое названiе рѣки носятъ только у русскихъ и на русскихъ картахъ.

Сары-су, насыщая всѣмъ запасомъ своихъ водъ—пески Джиты-конуръ и теряясь въ этихъ пескахъ. Кромѣ того, въ этой части уѣзда находится нѣсколько озеръ разной величины съ большимъ или меньшимъ содержаніемъ солей. Озера: Возгуль и Добусунъ-тузь богаты самосадочною солью, которая служитъ предметомъ вывоза въ сосѣднія области, преимущественно для обмѣна на зерновой хлѣбъ. Берега р. Сары-су, въ среднемъ ея теченіи, между ур. Тогускенъ и Сарысуйской станціей бывшаго Актавскаго тракта (отъ г. Акмолинска, до бывшаго укр. Актавскаго) песчаны. По обоимъ берегамъ рѣки тянутся песчанья полосы отъ 2 до 5 верстъ ширины и настолько засорили самое русло рѣки, что непрерывное ея теченіе можно видѣть только послѣ таянія снѣга,—въ половодье. Въ срединѣ же лѣта, въ іюнѣ и іюль мѣсяцахъ, рѣка эта представляетъ глубоко песчаный оврагъ съ множествомъ маленькихъ, продолговатыхъ водовмѣстилищъ (очень рѣдкихъ выше Сарысуйской станціи), иногда соединенныхъ между собою узкими протоками, шириною въ нѣсколько вершковъ и очень мелкихъ. Непрерывное теченіе (и то характера маленькой рѣчонки) р. Сары-су имѣетъ только ниже могилы Каибъ-ата. Среди лѣта вода этой рѣки по всему протяженію ея болѣе или менѣе солоноватая смотря по обилію питающихъ ее ключей.

Кромѣ части р. Сары-су всѣ рѣчки, орошающія описываемое пространство, къ іюню мѣсяцу уже не имѣютъ теченія; а къ августу представляютъ ряды весьма малыхъ солонцеватыхъ озерковъ, указывающихъ на направленіе русла рѣчекъ и теченія ихъ во время таянія снѣга. Къ сожалѣнію, многоводная и очень быстрая въ Семирѣчьи р. Чу не представляетъ собою исключенія изъ этой характеристики, въ предѣлахъ Акмолинскаго и Атбасарскаго уѣздовъ, до впаденія своего въ группу горькосоленыхъ озеръ, называемыхъ Саумаль-куль. Вода въ длинныхъ озерахъ русла р. Чу очень солоня и непригодна не только для питья, но даже для допоя (лошадей; такъ какъ верблюды и коровы пьютъ безъ вреда чуйскую воду). Я пробовалъ рыть колодцы недалеко отъ береговъ р. Чу, но и въ нихъ вода оказывалась очень соленою и непригодною для питья.

Совершенно прѣсныхъ озеръ въ южной части Акмолинскаго уѣзда кажется нѣтъ. Соленныя-же и горькосоленныя озера около средины лѣта большею частью пересыхаютъ и обращаются въ солонцы съ твердой, но зыбкой корой, неудобной для передвиженія по ней, въ особенности съ тяжестями (какъ напр. солонцы Соръбулакъ, Ашказаннинъ-соръ и др.). Причина такого маловодья страны—почти полное отсутствіе дождей съ средины лѣта и, какъ слѣдствіе этого,—большая сухость воздуха.

Горы, которыми богата сѣверная половина за-сарысуйской части Акмолинскаго уѣзда, повидимому, въ неособенно далекомъ прошломъ, были богаты густымъ строевымъ лѣсомъ. Тамъ водились даже дикія жвачныя: мараль (*Cervus elaphus sibiricus* Pall. (по-киргизски „бугу“); архаръ (*Ovis argali* Pall. (по-киргизски „аркаръ“); Косуля (*Cervus pygargus* Pall. (по-киргиз. „иликъ“), на что указываютъ киргизскія названія нѣкоторыхъ горъ: „Бугулы, Аркарлы“ и мн. др. Медвѣди сохранились и теперь въ уцѣлѣвшихъ остаткахъ лѣсовъ въ горахъ Актау и Ортау.

Въ этой странѣ встрѣчаются слѣды бывшихъ когда-то лѣсныхъ зарослей, по берегамъ р.р. Атасу, Манака и Сары-су, въ видѣ очень рѣдко попадающихся отдѣльныхъ жалкихъ и кривыхъ кустиковъ тала, или мощныхъ корней, питавшихъ повидимому большія деревья.

Строевой лѣсъ въ южной части Акмолинскаго уѣзда нынѣ растетъ только въ ущельяхъ горъ Ортау, Актау, близъ Коктункуля, и то въ очень ограниченномъ количествѣ: что успѣли уберечь богатые киргизы около своихъ зимовокъ. Затѣмъ на югѣ лѣсныя поросли встрѣчаются сѣвернѣе р. Сары-су на ур. Кара-агачъ, гдѣ хотя нѣтъ вовсе строеваго лѣса, но есть хорошія молодья лѣсныя заросли (преимущественно береза и тополь), годныя для мелкихъ подѣлокъ. Тамъ можно встрѣтить деревца болѣе 2 вершковъ толщиною. Существованіемъ своимъ до сихъ поръ Караагачъ всецѣло обязанъ Караагачскому управителю Чону Тельгозину, зимовка котораго находится въ срединѣ лѣсныхъ зарослей. Громадная энергія и сильное вліяніе на киргизъ этого почтеннаго старика, очень любознательнаго, дали ему возможность поставить свое veto на при-

косновеніе къ зарослямъ Караагача. Киргизы не осмѣливаются даже скотъ пускать въ эти заросли.

По дорогѣ въ Туркестанъ песками Джиты-конуръ — вовсе нѣтъ деревьевъ. За Джидели-конуръ можно видѣть издали только нѣсколько кустиковъ сексеула (*Haloxylon ammodendron*) и Джингыла (остатковъ когда-то бывшихъ лѣсовъ). Темнозеленый цвѣтъ хвои сексеула производитъ пріятное впечатлѣніе на глаза, устающія отъ постоянства грязно-сѣраго цвѣта степи. Заросли сексеула встрѣчаются къ сѣверу отъ пустыни Бедпакъ-дала за Соръ-булакомъ, увеличиваясь по направленію прямо къ сѣверу отъ него и достигая значительныхъ перелѣсковъ по направленію къ оврагу Кокъ-тасъ. Въ этихъ-то сексеуловыхъ заросляхъ и сохраняются табуны лошадей киргизъ Чуйской волости Акмолинскаго уѣзда зимой, во время бурановъ.

Сексеуль для построекъ негоденъ, по причинѣ своей хрупкости; но онъ представляетъ прекрасное топливо, прямо съ корня, и развѣ немногo уступаетъ, по количеству отдѣляемаго тепла, каменному углю; а передъ лигнитомъ еще имѣетъ то преимущество, что послѣ горѣнія оставляетъ очень мало золы. Сексеуль употребляется киргизами для укрѣпленія стѣнъ степныхъ колодцевъ, которые всѣ выложены сексеуломъ и доведены, этою постепенно суживающеюся обкладкою, до уровня почвы. Отверстіе колодцевъ очень небольшое, для предохраненія ихъ отъ засоренія пескомъ, во время лѣтнихъ бурановъ и мятелей. Сексеуловая обкладка колодцевъ долго не подвергается гніенію и киргизы, по большей части, не запоминаютъ, когда колодцы обложены. Это заставляетъ полагать, что сексеуловые колодезные срубы очень долговѣчны.

Возвышенности (холмы) и горы южной части Акмолинскаго уѣзда состоятъ по преимуществу изъ глинистаго сланца, известняка и песчанника; а такъ называемые Чагылы, между оврагомъ Джидели и колодцами Мій-Кайнаръ, покрыты бѣлымъ кварцемъ, который сильно блеститъ на солнцѣ и составляетъ рѣзкій контрастъ съ окружающею мѣстностью грязно-сѣро-бураго цвѣта. Основаніемъ Ортау, Актау, Мунглу, Бугулы, Тагалы и др. высокихъ горъ — служить гранитъ. Возвышенности Акмолинскаго уѣзда до сихъ поръ сохраняютъ слѣды монгольскаго населенія и владычества.

Курганы и жертвоприношенія горному духу¹⁾ можно встрѣтить всюду.

Пески Джитыконуръ хотя мѣстами и сыпучи, но не представляютъ затрудненій для колеснаго движенія, кромѣ небольшого пространства (около семи верстъ) на уроч. Самень-кумъ (на 10-ти верстной картѣ этого важнаго урочища не обозначено), верстахъ въ 25 по дорогѣ къ югу, отъ могилы „Байбича“. Это ужасное мѣсто легко проходимо только послѣ дождя, весьма рѣдкаго лѣтомъ въ той маловодной странѣ. Во время же бездождія, путь, по сыпучему песку, среди песчаныхъ холмовъ (съ рѣдкою джингыловою порослью на верху), настолько утомляетъ десятокъ лошадей, вырѣженныхъ въ легкую пустую повозку (которую по доброму пути съ пассажирами легко везла пара лошадей), что по моему мнѣнію, для тяжелой повозки, и въ особенности съ грузомъ, пески Самень-кумъ должны представить серьезное препятствіе, обходъ котораго довольно далеко (добусунскій путь). Препятствіе это менѣе ощутительно можетъ быть только для сартовскихъ арбъ, съ колесами трехъ-аршиннаго діаметра.

Пустыня Бедпакъ-дала представляетъ плоскую возвышенность, опускающуюся къ сопредѣльной сѣверной степи весьма крутымъ и высокимъ обрывомъ. Эта пустыня совершенно безводная въ западной узкой своей части, въ восточной, болѣе широкой, имѣетъ нѣсколько колодцевъ съ солоноватой водой, которую могутъ безъ вреда употреблять только люди, привыкшіе къ степной водѣ. Бедпакъ-дала сплошь покрыта рѣдкою полынью (по-киргизски — *джусанъ*) и представляется взору безконечною равниною грязно-буровато-сѣраго цвѣта, болшею частью совершенно плоскою.

Наученные опытомъ киргизы перегоняютъ свои стада черезъ пустыню Бедпакъ-дала: слѣдуя на зимовки (на р. Чу), по первому снѣгу; а съ зимовокъ на лѣтнія кочевья (джайлиу), находящіеся къ сѣверу отъ р. Сары-су, — перекочевываютъ въ то время, когда

¹⁾ По обычаю монголовъ, въ благодарность за счастливый переходъ черезъ горный переваль или престо, чрезъ господствующую надъ другими гору, духу этой горы должна быть принесена жертва въ видѣ камней (которые складываются въ кучу, называемую *обо*), клочка матеріи, черепа близъ этого мѣста слѣденаго животнаго и т. п.

стаяль снѣгъ на равнинѣ; но еще сохранился въ овражкахъ для того, чтобы не имѣть затрудненія въ водопоѣ. Начало и даже середина ноября считается началомъ зимы въ пустынѣ Бедпакъ-дала, а въ мартѣ, обыкновенно, она уже свободна отъ снѣга. Снѣгъ въ Бедпакъ-дала выпадаетъ большею частью неособенно глубокой; но бываютъ зимы, когда прекращается всякое сообщеніе черезъ нее: это случается тогда, когда по выпаденіи перваго большаго снѣга, сдѣлается оттепель съ дождемъ и снѣгъ оледенѣетъ. Вѣтры, столь обыкновенные въ этой пустынѣ, сметаютъ съ ее оледенѣвшей поверхности снѣгъ и потому она остается почти всю зиму покрытою ледяной корой: а на небованныхъ киргизскихъ лошадяхъ и верблюдахъ по такой поверхности двигаться невозможно.

Въ теченіи лѣта южная часть Акмолинскаго уѣзда, къ югу отъ р. Сары-су остается почти необитаемою, такъ какъ киргизы, на это время года, перекочевываютъ, со своими стадами, къ сѣверу отъ р. Сары-су. На мѣстахъ же зимнихъ кочевокъ, къ югу отъ р. Сары-су, на лѣто остаются только джатаки—бѣдняки-хлѣбопашцы, не имѣющіе скота и слѣдовательно—возможности къ перекочевкѣ, да бѣдняки же—караульщики зимовокъ.

Киргизы-джатаки занимаются хлѣбопашествомъ по берегамъ р. р. Чу, Сары-су и вблизи многоводныхъ озеръ (въ родѣ Коктункуля и Бозгуля). Сѣютъ они по преимуществу пшеницу и просо. На берегахъ р. Чу, восточнѣ Бегеръ-куля засѣваютъ бакчи дынями и арбузами и имѣютъ, гдѣ позволяетъ достатокъ воды,—клеверныя поля.

Киргизскія волости, зимующія южнѣ р. Сары-су, переходятъ эту рѣку, по направленію къ зимовкамъ, въ концѣ августа; а тѣ, которыя зимуютъ на р. Чу,—въ октябрѣ приходятъ съ своими стадами къ сѣверной границѣ пустыни Бедпакъ-дала, съ тѣмъ, чтобы воспользоваться первою возможностью, для перехода чрезъ эту пустыню.

Удовлетворительный подножный кормъ можно встрѣтить только къ сѣверу отъ параллели колодцевъ Мій-кайнарь и къ востоку отъ этихъ колодцевъ, въ горахъ верховья Ата-су. Южнѣ колодцевъ Мій-кайнарь и не гоняются киргизскіе табуны (конскіе). Волости, зимующія на берегахъ р. Чу, гонятъ туда, по большей

части, только верблюдовъ, рогатый скотъ и барановъ (кара-маль), на которыхъ, повидимому, солоноватость воды не имѣетъ дурнаго вліянія и которые безъ вреда могутъ довольствоваться полынью, осокой и камышемъ, въ изобиліи произрастающими по берегамъ р. Чу. По берегамъ-же Сары-су камышевыя заросли встрѣчаются только южнѣ урочища Тогускенъ.

Изложенное указываетъ на тѣ затрудненія, которыя можно встрѣтить при переѣздѣ изъ г. Акмолинска въ мѣстности, лежащія къ югу отъ р. Чу.

Очень заинтересованный провѣркою разсказовъ о путяхъ между г. г. Акмолинскомъ и Туркестаномъ, я воспользовался случаемъ, заставившимъ меня по службѣ, проѣхать до р. Чу и возвратился другимъ путемъ (къ Чу—я ѣхалъ чрезъ Конурь—Кендырлыкъ—Чулакъ-эспэ; а назадъ—чрезъ Уванасъ, Бурю-тескенъ и Соръ-булакъ); такъ что я могу сообщить объ этихъ путяхъ мои личныя наблюденія, помимо разспросныхъ свѣдѣній, нерѣдко несогласныхъ съ истиной. Эти-то два пройденныя мною пути я и опишу возможно подробно, для того чтобы имѣть удовольствіе быть хотя сколько-нибудь полезнымъ тому, кто захотѣлъ-бы воспользоваться добытыми мною свѣдѣніями или пройти моими путями.

Изъ г. Акмолинска существуютъ три пути, по направленію къ югу и всѣ три держатся берега р. Нуры, богатой лучшею въ уѣздѣ прѣсною водой и прекрасными лугами. Берега р. Нуры сплошь покрыты зарослями тала. Рѣка эта, по всему своему теченію, богата рыбою. Нуринскія щуки далеко въ окрестностяхъ славятся своимъ вкусомъ и величиною.

Два пути идутъ по правому берегу р. Нуры; а одинъ, подойдя къ броду чрезъ р. Нуру, у могилы Дюртъ-кулакъ, переходитъ этотъ бродъ и направляется лѣвымъ берегомъ этой рѣки, такъ какъ въ большей части озеръ, даже и при-нуринскихъ, вода имѣетъ солоноватый вкусъ. Верстъ семь выше Нуринской станціи ¹⁾ бывшаго почтоваго тракта (изъ г. Акмолинска въ укр. Актавское, нынѣ несуществующее) путь этотъ поворачиваетъ къ юго-западу, мимо озера Тасъ-Суатъ, черезъ логъ Ащилы-айрыкъ и урочище Кара-агачъ, бо-

¹⁾ Киргизы называютъ эту станцію «Куланъ бэсетъ».

гатое топливомъ, прекраснымъ подножнымъ кормомъ и хорошей водой, сначала по берегамъ р. Куланъ-утмеса и его притоковъ, а потомъ минуется много разныхъ мелкихъ озеръ „карасу“¹⁾ иногда неимѣющихъ названій. Отъ урочища Кара-агачъ путь этотъ направляется на правый берегъ р. Сары-су, верстъ на пять выше могилы Каибъ-ата. Затѣмъ слѣдуетъ по правому берегу этой рѣки и между могилою Казангапъ и урочищемъ Тогускенъ переходить на лѣвый берегъ р. Сары-су; далѣе за урочищемъ Тогускенъ путь удаляется отъ этой рѣки, направляясь прямо на логъ, мимо соленого озера Бозгуль, а пройдя его, принимаетъ почти юго-западное направленіе, черезъ колодцы: Кызыль-эспэ, Бозгакъ, Бель-кудукъ и Джидели. Отсюда дорога раздваивается. Одинъ путь идетъ на Катунъ-соръ (мог. Байбича), по восточной его сторонѣ, Самень-кумъ и Табанъ-кудукъ (названный на 10 верстной картѣ Сасыкъ-кудукомъ). Другой же поворачиваетъ на Джангуръ-кумъ, Джунгуршаалы-кудукъ и, обходя съ сѣверной стороны соленое озеро Добусунъ-тузъ (богатое самосадочной солью хорошаго качества), выходитъ тоже на Табанъ-кудукъ. Отсюда общій путь направляется почти прямо на югъ, поднимается на возвышенную пустыню Бедпакъ-дала у ключей Кендырлыкъ (эти ключи у самой вершины подъема), перерѣзываетъ эту пустынную возвышенность, между ключами Кендырлыкъ и колодцемъ Чулакъ-эспэ; затѣмъ направляется черезъ р. Чу—въ г. Сузакъ, находящійся передъ горами Кара-тау, по дорогѣ въ Туркестанъ. Другіе два пути, слѣдующіе правымъ берегомъ р. Нуры соединяются въ одинъ—версты четыре ниже Нуринской станціи (Куланъ-бэкетъ). Далѣе этотъ путь идетъ до брода чрезъ р. Нуру у горы Тленъ-Джартасъ, близъ бывшей Тленчатской станціи Актавскаго тракта²⁾, мимо озера Балыкты-куль (или Балыкты-баятаръ)³⁾ на югъ, до Эскенейской станціи.

¹⁾ Чернал (т.-е. прозрачная) вода. Это названіе получаютъ всѣ ручьи и рѣчки, имѣющіе болотное происхожденіе, или питающіеся подземными ключами.

²⁾ Этотъ путь соединяется съ вышеописаннымъ лѣвымъ путемъ—дорогою, лежащею между бродомъ Джайдыкъ-уткуль и оз. Балтыръ-куль.

³⁾ Отсюда опять отдѣляется путь, для соединенія съ западнымъ (вышеописаннымъ) мимо бывшей станціи Куданъ-утмеса, по направленію къ уроч. Кара-агачъ.

Отсюда дорога направляется черезъ рѣку Сары-су, верстъ семь ниже кладбища Копъ-мула, черезъ оврагъ Талды Манака и долину р. Атасу. Перейдя ложе этой рѣки, противъ могилы Клычмула (на картѣ „Казымбекъ“), дорога идетъ на уроч. Ундыбайнынъ Акъ-чій, близъ горъ Ку-улу; далѣе черезъ логъ Карасай (верховья лога Кокъ-тасъ)¹⁾ на ключи Мій-кайнаръ, потомъ по холмамъ мѣстности, до Соръ-булака, за которымъ поднимается на возвышенную пустыню Бедпакъ-дала. Затѣмъ слѣдуетъ, мимо колодцевъ Бурютескэнъ и Уванасъ, къ солончатому озеру Бегеръ-куль, у котораго этотъ путь раздѣляется: одинъ идетъ на западъ, черезъ логъ, р. Чу—на Сузакъ, а другой на востокъ по р. Чу, а потомъ чрезъ укр. Чулакъ-курганъ въ Чимкентъ.

Этими путями, преимущественно западнымъ, слѣдуютъ изъ Ташкента въ Акмолинскъ караваны, съ произведеніями Средней Азіи: шелковыми, полшелковыми и бумажными халатами и тканями, сушеными фруктами, коврами, тесьмами для киргизскихъ юртъ и т. п. потребностями киргизовъ.

Отправляясь на Бес-куланскій чрезвычайный съѣздъ (за р. Чу), я, по сложившимся служебнымъ обстоятельствамъ, отъ г. Акмолинска до уроч. Тогускенъ, ѣхалъ не обыкновеннымъ караваннымъ путемъ, а вдоль кочевьевъ киргизъ за-сарысуйскихъ волостей. Но такъ какъ, въ продолженіи пяти-мѣсячныхъ постоянныхъ разъѣздовъ по уѣзду, я нѣсколько разъ проѣзжалъ по разнымъ участкамъ караваннаго пути отъ Акмолинска на р. Сары-су и при томъ въ разныхъ направленіяхъ, то и опишу караванные пути, какъ болѣе другихъ интересные для желающихъ на мѣстѣ ознакомиться съ способами передвиженія между Акмолинскомъ и городами Сыръ-Дарьинской области: Туркестаномъ и Чимкентомъ. Я говорю о „другихъ путяхъ“ потому что въ степи очень часто приходится ѣздить вовсе безъ дороги, въ особенности въ мѣстностяхъ мало пересѣченныхъ, гдѣ безпрепятственно можно слѣдовать по любому направленію: была-бы вода, а верховый киргизъ вездѣ проѣдетъ: всюду ему дорога.

¹⁾ Когда-то, до уничтоженія киргизами лѣсовъ,—одной изъ мощныхъ артерій этой части уѣзда, орошавшихъ все нынѣ безводное пространство отъ верховьевъ Ата-су до р. Сары-су.

Я зналъ, что между урочищами Тогускенъ и Бес-куланъ не встрѣчу ни киргизскихъ кочевьевъ, ни селеній, и долженъ былъ приготовиться къ пути по степному, т.-е. дѣлать такіе же запасы, какіе дѣлаютъ путешественники по пустынямъ.

Для этого весь запасъ хлѣба, какой мнѣ прислали изъ дому, я разрѣзалъ на куски и высушилъ на солнцѣ. Предвидя неудовлетворительность на пути воды, я заготовилъ себѣ мѣшокъ изъ солдатскаго шинельнаго сукна, необходимую пропорцію квасцовъ и мелкаго древеснаго угля—для фильтрованія воды; мѣсячную пропорцію чаю и сахару и 24-го августа рано утромъ выѣхалъ съ уроч. Тогускенъ, по западному пути (на Конуры). 28-го августа я переѣхалъ безводную пустыню Беднакъ-дала и 30-го прибылъ на уроч. Бес-куланъ, близъ впаденія р. Чу въ группу озеръ Саумалькуль, окруженныхъ обширными камышевыми зарослями.

Отъ г. Акмолинска до уроч. Тогускенъ глазъ не утомляется однообразіемъ ландшафта. Путь идетъ отъ Акмолинска черезъ бродъ Кара-уткуль (который на языкѣ киргизъ и сартовъ далъ названіе и г. Акмолинску), затѣмъ мимо огромнаго и богатаго славящимися прекраснымъ вкусомъ карасями озера Май-балыкъ. Около бывшей Аксенгирской станціи¹⁾ путь подходитъ къ берегу рѣки Нуры. Эта рѣка вьется довольно широкой лентой, окаймленной густыми яркозелеными зарослями тала. Широкая дорога ровная, какъ отлично содержимое шоссе, окружена зелеными полями и сѣнокосами. До самаго брода черезъ р. Нуру, у горы Тлень-джартасъ, на ней нѣтъ ни одного крутаго спуска, ни одного высокаго подъема. По обѣимъ сторонамъ р. Нуры раскинулись почти сплошь киргизскія зимовки, частью сложенные изъ глины, а у состоятельныхъ киргизъ выштукатуренныя и выбѣленыя внутри (рѣдко снаружи), съ плоскими дерновыми крышами. Большая же часть зимовокъ сложена просто изъ дерна, тутъ же вблизи добытаго киргизскимъ плугомъ. По причинѣ частыхъ зимнихъ бурь, всѣ зимовки окружены крытыми дворами, въ которыхъ спасаются отъ мятелей, сильныхъ

¹⁾ Упраздненнаго Актавскаго тракта—между г. Акмолинскомъ и бывшимъ укрѣпленіемъ Актавскимъ.

морозовъ и волковъ, — мелкій скотъ и лошади, оставленныя, для домашняго обихода, на зиму.

Ближе къ г. Акмолинску попадаются и деревянныя зимовки (дома съ двухскатными и шатровыми крышами), построенныя по-русски. Это собственность султановъ Конуровыхъ, нѣкогда богатыхъ потомковъ покойнаго старшаго султана Конуркульджи Худаймедина. Но у султановъ этихъ киргизскаго осталось только развѣ языкъ, да привычка питаться кониной; вообще же они переняли настолько татарскій образъ жизни, одежду и обычаи, что ихъ несправедливо даже и причисляютъ къ кочевникамъ, хотя они и перекочевываютъ лѣтомъ съ своими табунами на нѣсколько верстъ отъ зимовокъ.

Какое значеніе имѣетъ для киргизъ Акмолинскаго уѣзда бассейнъ р. Нуры, видно изъ того, что семь волостей этого уѣзда размѣщаются тамъ на лѣтнія кочевья (джайлау).¹⁾

Какъ я уже сказалъ, по дорогамъ отъ р. Сары-су до р. Чу лѣтомъ нельзя встрѣтить ауловъ киргизъ Акмолинскаго уѣзда, потому что Чуйская, Мунглинская и Атасуйская волости, зимующія вблизи обѣихъ дорогъ, — лѣтомъ уходятъ къ сѣверу отъ р. Сары-су, имѣя лѣтнія стойбища близъ береговъ р. Сюрту и вокругъ Конэкъ Тологаевъ. На зимовыхъ же стойбищахъ, тамъ, гдѣ есть вода въ достаточномъ количествѣ, остаются только джатаки (бѣдняки) и очень незначительное число игинчи (хлѣбонашцы) въ мѣстахъ орошенныхъ арыками. Иногда только можно встрѣтить въ Конурахъ хищнически забравшихся туда киргизъ Туркестанскаго уѣзда, которые, въ случаѣ скудности кормовъ на ихъ лѣтнихъ стойбищахъ, забираются въ зимовки киргизъ Акмолинскаго уѣзда, травятъ своимъ скотомъ ихъ зимовые выгоны и обкрадываютъ зимовки, въ которыхъ киргизы всегда оставляютъ кое-какое имущество излишнія кошмы, оконныя рамы и т. п.²⁾

Рано утромъ 24-го августа я выѣхалъ съ уроч. Тогускенъ, по направленію къ югу, оставивъ въ лѣвой сторонѣ соленое озеро

¹⁾ Спасская, Чирубай-Нурина, Нельдинская, Кара-агачская, Нурина и Ортавская.

²⁾ Вотъ одна изъ причинъ постоянныхъ неудовольствій, конокрадства и бражки между киргизами Акмолинскаго и Туркестанскаго уѣздовъ.

Бозгуль и ночеваль близь колодца Кызыль-эспэ. Оврагъ (древнее русло рѣчки) Кызыль-эспэ и берега его покрыты густыми зарослями чіа (*Lasiagrostis* sp?), а въ самомъ руслѣ Кызыль-эспэ вырыто нѣсколько колодцевъ. Вода въ колодцѣ, около котораго я остановился съ провожавшими меня киргизами, была вполнѣ удовлетворительна для пищи и даже въ чаѣ едва ощущался очень слабый горьковато-соленый вкусъ.

На счастье, за нѣсколько дней передъ моимъ проѣздомъ, по этому пути проходилъ большой караванъ изъ Акмолинска въ Туркестанъ. Такъ какъ верблюды съ вьюками идутъ, среднее, отъ 25 до 35 верстъ въ сутки, то караванъ останавливался у каждаго колодца и потребивъ всю воду неглубокихъ колодцевъ для водопоя вьючнаго и верховаго скота своего, — этимъ самымъ очищали и освѣжали колодцы: иначе вода въ колодцахъ, въ жаркое лѣтнее время, застаивается и портится. Я не говорю уже о случаяхъ порчи воды въ колодцахъ — утонувшими въ нихъ животными организмами, какъ это мнѣ пришлось встрѣтить въ Табанъ-кудукѣ.

Дорога отъ Тогускеня, до Кызыль-эспэ и немного далѣе, за этимъ, оврагомъ, почти до колодцевъ Бозгакъ, пролегаетъ по песчаному грунту, по большей части неглубокому; но встрѣчаются (за Бозгулемъ уже) два-три перехвата, въ нѣсколько десятковъ саж. шириною, съ глубокимъ пескомъ. Въ топливѣ не встрѣчается недостатка по тѣмъ путямъ, гдѣ часто ходятъ караваны. Въ мѣстностяхъ, гдѣ нѣтъ по близости кустарниковъ или камыша, какъ по описываемому пути (древесное топливо можно найти только въ песчаныхъ барханахъ Самень-кумъ), прекраснымъ топливомъ служатъ сухіе экскременты верблюдовъ и лошадей прошедшихъ каравановъ. Дожди, которые портятъ, разрыхляя такое топливо, въ этихъ мѣстностяхъ очень рѣдки, такъ что на этого рода топливо можно съ увѣренностію рассчитывать.

Около колодцевъ Бозгакъ, которые я миновалъ 25 августа, начинается глинистый грунтъ, перемѣшанный съ дресвою и мелкою галькою, такъ что дорога вообще хороша и гладка какъ шоссе. Не доѣзжая колодца Белькудукъ¹⁾ начинаютъ встрѣчаться солонцы,

¹⁾ На десятиверстной картѣ — Тобулгада-кудукъ.

со свойственной имъ растительностію, которую ѣдятъ только верблюды, до колодцевъ у могилы Байбича (вблизи солонца Катуннынъ-сорь¹⁾); а солонцы затѣмъ становятся рѣже и грунтъ дороги отъ могилы Байбича до уроч. Самень-кумъ — мягче и мѣстами песчаный. Дорога черезъ Самень-кумъ²⁾ пролегаетъ по глубоко-песчаному сыпучему грунту, между песчаныхъ холмовъ, на которыхъ растутъ рѣдкіе кустарники: Джингылъ, Байлышъ и др.³⁾, представляющіе вполнѣ хорошее топливо, хотя они и мелки. Переднія колеса повозки въ этомъ тяжеломъ для переѣзда въ экипажѣ песчаномъ ущельѣ — уходятъ въ песокъ до ступицы и лошади, сколько-бы ихъ ни запрягали, могутъ двигаться только шагомъ и при томъ такъ напрягаютъ свои силы, что потъ съ нихъ льетъ, какъ послѣ тридцати-верстнаго перегона съ курьерской скоростью.

Песчаное ущелье Самень-кумъ упирается въ ровную солонцеватую мѣстность поросшую чіемъ (*Lasiagrostis*). Направо (на западъ) отъ выхода изъ ущелья, среди зарослей чіа, есть нѣсколько колодцевъ, около которыхъ караваны всегда останавливаются для того, чтобы дать отдыхъ утомившимся верблюдамъ и лошадямъ и напиться чаю.

Вода въ этихъ колодцахъ хотя съ большимъ содержаніемъ солей, чѣмъ вода прежде встрѣченныхъ нами колодцевъ, но, послѣ утомительнаго переѣзда черезъ пески, съ чаемъ переносима, въ особенности для непривычнаго желудка степняка.

Лошади пьютъ эту воду тоже съ охотою.

За Самень-кумомъ, до самаго подъема на пустыню Бедпакъ-дала, путь идетъ по глинистому и дресвяному грунту. Ночевать я прибылъ къ колодцу Табанъ-кудукъ⁴⁾. Задержанный медленностію движенія черезъ Самень-кумъ, къ мѣсту ночлега я прибылъ поздно, — когда уже совсѣмъ стемнѣло.

¹⁾ На десятиверстной картѣ — Котанъ-соръ.

²⁾ На десятиверстной картѣ вовсе не показано это урочище, имѣющее серьезное значеніе для колеснаго передвиженія по этому пути.

³⁾ Очень сожалѣю, что не собралъ образцовъ этихъ кустарниковъ для опредѣленія ихъ научныхъ названій.

⁴⁾ На десятиверстной картѣ колодецъ этотъ по чему-то названъ Сасыкъ-кудукъ. По моимъ разспросамъ — колодецъ у киргизъ такого названія не носитъ.

Утромъ, на разсвѣтѣ, напоивъ лошадей, мы выѣхали и часамъ къ 9 приблизились къ пресѣкающей путь, краснаго цвѣта, глиняной стѣнѣ саженъ 20—25 вышиною, если не больше. Это былъ сѣверный край пустыни Бедпакъ-дала, которая рѣзко, стѣною возвышается надъ сопредѣльными сѣверными равнинами. Внизу у подъема видны нѣсколько промоинъ отъ стока вешнихъ водъ. Въ берегахъ этихъ промоинъ я замѣтилъ слои раковинъ¹⁾.

Возвышенная пустыня Бедпакъ-дала, судя по обнаженіямъ скалистой поверхности подъема, состоитъ изъ красныхъ глиняныхъ слоевъ, подъ которыми залегаютъ глинистые сланцы окрашенные въ красноватый цвѣтъ. Подъемъ съ равнины на возвышенность, не особенно крутой, извивается зигзагомъ, въ три перегиба и послѣ подъема, направо отъ дороги, видно короткое крутое ущелье, въ вершинѣ котораго четыре небольшихъ ключика, называемые Кендырлыкъ, съ прѣсной водой. Здѣсь мы сдѣлали привалъ, сварили обѣдъ и, напившись чаю, направились къ югу поперегъ пустыни.

Пустыня Бедпакъ-дала²⁾ представляетъ равнину сѣро-бураго цвѣта съ рѣдкою порослью полыни и кое-гдѣ разбросанными кустиками низкаго кустарнаго растенія—Баилышъ.

Глинистая почва пустыни усыпана мелкою галькою. Дорога по ней уже не представляетъ гладкаго, ровнаго шоссе, а состоитъ изъ множества колеѣ—(слѣдовъ верблюжьихъ каравановъ) извивающихся и переплетающихся между собой. Эти колеи не всегда приходятся по ширинѣ колесъ экипажа и пока правящій лошадьми не примѣнитъ къ этой особенности,—безпокоятъ пассажира. Равнина такъ утомительна и безконечно ровна, что невольно является сравненіе ея съ замерзшимъ въ спокойномъ состояніи моремъ грязно-сѣраго цвѣта. Эта безотрадная пустыня, вслѣдствіе отсутствія воды почти вовсе лишена животной жизни. Мелкія птички встрѣчаются только въ недалекомъ разстояніи отъ ключей Кен-

¹⁾ Не могу простить себѣ того, что воображая найти тѣже раковины на обратномъ пути, и не взявъ ихъ съ собой; а на другихъ же окраинахъ пустыни раковинъ не встрѣчалъ.

²⁾ Чюль (безводное мѣсто), какъ ее называютъ обыкновенно сосѣдніе съ нею киргизы.

дырлыкъ, къ которымъ прилетаютъ на водопой изъ пустыни и копытчатые ябхи (бульдюкъ—*Sirrhaptes paradoxus* Pall.). Этихъ ябховъ я встрѣчалъ большими стаями близъ всѣхъ степныхъ колодець, и охотникъ съ хорошимъ ружьемъ можетъ рассчитывать на ихъ мясо во время своего степнаго путешествія.

Версть 35 отъ ключей Кендырлыкъ, по направленію къ р. Чу, въ правой сторонѣ отъ дороги, близъ караваннаго пути есть колодець глубиною повидимому отъ 5 до 7 саж., называемый киргизами—Нугай-кудукъ (татарскій колодець). До воды колодець не доведенъ. По названію же надо полагать, что рылъ этотъ колодець татаринъ, или, по крайней мѣрѣ, татаринъ платилъ за рытье колодца. Твердость же грунта пустыни и отсутствіе воды ближе Кендырлыкскихъ ключей, заставляеть удивляться человѣколюбивому стремленію этого татарина, соображая тѣ трудности, какія онъ встрѣчалъ при прорытіи колодца въ безводной пустынѣ. Версть 25 или 30 за Нугай-кудукомъ пустыня Бедпакъ-дала представляетъ такую же безотрадную равнину, какъ и между кл. Кендырлыкъ и названнымъ колодцемъ. Затѣмъ мѣстность принимаетъ слегка холмистый характеръ съ замѣтнымъ наклономъ къ югу, такъ что самый спускъ къ колодцу Чулакъ-эспэ, у котораго оканчивается на югѣ пустыня, очень незначителенъ и вовсе не представляетъ того скалистаго и обрывистаго характера, какъ у кл. Кендырлыкъ. Но все таки колодець Чулакъ-эспэ лежитъ въ оврагѣ, какъ-бы въ высохшемъ руслѣ когда-то бывшей рѣки. Да и самое названіе *эспэ* киргизы присвоиваютъ сухимъ русламъ рѣкъ имѣющихъ какъ-бы подземное теченіе. Вода въ этихъ сухихъ руслахъ довольно близка отъ поверхности земли и колодца, вырытые въ нихъ, обыкновенно бываютъ обильны ею. Чулакъ-эспэ самый большой и богатый водою колодець—изъ всѣхъ, встрѣчающихся отъ уроч. Тогускенъ. Отверстіе его неправильно овальной формы и имѣетъ болѣе сажени сѣченія, по длинной оси. Въ глубину размѣры колодца значительно болѣе, какъ и у другихъ степныхъ колодець. Онъ также выложенъ сексеуломъ (*Haloxylon ammodendron*) и, если постоять съ полсутокъ безъ потребления, наполняется водою почти до краевъ (при 7-ми арш. глубинѣ). Вода въ

немъ совершенно прозрачна и содержитъ въ растворѣ очень незначительное количество солей, въ особенности—въ верхнемъ слоѣ, когда колодець полонъ. Въ глубинѣ же содержаніе солей увеличивается.

Съѣздъ на урочищѣ Бес-куланъ, на который я съѣхалъ, былъ назначенъ на 1-е сентября и къ этому числу мнѣ нужно было прибыть на мѣсто съѣзда, для того, чтобы не опоздать и не дать этимъ преимуществамъ искамъ противной стороны: такъ какъ въ инструкціи для этого съѣзда было опредѣлено, что неявившіеся къ назначенному числу съѣзда, на указанное для него мѣсто, теряютъ право предъявлять иски и должны подвергнуться заочному рѣшенію суда бѣвъ по предъявленнымъ искамъ. Такимъ образомъ я пріѣхалъ на Чулакъ-эспе 28 августа и узнавъ, что уроч. Бес-куланъ находится отъ этого мѣста въ разстояніи дневнаго пути, пробылъ тамъ весь день 29 августа, поджидая своихъ оставшихъ киргизъ.

Во время этой дневки отдохнули и лошади; а я наблюдалъ за возвращавшимися съ лѣтенокъ стадами и караванами, пересѣкавшими голодную степь по разнымъ направленіямъ, такъ какъ дороги, пересѣкающія пустыню Беднакъ-дала, сходятся у колодца Чулакъ-эспе. Я видѣлъ, какое количество воды можетъ выпить не только верблюдъ, но даже киргизская овца, послѣ перехода черезъ безводную степь, во время перехода по которой она болѣе двухъ сутокъ не пила воды. Я увѣренъ, что не впаду въ ошибку, если скажу, что каждая овца выпила около ведра воды. Пастухи едва могли сдерживать стада свои для того, чтобы къ водою они шли небольшими партіями: сколько можетъ помѣститься вокругъ поставленной у колодца колоды. Послѣ водою стада ложились и отдыхали болѣе часа и только потомъ уже, послѣ отдыха, слѣдовали далѣе.

Выѣхавъ 30 августа по направленію къ уроч. Бес-куланъ, я направился внизъ по оврагу Чулакъ-эспе, пересѣкъ уголь громаднаго солонца Ашъ-Казаннынъ Улькунъ-соръ и объѣзжая безъ дороги разныя озера и солонцы, приблизился, къ берегу р. Чу. Названный солонецъ, повидимому, питается подводнымъ теченіемъ Чулакъ-эспе (такъ какъ оврагъ Чулакъ-эспе какъ-бы впадаетъ

въ солонецъ, т.-е. приближается къ нему постепеннымъ наклономъ дна). Этому я приписываю значительную сырость почвы солонца, такъ что проѣздъ возможенъ былъ только по заранѣ избранному пробую направленію. Почва остальной части солонца была настолько вязка, что не выдерживала тяжести лошади и подвергала ее опасности быть засосанною.

Къ руслу р. Чу я приблизился близъ могилы Бисары-батыря¹⁾. Переѣхавъ-же р. Чу за могилами Чойбасъ, попробовалъ-было чуйской воды, но какъ только взял ее въ ротъ, тотчасъ же и выплюнулъ: такъ она была отвратительно солоната. По моему указанію, бывшіе со мною киргизы пробовали рыть колодцы, вдоль по берегу р. Чу, въ разныхъ разстояніяхъ отъ него, въ надеждѣ добыть воду съ меньшимъ содержаніемъ солей; но всѣ ихъ труды оказались напрасными. Вода показывалась хотя и совершенно прозрачная, безцвѣтная (а не бураго цвѣта, какъ въ руслѣ р. Чу), но съ такимъ содержаніемъ солей, которое дѣлало немислимымъ употребленіе ея въ пищу. Я разослалъ киргизъ на поиски озера съ менѣе соленою водою. Признаюсь, что поиски я рѣшилъ предпринять на счастье, не имѣя, повидимому, никакихъ основаній предполагать, что какое-либо изъ озеръ группы Саумаль-куль, въ которую впадаетъ р. Чу, будетъ содержать въ растворѣ менѣе соли, чѣмъ другія, сосѣднія. На наше счастье, поиски оказались удачными, чѣмъ мы ожидали: нашлось озеро съ незначительно соленымъ вкусомъ воды и я близъ этого озера поставилъ свою дорожную палатку, а къ ночи могъ достать себѣ и юрту, хотя продывленную и старую. Мнѣ было неизвѣстно сколько времени продлится съѣздъ, а потому я счелъ нужнымъ позаботиться о своемъ продовольствіи; для этого я послалъ поискать и купить барана у Туркестанскихъ киргизъ, кочевья которыхъ могли быть вблизи²⁾. Баранъ былъ найденъ и заколотъ. Такъ какъ на мѣстѣ стоянки, безлюдной въ это время, приходилось очень экономно расходовать мясо, то я приказалъ часть барана сварить, а остальную разрѣзать на тонкія полосы и

¹⁾ На картѣ могила названа «Исары».

²⁾ У Туркестанскихъ киргизъ вообще скота мало и онъ дорогъ, по причинѣ близости городовъ: Туркестана и Чимкента.

повѣсить, для просушки, въ тѣни¹⁾). Приготовленное и высушенное такимъ способомъ мясо сохраняется безъ порчи долгое время и не имѣетъ противнаго вкуса; оно достаточно сохраняетъ свои питательныя свойства и даетъ хорошій наваръ.

Черезъ нѣсколько дней, когда съѣхалось на съѣздъ много киргизъ разныхъ уѣздовъ, табуны лошадей начали гонять на водопой въ то озеро, около котораго мы остановились. Вода такимъ образомъ нѣсколько разъ въ день мутилась и дѣлалась отъ этого солонѣе. Никакая очистка и фильтрованіе ея не могли уже уменьшить количества содержащейся въ ней соли и сначала у киргизъ, а потомъ у меня появилось расстройство желудка, принимавшее кровавыя формы.

17-го сентября я выѣхалъ съ уроч. Бес-куланъ обратно, избравъ для возвращенія другую, такъ наз. Уванасскую дорогу, черезъ пустыню Бедпакъ-дала.

Правымъ берегомъ р. Чу я возвращаться не хотѣлъ, боясь трудности переѣзда черезъ солонцы; да при томъ дорога была и дальше. Поэтому я направился лѣвымъ берегомъ р. Чу. Пришлось и здѣсь ѣхать безъ дороги. Путь оказался еще болѣе тяжелымъ, чѣмъ по правому берегу, потому что почва лѣваго берега р. Чу—песчаная съ глубокими и во многихъ мѣстахъ сыпучими песками, между песчаныхъ бугровъ, обросшихъ колючкою, джингыломъ и сексеуломъ. За уроч. Кокъ-мурунь мы въѣхали въ мелкія заросли камыша. Тутъ мы встрѣтили три семьи кабановъ; сопровождавшіе меня киргизы съ крикомъ бросились въ погоню за ними, разумѣется безуспѣшно: отчасти вѣроятно и вслѣдствіе слабости лошадей изнуренныхъ полыннымъ кормомъ и горькосолевымъ питьемъ, которое дѣйствуетъ расслабляющимъ образомъ на лошадиные желудки. Одна семейка кабановъ, состоявшая изъ свиньи и трехъ поросятъ, видя опасность, бросилась въ островокъ густаго и высокаго камыша и скрылась въ немъ. Не смотря на то, что окружность островка едва-ли превышала сажень 25—30, кир-

¹⁾ Какъ мнѣ указалъ это извѣстный нашъ путешественникъ Н. М. Пржевальскій, снаряжавшійся, во время бытности моей въ Кульджѣ,—въ свою Лобнорскую экспедицію въ 1876 году.

гизы должны были употребить много усилія, для того, чтобы выгнать изъ него кабановъ. Въѣхать въ густой островокъ всѣ боялись, такъ какъ были безоружны, а разъяренная свинья могла попортить ноги лошадей; на крики же кабаны не обращали, повидимому, никакого вниманія, тѣмъ болѣе, что островокъ былъ окруженъ киргизами. Когда же киргизы сгруппировались съ одной стороны островка и усилили этимъ свою атаку, то кабаны выскочили съ противоположной стороны и очень быстро скрылись въ густыхъ заросляхъ камыша.

Я переѣхалъ на правый берегъ р. Чу (по сухому, въ этомъ мѣстѣ, руслу ея) недалеко отъ холма Той-тюбе и остановился довольно рано на ночлегъ близъ оз. Бегеръ-куль, у самаго подъема на возвышенную пустыню Бедпакъ-дала. Далѣе ѣхать было невозможно, такъ какъ ближайшимъ мѣстомъ остановки, по этой дорогѣ, были колодцы Уванась, поѣздка къ которымъ, въ этотъ день, могла-бы слишкомъ утомить нашихъ слабыхъ лошадей. Вода въ озерѣ Бегеръ съ замѣтнымъ содержаніемъ солей, такъ что чай не могъ заглушить неприятнаго, горькосолепаго вкуса ея.

Пустыня Бедпакъ-дала, между Бегеръ-кулемъ и колодцами Уванась, не представляетъ безконечной равнины, какъ по Кендерлыкскому пути. Уванасскій путь пересѣкается небольшими ложками, солонцами и имѣетъ даже возвышенности, хотя очень незначительныя¹⁾. Грунтъ Уванасскаго пути такой-же глинистый, какъ и Кендырлыкского; мѣстами же глинисто-солонцеватый (съ совершенно сухими во время моего проѣзда солонцами), усыпанный мелкою галькою. Вода въ колодцахъ Уванась оказалась тоже очень соленою и едва переносимою въ чаѣ. На другой день мы пріѣхали на ночлегъ къ слѣдующему колодцу, по описываемому пути черезъ пустыню; колодецъ этотъ носитъ названіе „Бурю-тескенъ“, т.е. вырытый волками. Вода въ колодцѣ Бурю-тескенъ далеко менѣе солоная, чѣмъ въ Уванась и Бегеръ-кулѣ²⁾.

¹⁾ Кызъ-имчекъ,—дѣвичьи груди,—двѣ парня, рядомъ стоящія круглой формы горы изъ глинистаго сланца, близъ которыхъ пролегаетъ дорога, обходя ихъ съ восточной стороны.

²⁾ Близъ колодца Бурю-тескенъ встрѣчаются сексеуловыя заросли. Сексеуль въ нихъ хотя и небольшой, но вполнѣ годный для топлива.

Пустыня Бедпакъ-дала между колодцами Уванасъ и Соръ-булакомъ опять представляетъ безконечную равнину. За колодцемъ Бурю-тескенъ дорога раздваивается. Одна—караванная идетъ на сѣверо-востокъ, черезъ большой солонецъ Соръ-булакъ, а другая прямо на сѣверъ, къ зимовкамъ киргизъ Чуйской волости гонящихъ по этой дорогѣ свой скотъ (верблюдовъ, рогатый скотъ и овецъ) къ берегамъ р. Чу на зимовку. Передъ Соръ-булакомъ—спускъ съ возвышенной пустыни Бедпакъ-дала такого же характера, какъ и Кендырлыкскій; только онъ мнѣ показался нѣсколько поваче и ниже. Солонецъ Соръ-булакъ во время моего проѣзда былъ уже совершенно сухъ и блестялъ бѣлизною выступившихъ изъ почвы солей. Почва его настолько засохла и окрѣпла, что копыто лошади оставляло на немъ такой же слѣдъ, какъ и на сухомъ глинистомъ грунтѣ. За Соръ-булакомъ также отдѣляется отъ караваннаго пути дорога прямо на сѣверъ—къ зимовкамъ киргизъ въ окрестностяхъ р. Кокъ-тасъ. Тотчасъ-же за Соръ-булакомъ начинаются сексеуловыя заросли, которыя достигаютъ здѣсь 4 и даже 5 арш. вышины, при 8—9 вершковой толщинѣ у корня.

Это чрезвычайно плотное и твердое дерево—очень хрупко и сравнительно легко отламывается у корня, такъ что не надо вовсе большой силы, чтобы сломить дерево въ руку толщиной. Оно представляетъ драгоценный матеріалъ—какъ топливо: легко загорается и отдѣляетъ почти столько-же тепла, какъ и каменный уголь. Небольшой костеръ, зажигаемый въ киргизской куртѣ для варки пицци и по окончаніи горѣнія покрытый пепломъ легко сохраняетъ огонь въ теченіи сутокъ. Раскаленные угли сексеула невозможно брать въ руку, какъ березовые, потому что они причиняютъ тотчасъ-же обжогъ.

Между Соръ-булакомъ и русломъ р. Джидели я встрѣчалъ нѣсколько табуновъ кулановъ. Одинъ косячокъ особей въ 40, какъ мнѣ показалось, несся въ карьеръ, повидимому, удаляясь отъ какой-то опасности¹⁾. Косячекъ этотъ остановился шагахъ въ 300 отъ меня и сталъ фронтомъ, вѣроятно, удивленный движеніемъ невиданнаго предмета—экипажа, запряженнаго лошадьми. Я сдѣлалъ нѣ-

¹⁾ Послѣ оказалось, что кулановъ испугала осѣчка ружья охотника-киргиза.

сколько выстрѣловъ изъ винтовки по куланамъ. Три первыхъ выстрѣла куланы выдержали въ наблюдательномъ положеніи, нисколько не пугаясь звуковъ выстрѣловъ; но увидѣвъ паденіе одного изъ своей среды, куланы перемѣстились. Затѣмъ, послѣ каждаго выстрѣла, куланы перемѣщались, описывая кругъ около экипажа въ 400—500 шаговъ радіусомъ. Изъ этого косяка, стоя въ экипажѣ, я убилъ пять штукъ, къ великой радости киргизъ, считающихъ необыкновенно вкуснымъ непривлекательное для европейца мясо кулановъ.

Лошади, на которыхъ я ѣхалъ, еле тянулись, не смотря на частыя смѣны, чуть не на каждой верстѣ. Желудки ихъ настолько были разслаблены полынью и горько-соленой водой, что я не рѣшался требовать болѣе быстрой ѣзды.

На р. Джидели мы ночевали 19 сентября и тамъ были выставлены для меня свѣжія лошади. Около Джидели уже есть удовлетворительный подножный кормъ; да и вода р. Джидели, на вкусъ содержитъ едва замѣтные признаки солонатовости.

Отъ р. Джидели путь пролегаетъ по твердому глинистому грунту съ большою примѣсью гальки. Мѣстность пересѣкается холмами Чагыль, покрытыми кварцемъ свѣжно-бѣлаго цвѣта.

Всѣ изображенныя по этому пути, на десятиверстной картѣ, рѣчки (Джидели, Каиннынъ-кара-су, Аркалы-кара-су, Карасай съ своими верховьями) на самомъ дѣлѣ представляютъ сухія русла, по которымъ стекаютъ весеннія воды съ горъ. Во время же моего проѣзда, во второй половинѣ сентября, я въ нихъ, кромѣ небольшой продолговатой котловинки въ каменистомъ руслѣ р. Джидели, около котораго я останавливался¹⁾, ни капли воды не видѣлъ и самыя ложи этихъ періодическихъ рѣчекъ были покрыты травой.

Колодцы Мій-кайнаръ, гдѣ я ночевалъ, въ день выѣзда, послѣ ночевки на р. Джидели, содержатъ прекрасную, совершенно прѣсную воду. Эти колодцы вырыты на мѣстѣ сильныхъ подземныхъ ключей. Теперь они затянута полужидкимъ и топкимъ иломъ, поверхъ котораго течетъ изъ колодцевъ вода прозрачная и вкусная. Длинная палка уходитъ совершенно безпрепятственно въ

¹⁾ Это мѣсто питается подводными ключами.

иль. Киргизы рассказываютъ, что животное, попавшее случайно въ иль колодезь, засасывается имъ и не только само не можетъ выкарабкаться оттуда, но его невозможно и вытащить.

Я полагаю, что расчистка этихъ колодезевъ должна значительно увеличить притокъ въ нихъ воды; это могло-бы принести большую пользу сосѣднимъ киргизамъ-джатакамъ, давъ имъ возможность заняться земледѣлемъ.

21-го сентября я добрался до горъ Кувлу (правильнѣе Куулу), покрытыхъ прекраснымъ подножнымъ кормомъ и почевалъ на уроч. Ундыбайнынъ Акъ-чій, въ развѣлахъ верховьевъ сѣвернаго притока р. Кара-сай. Въ сухомъ руслѣ оврага обазалось много колодезевъ съ весьма хорошей водой. Колодцы неглубоки: вода показывается даже на аршинной глубинѣ отъ поверхности русла. Въ этой мѣстности стоялъ цѣлый аулъ киргизъ, двигавшійся по направленію къ своимъ зимовкамъ.

Вообще въ сентябрѣ мѣсяцѣ киргизы, зимующіе на р. Чу двигаются съ своими стадами къ пустынѣ Бедпакъ-дала и дожидаются, въ недалекомъ отъ нея разстояніи, первой возможности перейти черезъ пустыню.

На слѣдующій день я переѣхалъ въ широкую долину р. Ата-су. Отъ р. Джидели, до спуска въ долину р. Ата-су дорога протекаетъ по холмистой мѣстности, воионѣ удобной для колеснаго движенія, какъ и весь пройденный мною обратный путь. Спуски и подъемы вездѣ настолько пологи, что нигдѣ не представляютъ затрудненій для колесной ѣзды.

Долина сухаго, въ это время, русла р. Ата-су покрыта густымъ чіемъ (*Lasiagrostis* sp.?) вѣрнымъ признакомъ близости подпочвенной воды. По р. Ата-су много киргизскихъ зимовокъ, построенныхъ изъ дерна. Около каждой зимовки кучи тезека (сухой скотскій пометъ), приготовленнаго для топлива на зимнее время. До р. Сары-су я добрался, слѣдуя лѣвымъ берегомъ р. Ата-су.

Вл. фонъ-Гернъ.

г. Омскъ.

Февраль 1886 года.

Приложеніе къ описанію поѣздки Г. фонъ-Герна на ур. Бесъ-кулангъ.

МАРШРУТЪ

караваннаго пути отъ г. Акмолинска черезъ пески Джиты-Еонуръ и пустыню Бедпакъ-дала, до р. Чу.

Названія остановокъ и урочищъ.	Число верстъ
Отъ г. Акмолинска:	
Бродъ чрезъ р. Нуру	24
логъ Талды-сай	34
оз. Чопты-куль	50
„ Тасъ-суатъ	30
„ Балтыръ	40
уроч. Кара-агачъ	58
мог. Каибъ-ата	60
оз. Бозгуль	20
кол. Кызыль-эспе	75
„ Бозгакъ	32
„ Бель-кудукъ	60
„ Джидели-кудукъ	20
„ у мог. Байбича	40
пески Самень-кумъ	28
кол. за песками	7
„ Табанъ-кудукъ	34
ключи Кендырлыкъ	23
кол. Чулакъ-эспе	80
переѣздъ чрезъ р. Чу	25
Всего	740

МАРШРУТЪ

пути отъ г. Акмолинска черезъ р. Ата-су и колодець
Уванасъ, до р. Чу.

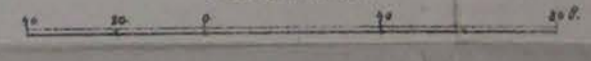
Названіе остановокъ и урочищъ.	Число верстъ
ур. Аксевгиръ (бывшая почтов. ст.) . . .	35
„ Кубетей (тоже)	40
„ Нуринскій, или Куланъ (тоже) . . .	40
бродъ у Тлень-Джартаса	44
оз. Балыкты-Баятаръ	26
Куланъ-утмесъ (бывш. ст.)	27
Эскеней (тоже)	40
Переѣздъ чрезъ Сары-су у мог. Кошъ мула	27
„ „ р. Манака	20
„ „ „ Ата-су	52
уроч. Уидыбайнынъ Акъ-чій	40
логъ Кара-сай	22
колодцы Мій кайнаръ	30
логъ Каипъ-мергеннынъ-карасу	25
„ Джидели	42
солонецъ Соръ-булакъ	60
колодець Бурю-тескенъ	40
„ Уванасъ	46
оз. Бегеръ-куль	80
Переѣздъ чрезъ р. Чу	12
Всего	748

КАРТА

Из статьи Б. фонъ Бернъ "Поездка на р. Чу через пустыню Бетпакъ-дала"

Масштабъ

ОБЪЯСНЕНИЕ ЗНАКОВЪ

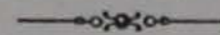
- Путь отъ Акмалиска дог Туркестана
- Путь Акмалиска Уздн. Нас. фонъ Бернъ
- Мѣсто полевки.
- ★ Мѣсто Бес-Куланскаго отъезда
- ☼ Заросли ча.

КРАТКІЙ ОЧЕРКЪ

БАРЛЫКСКОЙ ГОРНОЙ СТРАНЫ.

(Сообщеніе чл.-с. Р. Закржевскаго, сдѣланное въ засѣданіи Отдѣла
20-го апрѣля 1887 г.)

Настоящій очеркъ есть результатъ топографическихъ изслѣдованій, произведенныхъ въ 1886 году, въ той части сѣверо-западной Чжунгаріи, которая непосредственно прилегаетъ къ нашей государственной границѣ и извѣстна подъ названіемъ Барлыкской горной страны.

Поводомъ къ этимъ работамъ послужили неоднократно возникавшія недоразумѣнія между китайскими и русскими пограничными властями при выясненіи границы тѣхъ земель, которыя въ силу протокола разграниченія 1883 года, генераль-маіора Фриде и сановника Шена, уступлены были въ временное владѣніе киргизъ русскихъ подданныхъ. Въ виду неоднократнаго заявленія со стороны Чугучакскаго консула о беспорядкахъ, возникающихъ по этому поводу на границѣ, временно-исправляющей должность Степного генераль-губернатора и командующаго войсками округа, генераль-лейтенантъ Бовковъ, поставивъ себѣ задачей содѣйствовать скорѣйшему прекращенію споровъ, счелъ необходимымъ собрать болѣе подробныя топографическія свѣдѣнія о горной странѣ Барлыка, преслѣдуя въ тоже время и цѣли чисто географическія. Эти послѣднія заключались въ пополненіи картографическимъ матеріаломъ этой малоизслѣдованной части Чжунгаріи.

Производство топографическихъ работъ поручено было мнѣ и классному топографу, титулярному совѣтнику Богданову. На насъ возлагалось: произвести глазомѣрную съемку долины р. Эмеля отъ пограничнаго знака Маниту до г. Дурбульджина съ прилегающею къ ней на югъ степью, а также восточной части горной страны Барлыка, хребта Джаира и долины рѣки Намынголь. Независимо отъ топографическихъ работъ,

II.

мнѣ поручено было опредѣленіе географическаго положенія важнѣйшихъ пунктовъ, лежащихъ въ районѣ указанныхъ топографическихъ работъ.

Обстоятельства, вызвавшія нашу командировку въ Барлыкъ, главнымъ образомъ послужили и причиною, не дозволившей намъ вполне окончить возложенную на насъ задачу: китайскія власти, заинтересованныя результатомъ окончанія возникшихъ недоразумѣній, бдительно слѣдили за ходомъ нашихъ работъ, а попытки наши дѣлать изслѣдованія за чертой спорныхъ земель возбуждали въ нихъ подозрѣніе въ желаніи съ нашей стороны захватить ихъ территорію и вызвали ихъ протесты въ консульствѣ. Въ виду такого положенія дѣла, не желая возбуждать напрасныхъ дипломатическихъ усложненій, намъ оставалось покориться обстоятельствамъ и стѣснить рамки нашихъ работъ.

Класснымъ топографомъ г. Богдановымъ сняты были: сѣверная часть долины р. Эмеля по лѣвую сторону рѣки, теченіе рѣки Акъ-су и верховья ея, западные отроги хребта Уркашара, западная часть Джаирскихъ горъ и юго-восточная часть горъ Майли. Въ составъ моей съемки входитъ: сѣверный склонъ и восточная часть Барлыкскихъ горъ, долина р. Купъ и равнина Конуръ-обо, съ прилегающими къ нимъ южными склонами Барлыка и часть горъ Майли. Всего нами снято около 10,000 кв. верстъ глазомѣрно, а мною малымъ универсальнымъ инструментомъ и тремя хронометрами опредѣлено географическое положеніе 6-ти пунктовъ. Работы наши продолжались немного болѣе двухъ мѣсяцевъ.

Вычисленіе сдѣланныхъ мной астрономическихъ наблюдений принялъ на себя геодезистъ, подполковникъ Ю. А. Шмидтъ.

КРАТКІЙ ОЧЕРКЪ БАРЛЫКСКОЙ ГОРНОЙ СТРАНЫ.

Часть китайской территоріи, ограниченная съ сѣвера р. Эмель, съ востока Богдоханскимъ путемъ, съ юга—хребтомъ Майли, а на западѣ прилегающая къ нашей государственной границѣ известна подъ общимъ названіемъ Барлыкской горной страны.

Обширная площадь этихъ земель, лежащая въ предѣлахъ $45^{\circ} 30'$ и $46^{\circ} 40'$ сѣверной широты и между 52° и 53° восточной долготы, отъ Пулково, состоитъ изъ группы высокихъ Барлыкскихъ горъ, части слабо-сочлененныхъ съ ними горъ Майли и прилегающихъ къ этимъ горамъ пространныхъ долинъ.

Въ административномъ отношеніи эти земли входятъ въ составъ Тарбагатайскаго округа Илійской провинціи. Управленіе округа и резиденція губернатора (хебей-амбана) находится въ городкѣ Дурбульджинѣ, лежащемъ на рѣкѣ Эмели въ 65-ти верстахъ отъ бывшаго окружнаго города Чугучака и въ 83-хъ верстахъ отъ русскаго укрѣпленія Бахтовъ.

Наиболѣе существенную часть всего участка составляютъ Барлыкскія горы. Эти горы по своему географическому положенію, какъ-бы служатъ соединительнымъ звѣномъ Тяньшанской и Тарбагатайской горныхъ системъ, но Алакульская впадина, продолженіемъ которой служитъ низменность оз. Эби-нора и рѣзкій обрывъ восточной оконечности хребта Алатау слишкомъ обособляютъ этотъ послѣдній отъ Барлыкскихъ горъ, тогда какъ съ другой стороны, сочлененіе этихъ горъ съ горами Майли-Джаиръ, а этихъ послѣднихъ, хотя въ слабой степени, съ горами Уркашаръ дѣлаютъ естественнымъ предположеніе, что Барлыкскія горы принадлежатъ къ Тарбагатайской горной системѣ.

Границами собственно Барлыка служатъ: на сѣверѣ солонцеватая и болотистая равнина лѣваго берега рѣки Эмели, на восто-

кѣ—рѣчка Сары-хулсынъ, на югѣ—рѣчка Купъ, возвышенная равнина Конуръ-обо и р. Теректы-кусакъ, а на западѣ—Алакульская равнина.

Вся масса Барлыкскихъ горъ не имѣетъ рѣзко опредѣленнаго характера: это скорѣе узель, нежели хребетъ. Если провести ломаную черту отъ возвышенія Кинкъ къ высотѣ Агъ-чеко и далѣе на гребень Керъ-тау, а отсюда къ восточной оконечности горъ, то она распредѣлитъ теченіе водъ на сѣверъ, западъ и югъ, но тѣмъ не менѣе общимъ резервуаромъ для принятія влаги, стекающей со склоновъ Барлыка, служитъ оз. Ала-куль.

Продольная ось всего возвышенія лежитъ ближе къ южному склону горъ, въ направленіи съ юго-запада на сѣверо-востокъ; на этой оси находятся высшія точки поднятія: вершины гребня Керъ-тау, въ изсѣченіяхъ котораго снѣгъ не таетъ въ продолженіи всего лѣта, судя по нѣкоторымъ даннымъ, достигаютъ высоты около 8.000 фут. Отъ гребня Керъ-тау, какъ отъ общаго узла, отдѣляются въ разныхъ направленіяхъ мощные отроги, обособленные глубокими, но узкими долинами.

Сѣверные и западные склоны Барлыкскихъ горъ рѣзко отличаются отъ ихъ южнаго склона: первые обладаютъ большимъ и разнообразнымъ расчлененіемъ, тогда какъ южный склонъ имѣетъ видъ хребта и отдѣляетъ отъ себя лишь незначительные и короткіе отроги. Это, въ свою очередь, обуславливаетъ большую доступность этихъ горъ съ сѣверной и западной стороны.

Западные отроги долиной р. Тасты дѣлятся на двѣ части. Сѣверная часть, выдающаяся къ западу, состоитъ изъ широкой плоской возвышенности, бѣдно орошенной, но богатой хорошими кормами, тогда какъ въ южной части преобладаютъ узкіе, почти обнаженные, каменистые хребты, глубокія долины, раздѣляющія ихъ обильно орошаются горными ручьями и рѣчками, а сѣверные склоны хребтовъ покрыты лѣсомъ.

Бывшая китайская пикетная дорога, служащая нынѣ пограничной чертой съ Китаемъ, отмежевываетъ къ Россіи только часть западныхъ отроговъ, лежащихъ къ сѣверу отъ р. Тасты, къ югу же отъ этой рѣчки въ наши предѣлы входятъ лишь самыя незна-

чительныя части склоновъ Барлыка, такъ какъ государственная граница проходитъ здѣсь почти у подножія горъ.

Кромѣ общаго названія „Барлыкъ“ ко многимъ выдающимся высотамъ и частямъ горъ мѣстные киргизы приурочили особыя названія. Изъ этихъ урочищъ болѣе извѣстны слѣдующія: широкой и плоской отрогъ, выдвинувшійся далеко къ сѣверу, назыв. Кинкъ-тау, а слабо соединенная съ нимъ группа холмовъ, лежащая у береговъ р. Эмели противъ пограничнаго знака Маниту назыв. Тюлькуле; обширное холмистое плоскогоріе, лежащее къ сѣверу отъ рѣки Каинды носитъ названіе Арасанъ-джетасы: урочище это есть самая выдающаяся къ западу часть Барлыкскихъ предгорій, оно пересѣкается р. Цаганъ-тагой и находится въ русскихъ предѣлахъ. Это урочище знаменито своими горячими источниками, температура одного изъ нихъ доходитъ до 39° R.

Высоты между р.р. Тасты и Теректы извѣстны подъ названіемъ Бель-азекъ: каменистыя горы эти по большей части лишены подножнаго корма, изрѣзаны глубокими щелями и даютъ начало многимъ рѣчкамъ, въ верховьяхъ которыхъ растетъ строевой лѣсъ. Всѣ-же второстепенные отроги носятъ названія, тождественныя съ названіями рѣчекъ, ихъ орошающихъ.

Западные склоны Барлыка даютъ начало слѣдующимъ рѣчкамъ:

Самая многоводная—Цаганъ-тогой, истоки которой лежатъ въ срединѣ горъ, вблизи плоской вершины Агъ-чеко; р. Каинды-булакъ, начало которой тоже далеко въ горахъ, принимаетъ нѣсколько незначительныхъ ручьевъ, бѣгущихъ съ горъ Бель-азекъ; въ этихъ же горахъ находятся источники рѣчекъ: Дулаты (Бурханъ), Пченды, Ацилы и Чурчуть; рѣчки Теректы и Суюнъ, въ долинахъ которыхъ растетъ лучшій строевой лѣсъ, дополняютъ орошеніе западныхъ склоновъ. Рѣчка Теректы-кусакъ, отдѣляющая юго-западные предгорья Барлыка отъ сѣверо-западныхъ склоновъ Майли, беретъ начало на возвышенной равнинѣ Конуръ-обо изъ болотъ.

Въ общемъ, западная часть Барлыкскихъ горъ пользуется достаточнымъ орошеніемъ, но большинство упомянутыхъ рѣчекъ маловодны и по выходѣ на долину теряются въ наносахъ; только Цаганъ-тогой весной достигаетъ озера Алакуля.

У подножія горъ въ долинахъ р.р. Цаганъ-тогой, Тасты, Пченды, Чурчуть и Кепели есть много мѣстъ удобныхъ для хлѣбопашества, но положеніе государственной границы отдѣляетъ къ Китаю большую часть этихъ угодій, а главное—верховья оросительныхъ рѣчекъ.

Сѣверные отроги Барлыкскихъ горъ, лежащіе между р. Карабура и проходомъ Чолакскимъ, оканчиваются очень круто; они изрѣзаны глубокими лощинами, каменисты, покрыты осыпами и весьма тощей растительностью, состоящею изъ колючихъ травъ и кустарниковъ.

Крутыя высоты между р. Карабура и ручьемъ Ргайли назыв. Азнабай; далѣе къ востоку до прохода Алтынъ-эмельскаго горы извѣстны подъ назв. Саръ-нохай; часть Барлыкскихъ горъ между проходами Алтынъ-эмельскимъ и Чолакскимъ носятъ названіе Аюлы. Подножія упомянутыхъ крутыхъ отроговъ отдѣляются отъ равнины непрерывнымъ рядомъ невысокихъ холмовъ: холмы эти суть или позднѣйшіе наносы или продуктъ разрушенія каменныхъ породъ, составлявшихъ нѣкогда неширокую террасу съ крутымъ склономъ къ равнинѣ.

Возвышенности, къ западу отъ р. Карабура отличаются пологими склонами, широкими, по большей части, гладкими вершинами и обиліемъ подножнаго корма.

Постепенное пониженіе Барлыка къ востоку оканчивается узкой полосой горъ подъ названіемъ Каранынъ-тау: слѣдуя общему направленію всего поднятія, эта часть Барлыкскихъ горъ по своему строенію ничѣмъ въ сущности не отличается отъ главной массы, съ которою она находится въ общей связи.

Изъ рѣчекъ, берущихъ начало на сѣверныхъ склонахъ, болѣе замѣчательна Карабура (Аръ-яманту). Она получаетъ начало въ самой срединѣ горъ, принимаетъ въ себя много мелкихъ горныхъ рѣчекъ и отличается многоводіемъ. По выходѣ изъ горъ, она не теряетъ воды до самыхъ низкихъ мѣстъ Эмельской долины, но р. Эмель она не достигаетъ, оканчивая свое теченіе въ наносахъ гравія и песку, лежащихъ на границѣ области эмельскихъ чіевъ. Карабура въ горахъ проходитъ въ узкой извилистой долині съ

крутыми каменистыми склонами; на днѣ долины много травянистой растительности, различныхъ кустарниковъ и отдѣльныя деревья осины и тополя довольно крупныхъ размѣровъ.

По выходѣ изъ горъ каменистое русло рѣки лежитъ въ глубокой лощинѣ съ крутыми боками, изрѣзанными глубокими арыками. Здѣсь быстрая рѣчка въ лѣтнее время неглубока, переправа по ней безпрепятственна, но спускъ въ лощину крутой, не вездѣ удобный.

Рѣчка Кусакъ (Чибсаты) образуется изъ двухъ горныхъ рѣчекъ: Джангысы и Чагыръ. Тамъ, гдѣ эти рѣчки текутъ между пологими склонами, много сѣнокосныхъ мѣстъ и пахатныхъ участковъ.

Рѣчка Алтынъ-эмель, берущая начало въ проходѣ того-же названія, и рѣчка Байбиче, по берегамъ которой много змѣиныхъ гнѣздъ, въ сущности незначительны. Кромѣ того съ этихъ склоновъ Барлыка и его восточной части Каранынъ-тау сбѣгаетъ на долину нѣсколько горныхъ ручьевъ и ключей, но, покинувъ горы, они вскорѣ теряютъ воду въ своихъ каменистыхъ руслахъ.

Отъ подножія сѣверныхъ отроговъ до области чіевъ, лежащихъ по берегу р. Эмель, тянется обширная, слегка наклонная къ сѣверу равнина. Она по направленію съ сѣвера на югъ пересѣкается глубокими лощинами, оврагами, образовавшимися отъ размывныхъ арыковъ и руслами временныхъ потоковъ. Почти лишенная травянистой растительности, почва равнины состоитъ изъ глины и песка, перемѣшанныхъ съ обломками сосѣднихъ горъ. Но пустынный характеръ этой мѣстности, обусловленный недостаткомъ кормовыхъ травъ, восполняется плодородіемъ почвы. Широкая полоса этой равнины, лежащая у подножія горъ отъ р. Кусакъ и до пик. Сары-хулсынъ, во многихъ мѣстахъ носитъ слѣды осѣдлой жизни и земледѣлія, чему свидѣтельствуютъ размывы арыки, оросительныя канавки и разбросанныя по равнинѣ развалины хотюнскихъ тамовъ (фанзъ): судя по уцѣлѣвшимъ остаткамъ, многіе изъ этихъ тамовъ отличались благоустройствомъ, были обсажены деревьями, снабжены водоемами и соединены между собой колесными путями, слѣды которыхъ видны и понынѣ, а на р. Карабура была кумирня.

Послѣ дунганскаго возстанія мѣстность эта обратилась въ пустыню. Въ настоящее время киргизы распахиваютъ небольшіе участки вблизи горъ по берегамъ рѣчекъ, а китайцы лишь три года назадъ возобновили распашки по лѣвому берегу р. Карабуры, но всего около 150 десятинъ.

Южная сторона Барлыкскихъ горъ отъ пикета Сары-хулсынъ до р. Лангутель имѣетъ видъ хребта съ крутымъ паденіемъ и короткими поперечными долинами, но далѣе къ западу характеръ мѣстности измѣняется: хребетъ высылаетъ болѣе длинные отроги, оканчивающіеся холмистыми предгоріями. Предгорья эти состоятъ изъ узкихъ уваловъ разобщенныхъ глубокими лощинами съ тощей травянистой растительностію; хребты уваловъ иногда каменисты, а склоны ихъ покрыты острымъ щебнемъ. На югъ эти предгорія оканчиваются обрывомъ, тогда какъ на западѣ онѣ переходятъ въ узкую холмистую гряду Улькунъ Тасыркай, отдѣляющую наклонную равнину Кара-сай отъ равнины Конуръ-обо.

Противулежащія этой мѣстности склоны горъ Майли также высылаютъ сюда свои предгорія, имѣющія тождественный характеръ; такимъ образомъ въ этомъ мѣстѣ получилась связь незначительныхъ отроговъ Барлыка и Майли, а на линіи ихъ соединенія образовалось глубокое ущелье, по дну котораго пролагаетъ путь быстрая рѣка Купъ. Бока ущелья состоятъ изъ обозначенныхъ скалъ, а дно его покрыто хорошей травой.

Это слабое сочлененіе горъ Майли съ горами Барлыкскими съ одной стороны замыкаетъ на западѣ долину р. Купъ, а съ другой отдѣляетъ эту послѣднюю отъ возвышенной равнины Конуръ-обо.

Далѣе къ западу характеръ южнаго склона Барлыкскихъ горъ снова измѣняется: пологія предгорія постепеннымъ повышеніемъ къ сѣверо-западу переходятъ въ крутыя и скалистыя горы Кара-сай, а эти послѣднія сливаются съ хребтомъ Керъ-тау, достигающимъ въ этой части наибольшей высоты.

Кромѣ Керъ-тау на сторонѣ южнаго склона изъ общаго хребта выдѣляются слѣдующія высоты: Аюлы, Байдынъ-кара-чеку, Куу-карагай и Саръ-камыръ. На южныхъ крутыхъ склонахъ двухъ послѣднихъ сопокъ есть немного строеваго сосноваго лѣса.

Южная сторона Барлыкскихъ горъ небогата орошеніемъ. Отъ пикета Сары-хулсынъ до прохода Алтынъ-эмельскаго, на протяженіи почти 30 верстъ встрѣчаются только четыре незначительныхъ ручья: Талды-булакъ, Акъ-тасъ, Джаксылыкъ-бастау и Тасакпай. Но далѣе къ западу постепенно возвышающіеся и удлинненные отроги порождаютъ болѣе обильныя водой рѣчки, изъ которыхъ р.р. Коше и Койгельды служатъ главными притоками р. Купъ. Рѣчка Лангутель съ притокомъ Куу-карагай, пока русло ея лежитъ въ предгоріяхъ, довольно многоводна, но съ выходомъ на долину быстро лишается этого качества и теряется въ наносахъ, только глубокая промоина, достигающая сухаго русла р. Купъ, указываетъ на путь ея въ весеннее время.

Не смотря на скудость орошенія, южные склоны Барлыкскихъ горъ богаче травянистой растительностію, нежели сѣверные: поблизости рѣчекъ, родниковъ и у подножія горъ встрѣчаются значительныя участки, покрытыя растительнымъ слоємъ. Въ настоящее время эти мѣста представляютъ богатые сѣнокосы, хотя въ этомъ смыслѣ ими никто не пользуется.

Центральная часть Барлыкскихъ горъ состоитъ изъ большихъ продольныхъ и поперечныхъ хребтовъ, боковые склоны которыхъ, состоящіе по большей части изъ обнаженнаго камня, трудно доступны и покрыты осыпями. Растительность боковыхъ склоновъ состоитъ изъ мелкихъ колючихъ кустарниковъ и только на небольшихъ каменистыхъ площадкахъ и на днѣ мелкихъ лощинъ, слегка прикрытыхъ тонкимъ землистымъ слоємъ, встрѣчается тощій кипецъ; тогда какъ, по большей части, плоскія и широкія вершины хребтовъ имѣютъ округлое холмистое очертаніе и почти сплошь покрыты мягкой травой и кипцемъ. Узкія долины глубоки, извилисты, а иногда отвѣсныя бока ихъ образуютъ дикія ущелья.

О геогностическомъ строеніи Барлыкскихъ горъ пока еще не имѣется никакихъ свѣдѣній, а потому не дѣлая выводовъ и обобщеній, не лишне будетъ указать на тѣ особенности строенія этихъ горъ, которыя болѣе рѣзко бросались въ глаза при бѣгломъ обзорѣ мѣстности.

Преобладающими породами восточной части горъ суть глини-

стые сланцы. Темно-бурый глинистый сланецъ, изъ котораго преимущественно слагаются сѣверные отроги горъ, имѣетъ обширное распространение и составляетъ мощную породу. Въ руслахъ рѣчекъ сѣвернаго склона встрѣчается множество обломковъ, принадлежащихъ къ различнымъ кристаллическимъ породамъ. На днѣ ущелій, далеко въ глубинѣ горъ попадаются большіе куски сѣраго и красноватаго гранита, не имѣющіе ничего общаго съ породами, составляющими бока ущелья. Повидимому, тѣ и другіе занесены сюда изъ верхнихъ областей горъ, такъ какъ въ нижнихъ частяхъ сѣвернаго склона обнаженій этихъ породъ не замѣчено. На правомъ берегу рѣчки Алтынъ-эмель, у выхода ея изъ прохода, встрѣчается много окаменѣлостей. Они заключены въ сланцевой породѣ темно-бурого цвѣта и состоятъ изъ червеобразныхъ суставчатыхъ и мелкихъ лучистыхъ раковинъ. Между ними нерѣдко попадаются отпечатки и части большихъ раковинъ, принадлежащихъ къ разряду трилобитовъ. Пласты, заключающіе въ себѣ окаменѣлости, лежатъ на поверхности горъ въ наклонномъ положеніи.

Въ обнаженіяхъ южныхъ склоновъ встрѣчается большее разнообразіе горныхъ породъ. Глинистые сланцы, составляющіе преобладающую породу сѣверной части горъ, въ южной—выступаютъ лишь на незначительной высотѣ. Въ болѣе высокихъ частяхъ горъ обнаженія состоятъ изъ сіенита, слюдистаго сланца, сѣраго мелкозернистаго и краснаго гранита: послѣдняя порода составляетъ гребни отроговъ, лежащихъ между проходами Джаксылыкскимъ и Алтынъ-эмельскимъ. Скалы, составляющія ущелье рѣчки Купъ, состоятъ преимущественно изъ порфировъ. Въ предгоріяхъ, по сосѣдству р. Купъ, между сланцами встрѣчаются въ видѣ скалистыхъ бугровъ обнаженія плотной конгломератовой породы, состоящей изъ мелкихъ зеренъ разноцвѣтныхъ минераловъ. Болѣе выдающіеся возвышенія предгорій между р.р. Лангутель и Койгельды состоятъ изъ известняковъ. На хребтахъ высокихъ отроговъ между р.р. Кой-гельды и Коше выступаютъ песчанники и грубые конгломераты, основная масса которыхъ рыхла и земляста.

О мѣсторожденіяхъ полезныхъ ископаемыхъ трудно судить по

тѣмъ сбивчивымъ показаніямъ, которыя давали проводники. По словамъ ихъ, на западной сторонѣ Барлыкскихъ горъ, вблизи развалинъ бывшаго китайскаго пикета Барлыкъ остались слѣды золотыхъ приисковъ, такіе-же заброшенные нынѣ прииски были въ горахъ Майли и въ Джаирѣ. Въ окрестностяхъ соп. Акъ-чеко, по словамъ киргизъ, есть мраморъ; но показаній этихъ провѣрить не удалось. Попытки раскопокъ каменнаго угля встрѣчаются между р.р. Кой-гельды и Коше; здѣсь на берегу безымяннаго ручья есть нѣсколько неглубокихъ, уже засорившихся ямъ съ остатками блестящаго и легкаго каменнаго угля.

Барлыкскія горы отдѣляются отъ сосѣднихъ съ ними горъ Майли рядомъ обособленныхъ между собою равнинъ.

Окаймленная со всѣхъ сторонъ пологими горами, возвышенная равнина Конуръ-обо, при средней ширинѣ около 8 верстъ, простирается въ длину на 15 верстъ. Въ восточной части ея находится небольшой перегибъ, служащій водораздѣломъ, а въ западной—значительная болотная впадина. Поверхность равнины, по большей части, покрыта наносами съ сосѣднихъ горъ, состоящими изъ мелкаго щебня, гравія и песка и только въ наиболѣе низкихъ частяхъ ея выступаютъ солонцеватая глины.

Не смотря на скудную травянистую растительность въ большей части равнины, мѣстность эта искони привлекала къ себѣ кочевниковъ, чему служатъ доказательствомъ разбросанные повсюду большіе и малые курганы (обо) и много киргизскихъ могилъ: умѣренная лѣтняя температура, зависящая отъ абсолютной высоты (около 4500 ф.), обиліе хорошихъ пастбищъ въ сосѣднихъ горахъ и, лежащій въ западной ея части, обширный сазъ дѣлаютъ эту равнину очень удобной для лѣтнихъ стойбищъ киргизъ.

Всегда покрытая свѣжей и мягкой зеленью, отчасти, солонцеватая поверхность саза пересѣкается свѣтлыми жилками прѣсныхъ ручейковъ, появляющихся на южной окраинѣ болота: ручьи эти берутъ начало въ горахъ Майли, но нѣкоторые изъ нихъ не достигаютъ саза, а проложивъ свои русла, проникаютъ до глинь, вмѣстѣ съ которыми и выходятъ на дневную поверхность. Въ весеннее время размокшая поверхность саза дѣлаетъ его непрохо-

димымъ, но лѣтомъ здѣсь всегда можно встрѣтить громадныя отары пасущихся барановъ.

Равнина Конуръ-обо на сѣверо-западѣ имѣетъ выходъ на равнину Кара-сай, лежащую у подножія хребта Керъ-тау, а на востокѣ—ущельемъ соединяется съ долиною р. Купъ.

При легкомъ склонѣ къ сѣверо-востоку долина Купъ простирается въ длину на 50 верстъ, а наибольшая ширина ея на параллели пикета Толу достигаетъ 20 верстъ. Въ юго-западной части поверхность долины покрыта дресвой, мелкимъ щебнемъ и почти лишена подножнаго корма, только въ небольшихъ логахъ, составляющихъ продолженіе горныхъ лоцинь встрѣчается мелкій кипецъ. Въ среднихъ частяхъ она также бѣдна травянистой растительностію, а почву ея составляетъ бѣлесоватая глина, перемежающаяся съ обломками сосѣднихъ высотъ. Здѣсь у подножія горъ, по-близости ручьевъ, китайскіе киргизы распаиваютъ незначительныя участки, но развалины тамовъ и слѣды размытыхъ арыковъ свидѣтельствуютъ о бывшихъ здѣсь прежде значительныхъ посѣвахъ. Далѣе къ востоку содержаніе въ глинѣ обломковъ и гальки постепенно уменьшается, почва дѣлается плотнѣе и слегка прикрыта растительнымъ слоемъ; жидкая трава, покрывающая эту часть равнины на видъ не особенно привлекательна, но, по свидѣтельству киргизъ, обладаетъ питательностію.

Въ лѣтнее время долина Купъ необитаема. Здѣсь лишь изрѣдка можно встрѣтить одиночныхъ пѣшихъ киргизъ, робко пробирающихся у подножія горъ: эти бѣдняки, занимающіеся поливомъ убогихъ пашень, завидѣвъ издали конныхъ людей, тотчасъ бросаютъ работу и убѣгаютъ въ горы, карабкаясь на кручи, недоступныя для всадника. Такое явленіе можно встрѣтить во всемъ Барлыкскомъ районѣ, оно вызывается господствующими здѣсь грабѣжами: недостаточный надзоръ китайскихъ властей съ одной стороны, а съ другой—крайняя неопредѣленность этой мѣстности по отношенію къ русской и китайской администраціи служатъ причиною, что здѣсь шайки иногда въ сто человекъ производятъ свои операціи почти ввиду китайскихъ пикетовъ.

Въ зимнее время долина Купъ въ нижнихъ частяхъ нѣсколько

оживляется. Въ это время сюда сгоняются большіе табуны лошадей: снѣгу здѣсь выпадаетъ мало, и, благодаря особенной питательности здѣшняго корма, захудалыя лошади быстро поправляются.

Долина Купъ рѣкой того-же названія дѣлится продольно на двѣ почти равныя части. Эта рѣчка беретъ начало на сѣверныхъ склонахъ горъ Майли; въ горахъ она незначительна, а при выходѣ на равнину Конуръ-обо совершенно теряется въ своемъ руслѣ; но пройдя скрытымъ путемъ 7-мъ верстъ, она снова появляется въ томъ мѣстѣ, гдѣ русло ея, сдѣлавъ крутой поворотъ къ востоку, входитъ въ каменистое ущелье, лежащее между отрогами Барлыка и Майли. Здѣсь почти одновременно въ нее вливаются слѣва—Буруль-байталъ, а справа—Коше. Ущельемъ она протекаетъ 25 верстъ, на этомъ пространствѣ ея пополняютъ небольшіе ручейки. Она неглубока, но многоводна; дно ея каменисто, а плоскіе берега покрыты зеленѣющими густыми травами. Съ выходомъ изъ ущелья она нѣкоторое пространство течетъ въ глубокой лоцинь съ крутыми боками и въ глинистыхъ обрывахъ, но далѣе—лишается береговъ, блуждаетъ, разливается на рукава, которые переплетаясь между собой, нерѣдко образуютъ глубокіе промоины и, наконецъ, теряется въ наносахъ мелкой гальки. Въ нижнихъ частяхъ р. Купъ представляетъ сухое русло, которое служитъ въ весеннее время стокомъ водъ юго-восточнаго склона Барлыка и сѣверо-западнаго—Майли.

Долина Купъ въ нижнихъ частяхъ имѣетъ два выхода: на востокъ она переходитъ въ обширную равнину, лежащую между хребтами Джаиръ и Уркашаръ, а на сѣверѣ—соединяется съ Эмельской долиной съ помощію узкой тѣснины. Тѣснина эта, ограниченная съ запада горами Каранынь-тау, а съ востока пологими предгорьями Уркашара, орошается р. Сары-хулсынъ.

Рѣка Сары-хулсынъ есть продуктъ подпочвеннаго стока водъ р.р. Дулаты и Байченды, имѣющихъ верховья въ Джаирѣ, и р. Купъ: помянутыя рѣчки въ среднихъ и нижнихъ своихъ частяхъ представляютъ сухія русла, которыя сходятся въ тѣснинѣ, но здѣсь изъ двухъ глубокихъ ямъ воды снова выходятъ на поверхность и сразу образуютъ значительную рѣчку.

Вдоль тѣснины проходитъ Богдоханскій путь изъ Чугучака и Дурбульджина въ г. Шихо, а въ срединѣ ея, на р. Сары-хулсынъ, расположенъ китайскій пикетъ того-же названія.

Пикетъ Сары-хулсынъ, благодаря обилію лежащихъ по сосѣдству его пахатныхъ угодій и средоточію сходящихся къ нему кочевыхъ дорогъ, до паденія Чугучака, былъ очень оживленнымъ и многолюднымъ мѣстомъ, но въ настоящее время лишь груды развалинъ, да покинутыя пашни свидѣтельствуютъ о ирженемъ значеніи этого пункта. Убогая мазанка среди этихъ развалинъ въ настоящее время служитъ почтовымъ домомъ и пріютомъ для нѣсколькихъ китайскихъ солдатъ, которые, помимо службы, обрабатываютъ небольшіе участки подъ пшеницу, просо и отчасти макъ.

По берегамъ арыка, отведеннаго изъ рѣчки на 15 верстъ, къ урочищу Сары-итъ, есть сѣнокосные участки, а на пологихъ горахъ Джельте-кара много подножнаго корма. Топливо въ изобиліи въ сосѣднихъ лощинахъ горъ Каранынъ-тау.

Лежащая къ сѣверу отъ Сары-хулсынской тѣснины, дельтеобразная полоса аллювія, постепеннымъ, весьма пологимъ склономъ переходитъ въ равнину, составляющую часть Эмельской долины. Эта равнина, при наибольшей ширинѣ около 25-ти верстъ, ограничена на югъ чертой наносовъ Барлика, а на сѣверѣ берегомъ р. Эмель.

Поверхность равнины, по большей части, имѣетъ глинисто-солонцеватую почву, поросшую чіемъ; между чіями встрѣчаются большія пространства, гдѣ глины прикрыты растительнымъ слоемъ, слегка болотистымъ. Эти части равнины, покрытыя густой мягкой травой, представляютъ большіе сѣнокосные участки. Но однообразіе характера этой равнины болѣе всего нарушается теченіемъ р. Акъ-су.

Вершина Акъ-су лежитъ въ сѣверо-западномъ склонѣ хребта Уркашара. Недалеко отъ пикета Курте Акъ-су сливается съ р. Умѣте, берущей начало въ Джаиръ и разсѣкающей невысокія горы Джельте-кара. У пикета Курте Акъ-су пересѣкаетъ Богдоханскій путь и направляется къ западу на слияніе съ р. Эмель.

Среднее теченіе Акъ-су лежитъ въ области чіевъ, здѣсь она до-

вольно многоводна, а быстрое теченіе ея, подмывая глинистую почву, образуетъ крутые береговые яры, но затѣмъ на протяженіи около 25 верстъ она проходитъ узкой полосой болотъ, покрытыхъ камышами, дѣлясь на рукава. Въ нижнихъ частяхъ рѣка эта образуетъ рядъ глубокихъ промоинъ со стоячей водой и, наконецъ, теряется безслѣдно въ пескахъ Саръ-камысъ, не достигнувъ рѣки Эмель верстъ на 12.

Въ лѣтнее время, описываемая часть Эмельской долины, представляетъ необитаемую пустыню и, къ тому-же безводную, въ смыслѣ пригодности здѣшней воды для питья: хорошихъ, глубокихъ колодезевъ здѣсь нѣтъ, встрѣчающіеся на каждомъ шагѣ чашеобразные водоемы наполнены соленой и затхлой водой; только у зимовки Чангобая, въ хрящеватомъ грунтѣ, лежащемъ непосредственно подъ нетолстымъ растительнымъ слоемъ, вырыты неглубокій колодезь съ прѣсной водой. Но съ наступленіемъ осени эта мѣстность оживляется: мягкая зима, обиліе травъ и солончаковыхъ растений, множество колючихъ кустарниковъ и камыша, служащихъ хорошимъ топливомъ, привлекаетъ сюда на зимнія стойбища киргизъ, кочующихъ лѣтомъ въ Барлыкскихъ горахъ.

Среднее теченіе р. Эмель, т.-е. часть ея, лежащая въ предѣлахъ между пикетами Сетеръ и пограничнымъ знакомъ Маниту, служитъ сѣверной границей разсматриваемаго участка.

Р. Эмель образуется изъ двухъ большихъ рѣчекъ: Акъ-эмель и Кара-эмель. Истоки ихъ лежатъ вблизи одинъ отъ другаго, въ сѣдловинѣ, служащей связью высотъ Коджуръ съ хребтомъ Уркашаръ. Обѣ названныя рѣчки, протекая въ юго-западномъ направленіи, огибаютъ горы Коджуръ и Джилантиль, а въ 96-ти верстахъ отъ истока р. Акъ-эмель сливается съ Кара-эмель, образуя одну многоводную рѣку. Въ 10-ти верстахъ выше пикета Сетеръ р. Эмель круто поворачиваетъ на западъ и въ этомъ направленіи течетъ до бывшаго пикета Маниту, а отсюда, уклоняясь къ юго-западу, достигаетъ оз. Алакуля.

Правый берегъ р. Эмель отъ пикета Сетеръ до урочища Акъ-ташъ покрытъ неширокой полосой густыхъ зарослей тальника, а далѣе на разстояніи 30 верстъ, до возвышеннаго острова Араль-

тубе оба берега рѣки совершенно недоступны; русло рѣки лежитъ вдоль широкой полосы болотъ, заросшихъ густымъ камышемъ. Средняя ширина болота около 5-ти верстъ. Въ доступныхъ-же мѣстахъ, гдѣ рѣка пролагаетъ путь по сухому глинистому грунту, берега ея сильно подмыты и обрывисты; но колебаніе русла весьма незначительное.

Въ среднемъ теченіи рѣки есть три, болѣе или менѣе, удобныхъ брода: первый лежитъ въ шести верстахъ выше пограничнаго знака Маниту, на колесномъ пути изъ укр. Бахтовъ въ Барлыкскія горы, второй—Тузъ-уткуль,—противъ урочища Акъ-тамъ и третій у пикета Сетеръ на Императорской дорогѣ. Удобство и глубина этихъ бродовъ въ зависимости отъ времени года; въ лѣтнее время они неглубоки, средняя ширина ихъ около 7-ми сажень, а быстрота теченія позволяетъ держаться на срединѣ брода.

Дно рѣки въ верхнихъ частяхъ средняго теченія покрыто мелкой галькой, у пикета Маниту гальку замѣняетъ гравій и отчасти песокъ.

Въ половодіе вода рѣки Эмели нѣсколько солоновата, но по спадѣ водъ, вкусъ ея совершенно прѣснѣй.

Вся юго-западная часть Барлыкскаго района извѣстна подѣ общимъ названіемъ горъ Майли. Эти горы состоятъ изъ невысокаго хребта, который тянется отъ Каптагайской низины до пикета Ямату и, лежащаго къ югу отъ него, обширнаго волнистаго плоскогорія.

Сѣверный склонъ Майли между р.р. Узунъ-булакомъ и Ямату состоитъ изъ ряда длинныхъ и однообразныхъ отроговъ, изъ которыхъ западные оканчиваются круто къ равнинѣ Конуръ-обо, тогда какъ восточные постепеннымъ склономъ сливаются съ долиной Купъ.

Южный склонъ хребта отъ перевала Саръ-тологой до пикета Ямату представляетъ крутой, обнаженный и сильно зазубренный уступъ. Средняя часть поверхности хребта имѣетъ видъ слегка волнистаго плато, а западная и восточная оконечность его состоитъ изъ ряда высокихъ сопокъ.

Отъ высокихъ горъ Саръ-тологой, лежащихъ близъ западной око-

нечности хребта Майли, вдоль теченія рѣчекъ Узунъ-булакъ и Теректы-кусакъ тянутся подѣ различными названіями невысокіе каменистые кряжи съ постепеннымъ пониженіемъ къ западу. Изъ нихъ извѣстны горы Кожеке, Саръ-агаты, Узунъ-булакъ, Сары-булакъ и Теректы.

Мѣстность, лежащая къ юго-востоку отъ хребта, состоитъ изъ однообразной волнистой возвышенности, на которой лишь изрѣдка выдаются незначительныя высоты; она на юго-востокѣ окружена рядомъ обособленныхъ между собой болѣе значительныхъ высотъ: Саръ-тологой, Ханымъ, Кара-чекусы, Кокъ-кода и Дагомбай, которыя тянутся полукружіемъ отъ перевала Саръ-тологой до пикета Кульденень.

Эта часть горъ Майли представляетъ сильно пересѣченную мѣстность: она состоитъ изъ длинныхъ невысокихъ балокъ и глубокихъ лоцинъ, склоны которыхъ каменисты и трудно доступны, въ особенности въ западной, болѣе возвышенной, части, тогда какъ въ восточной преобладаютъ мягкія очертанія. Общее направленіе продольныхъ лоцинъ съ сѣверо-запада на юго-востокъ, а потому эта часть горъ, въ смыслѣ проходимости, удобна лишь въ указанномъ направленіи.

Названіе „Майли-тау“ (въ буквальномъ переводѣ—масляныя горы) приурочено, какъ нельзя болѣе, удачно: склоны и, по большей части, хребты ихъ сплошь покрыты густой травянистой растительностію, а болѣе широкія съ избыткомъ орошенныя долины представляютъ большіе сѣнокосные участки, гдѣ мягкая трава, никогда нетревожимая косой, достигаетъ изумительной высоты.

Средняя, плоская часть хребта Майли покрыта довольно толстымъ растительнымъ слоемъ, слегка болотистымъ. На плоскогоріи вездѣ встрѣчается вода: по дну пологихъ лоцинъ струятся небольшіе перемежающіеся ручейки, питающіе горныя рѣчки западнаго склона, а въ одной неглубокой котловинѣ есть даже небольшое озеро. Вся поверхность плоскогорія покрыта мягкой и всегда зеленой травой, испещренной цвѣтами. Зимой снѣгъ съ этой плоской мѣстности сдувается вѣтромъ, а лѣтомъ здѣсь не бываетъ зноя. Такія благоприятныя условія дѣлаютъ эту часть горъ люби-

нымъ мѣстомъ лѣтнихъ и зимнихъ стойбищъ киргизъ Кирѣевцевъ.

Изъ рѣчекъ, орошающихъ сѣверные склоны горъ Майли, болѣе многоводны: Узунъ-булакъ, впадающая въ р. Теректы-кусакъ, Бурулъ-байтанъ и Майли-булакъ, впадающія въ р. Купъ, наконецъ р. Ямату, отчасти служащая рубежомъ между горами Майли и Джаирскимъ хребтомъ.

Рѣчки: Кожеке, Лаба, Сууръ съ притокомъ Айгырты и многоводная Чалгай, образовавшаяся изъ слиянія горныхъ ручьевъ: Нарынъ-су, Токты, Чакру и Кокъ-адыръ, орошаютъ южный склонъ и плоскогоріе, лежащее у подножія главнаго хребта. Всѣ эти рѣчки текутъ по направленію къ озеру Эби-нору, но, не достигнувъ его, теряются въ пескахъ.

Геогностическое строеніе наибольшаго поднятія Майли аналогично съ строеніемъ Барлыкскихъ горъ. Здѣсь также сѣверные отроги и склоны хребта слагаются изъ глинистаго сланца, преимущественнаго фіолетоваго цвѣта, который на поверхности горъ дѣлится на тонкія плитки. Въ низкихъ мѣстахъ ущелій обнаженія состоятъ изъ порфировъ. Вершины наиболѣе приподнятыхъ кражей, въ особенности въ восточной части хребта состоятъ изъ гранитовъ и кварцитовыхъ скалъ. Въ отрогахъ западной части хребта, по теченію р. Кожеке, большинство высотъ слагаются изъ слюдянаго сланца, прослоеннаго кварцемъ, но здѣсь-же иногда встрѣчаются выходы бѣлаго известняка.

Всѣ обнаженія каменистаго уступа южнаго склона хребта Майли, состоятъ изъ породъ кристаллическихъ. Мѣстами на гребнѣ уступа и боковыхъ склонахъ его изсѣченій выходятъ большія массы кварца. Но отъ подножія уступа на пологихъ скатахъ плоскогорія преобладаютъ глинистые и слюдяные сланцы. Между ними вдоль подножія уступа и параллельно ему встрѣчаются островные выходы, кажется, серпентиновыхъ породъ. На берегу р. Купъ, недалеко отъ впаденія въ нее р. Майли-булакъ, на дневную поверхность выступаютъ обнаженія съ признаками мѣдной руды.

Обширное холмистое плоскогоріе Майли на юго-востокѣ связывается съ горами Джаиръ: ущелье р. Ямату, длинный и плоскій Майли-джаирскій переваль, а далѣе Богдоханскій путь служатъ

лишь условной границей, отдѣляющей горы Майли отъ высокаго и плоскаго хребта Джаиръ. Этотъ послѣдній отъ указанной границы простирается къ востоку почти на 200 верстъ. Средняя и восточная часть этого хребта еще не изслѣдована. Западная часть его представляетъ высокую столовую землю съ постепеннымъ пониженіемъ къ югу, тогда какъ на сѣверѣ, сильно расчлененные склоны этого хребта оканчиваются очень круто. Судя по высотѣ Майли-джаирскаго перевала (5,945 ф.), можно допустить, что средняя высота хребта не менѣе 7,500 ф.

Плоская волнистая поверхность хребта, покрытая хорошей травой, представляетъ обширныя пастбища, а на склонахъ нѣкоторыхъ ущелій есть сосновые лѣса.

Пути сообщенія, пролегающіе внутри описываемаго участка, состоятъ изъ горныхъ тропинокъ и кочевыхъ дорогъ, изъ которыхъ послѣднія отчасти возможны и для колеснаго движенія.

Узломъ, связывающимъ большіе кочевые пути, служитъ пикетъ Сары-хулсынъ. Къ нему ведутъ кочевыя дороги изъ укр. Бахтовъ и отъ озера Ала-вуля; кромѣ того, чрезъ этотъ пикетъ проходитъ колесная дорога, служащая почтовымъ трактомъ изъ Чугучака и Дурбульджина въ г. Шихо, подъ названіемъ Богдоханскаго или Императорскаго пути. Отъ укр. Бахтовъ до брода на р. Эмель, лежащаго въ 6-ти верстахъ выше развалинъ бывшаго китайскаго пикета Маниту, по колесной дорогѣ считается 18 верстъ; отсюда къ Сары-хулсину ведутъ два пути. Первый изъ нихъ, проходя мимо высотъ Тюлькуле и сухаго озера Чубаръ-куль, пересѣкаетъ р. Чидерты-кусакъ (Чибсаты) и слѣдуетъ правымъ берегомъ этой рѣчки до предгорій; затѣмъ, повернувъ круто на востокъ, пробирается у подножія горъ до самаго пикета. Отъ брода на р. Эмель и до р. Кара-бура дорога эта можетъ служить колеснымъ путемъ, но далѣе, проходя по слишкомъ пересѣченной мѣстности, она становится въючной. Длина этого пути отъ брода до пикета 100 верстъ. Подножнаго корма и воды въ изобиліи.

Другимъ путемъ достигнуть того-же пикета можно, свернувъ отъ

брода прямо на востокъ чрезъ зимнія стойбища Чангобая, Джангобыла, Эльчибая и мог. Мокэ. Въ настоящее время это не болѣе какъ кочевая тропа, проложенная отчасти по мягкому растительному, слегка болотистому, слою земли, отчасти по грунту глинисто-солощаватому. Совершенно ровная степь позволяетъ, въ случаѣ надобности, воспользоваться этой тропой и для колеснаго движенія. Подножнаго корма въ изобиліи, но въ водѣ можетъ встрѣтиться недостатокъ: рѣчки сѣвернаго склона Барлыка этой тропы не достигаютъ; хорошая вода, только въ небольшомъ колодцѣ у зимовки Чангобая; небольшія чашеобразныя углубленія, лежащія въ окрестностяхъ этой тропы въ лѣтнее время имѣютъ воду затхлую и солоноватую. Впрочемъ, подпочвенная вода здѣсь не глубока и должна быть хорошаго качества. Топливомъ могутъ служить растущіе здѣсь кустарники. Отъ брода до пикета по этой тропѣ 150 верстѣ.

Ближайшее сообщеніе изъ долины р. Эмель въ долину Купъ къ пикету Ямату, замыкающему Майли-джаирское ущелье, помимо Сары-хулсынскій тѣснины, можетъ совершаться только чрезъ восточную часть Барлыкскихъ горъ. Въ этой части горъ имѣются три прохода: Чолакскій, Алтынъ-эмельскій и Джаксылыкскій. Алтынъ-эмельскій проходъ — самый западный, а, слѣдовательно, и самый длинный, длина его 12 верстѣ. По всему протяженію проходъ этотъ орошается горнымъ ручьемъ Алтынъ-эмель. При движеніи съ сѣверной стороны подъемъ постепенный къ невысокому перевалу, спускъ съ перевала на южную сторону горъ довольно пологій; но встрѣчающіеся мѣстами каменистые уступы долины, заваленные осыпями, затрудняютъ, отчасти, движеніе не только вьючныхъ животныхъ, но и верховыхъ лошадей. Въ смыслѣ пригодности этого пути для колеснаго движенія не можетъ быть и рѣчи. Тоже можно сказать о проходѣ Чолакскомъ, отдѣляющемъ восточную вѣтвь Барлыка подъ названіемъ горъ Каранынь-тау: нѣсколько небольшихъ каменистыхъ переваловъ, каменистые-же косогоры и заросли съ валежникомъ, дѣлаютъ движеніе по этому проходу очень утомительнымъ; длина его 8 верстѣ.

Проходъ Джаксылыкскій составляетъ наиболѣе удобный путь въ этомъ направленіи. Онъ лежитъ недалеко отъ прохода Чолакскаго

и при выходѣ на южную сторону горъ соединяется съ этимъ послѣднимъ въ верховьяхъ ключа Джаксылыкъ-бастау. На всемъ протяженіи около 7 верстѣ путь лежитъ въ неширокой, но извилистой долинь, орошаемой маленькимъ перемежающимся ручейкомъ. Дно долины едва замѣтнымъ подъемомъ приводитъ къ небольшому перевалу, лежащему въ южной части горъ; спускъ съ перевала въ долину Купъ короткій и не очень крутой, а вьючная тропа проходитъ небольшими косогорами, возможными для разработки. Въ случаѣ невозможности передвиженія чрезъ Сары-хулсынскую тѣснину, этотъ проходъ можетъ быть съ небольшими средствами и въ короткое время приспособленъ для колеснаго движенія съ той выгодой, что разстояніе до пикета Ямату сократится почти на 30 верстѣ.

Кромѣ указанныхъ проходовъ Барлыкскія горы въ разныхъ направленіяхъ исчерчены тропинками болѣе или менѣе удобными лишь для одиночныхъ всадниковъ и легкихъ вьюковъ, но большинство изъ этихъ трудно проходимыхъ тропинокъ имѣютъ значеніе какъ пути лѣтнихъ кочевковъ.

Изъ долины оз. Ала-куля къ южнымъ склонамъ Барлыкскихъ горъ ведутъ нѣсколько кочевыхъ тропокъ, средоточіемъ которыхъ служитъ сазъ въ урочищѣ Конуръ-обо. Хотя отсюда онѣ снова расходятся въ разныя стороны къ излюбленнымъ мѣстамъ киргизскихъ кочевковъ, но въ общемъ направленіи одинъ хорошій вьючный путь ведетъ отъ развалинъ бывшаго китайскаго пикета Барлыкъ (на государственной границѣ) вверхъ по р. Теректы-кусакъ, чрезъ уроч. Конуръ-обо, ущельемъ и долиной р. Купъ до пикета Сары-хулсынъ. Длина его 135 верстѣ. Часть этого пути отъ соп. Аркалыкъ на р. Купъ до пикета представляетъ хорошую колесную дорогу. Подножнаго корма и воды достаточно, но топлива нѣтъ.

Другой вьючный путь съ запада, къ пикету Сары-хулсынъ, ведетъ отъ озера Эби-норъ. Длина его отъ государственной границы до помянутаго пикета 117 верстѣ. Отъ границы вьючная тропа узкой долиной р. Кожеке достигаетъ небольшого перевала Сары-тологой (6,800 ф.), а отсюда подножіемъ уступа горъ Майли по чрезвычайно волнистой мѣстности приводитъ къ пикету Ямату, отъ

котораго дальнѣйшее движеніе по колесной дорогѣ. По всей дорогѣ подножнаго корма и воды въ изобиліи, но въ топливѣ недостатокъ.

Кромѣ этихъ незначительныхъ дорогъ чрезъ описываемый участокъ проходитъ китайская колесная дорога отъ Чугучака и Дурбульджина въ г. Шихо. Помимо значенія ея какъ почтоваго тракта, она важна какъ единственный колесный путь, лежащій въ китайскихъ предѣлахъ и соединяющій внутреннія части Илійской провинціи съ сѣверо-западными частями Тарбагатайскаго округа.

Отъ г. Чугучака дорога идетъ въ юго-восточномъ направленіи, чрезъ пикеты Маморъ и Сетеръ до пикета Курте, перваго по пути изъ Дурбульджина на ту-же дорогу. Отъ Курте дорога поворачиваетъ къ югу чрезъ пикеты Сары-хулсынъ, Толу, Ямату, Кульденень и другіе. Отъ Чугучака и Дурбульджина до пикета Толу дорога пролегаетъ по открытой ровной мѣстности, нѣкоторымъ препятствіемъ при движеніи могутъ быть только броды у пикетовъ Сетеръ, Курте и Сары-хулсынъ и то лишь въ извѣстное время года. Отъ пикета Толу до Ямату дорога проходитъ у подножія Джаирскихъ горъ, пересѣкая множество пологихъ уваловъ и сухихъ руслъ временныхъ потоковъ. Отъ пикета Ямату, сдѣлавъ крутой поворотъ къ юго-востоку, дорога вступаетъ въ узкое ущелье рѣки Ямату, которымъ приводитъ къ пологому Майли-Джаирскому перевалу, минуя его, начинается постепенный спускъ къ пикету Кульденень. Здѣсь уместно упомянуть, что часть этой дороги къ сѣверу отъ пикета Сары-хулсынъ, въ зимнее время иногда заносится снѣгомъ: потоки холоднаго воздуха, текущіе съ верхнихъ областей Джаира, долины Купъ и равнины лежащей между Джаиромъ и Уркашаромъ, врываясь одновременно въ низкую (2,072 ф.) Сары-хулсынскую тѣнину, производятъ пронзительно холодныя вьюги и снѣжные смерчи. Путники, застигнутые въ такое время, подвергаются большой опасности. Въ виду этого, китайскія власти распорядились постановкой кирпичныхъ столбовъ вдоль пути къ сѣверу отъ пикета на протяженіи 5-ти верстъ. Нѣкоторые изъ этихъ столбовъ, помимо ихъ значенія какъ указателей, снабжены нишами, въ которыхъ могутъ укрыться путники, застигнутые бураномъ. По

словамъ киргизъ, дальнѣйшее направленіе этихъ вѣтровъ, извѣстныхъ у нихъ подъ названіемъ *эбэ*, есть сѣверо-западное: чрезъ укрѣпл. Бахты въ долину р. Ай, минуя ст. Урджарскую. Вѣтры эти иногда дуютъ въ продолженіи цѣлыхъ мѣсяцевъ, какъ зимой, такъ и лѣтомъ.

Въ мѣстахъ расположенія китайскихъ пикетовъ стоятъ одинокіе, болѣе или менѣе удобные, почтовые дома, окруженные глиняной оградой, снабженной воротами. Часть почтоваго дома занята начальникомъ пикета, а другая предоставлена для пользованія проѣзжающихъ. Вблизи почтовыхъ дворовъ, въ юртахъ живутъ со своими семьями монголы, содержатели почтовыхъ лошадей, а на нѣкоторыхъ пикетахъ есть по нѣскольку китайскихъ солдатъ, которые несутъ пикетную службу.

Пикеты расположены на обильной и хорошей водѣ, вблизи ихъ много подножнаго корма и даже сѣнокосовъ, а въ окрестностяхъ найдется достаточно топлива.

Возвышенныя части Барлыккаго раіона, вслѣдствіе благопріятныхъ топографическихъ условій, обилія хорошихъ кормовъ, богатаго орошенія и отсутствія насѣкомыхъ, изнуряющихъ лѣтомъ скотъ, привлекаютъ массу киргизъ для лѣтнихъ кочевокъ.

Въ силу договора, заключеннаго при разграниченіи въ 1882 г., между русскими и китайскими уполномоченными, западная часть этихъ земель предоставлена въ 10-ти лѣтнее пользованіе киргизъ русскаго подданства, тогда какъ восточная часть Барлыка, горы Майли и Джаиръ заняты китайскими киргизами кирѣвцами. До паденія Чугучака, весь Барлыкскій раіонъ, окрестности оз. Алакуля и мѣста на западъ до р.р. Моканчи и Хатынь-су заняты были Кара-байджигитами и кизаями, по удаленіи которыхъ въ Кульджинскій раіонъ, Барлыкъ перешелъ въ пользованіе кирѣвцевъ, прикочевавшихъ съ Уркашара.

Какое именно количество нашихъ киргизъ имѣютъ лѣтовки и зимнія стойбища въ Барлыкѣ, опредѣлить весьма трудно: число это въ зависимости отъ урожая травъ въ окрестныхъ степяхъ и отъ

суровости зимы, тѣмъ болѣе, что кочевники не привыкли себя стѣснять въ этомъ отношеніи и слово „граница“ для нихъ пустой звукъ, когда дѣло идетъ о благосостояніи ихъ скота.

Въ Барлыкѣ преимущественно кочуютъ волости: Барлыкская, Эмельская и Лаба-Майлинская, но число живущихъ здѣсь киргизъ лѣтомъ и зимой неодинаково¹⁾. По нѣкоторымъ даннымъ, лѣтомъ здѣсь кочуютъ около 2300 юртъ, а зимой число это доходитъ до 2800 кибитокъ. Иногда сюда на зиму прикочевываютъ киргизы Зайсанскаго уѣзда, волостей Южно-Тарбагатайской и Чиликтинской въ числѣ отъ 300 до 1000 юртъ, что зависитъ отъ снѣжности зимы. Кромѣ того киргизы Сергіопольскаго уѣзда волостей: Аягузской, Урджарской, Каракольской, Чарбактинской, Чинжилинской и другихъ, пригоняютъ сюда на зиму скотъ.

Здѣшніе киргизы лѣто проводятъ на возвышенныхъ мѣстахъ, тогда какъ долины въ это время года представляютъ настоящія пустыни: постоянная прохлада и отсутствіе насѣкомыхъ, изнуряющихъ скотъ, удерживаютъ киргизъ въ горахъ до поздней осени.

Зимнія стойбища киргизъ, кочующихъ лѣтомъ въ Барлыкскихъ горахъ, находятся преимущественно на Эмельской равнинѣ, причемъ часть этой равнины, по правую сторону рѣки Эмели, на востокъ почти до меридіана м.г. Мокэ, занимается киргизами волостей Эмельской и Барлыкской; кромѣ того, 4-е старшинство Барлыкской волости рода Даулень и 3 старшинства Эмельской волости родовъ Коджаколь и Дортвуль зимуютъ по р. Джангысы, а 4-е старшинства тѣхъ-же волостей проводятъ зиму на оз. Кара-агачъ.

На южныхъ склонахъ Барлыка, въ горахъ Майли и Джаирѣ наши киргизы не зимуютъ, но на урочище Тасыркай и на р. Узунъ-булакъ, сгоняютъ на зиму много барановъ.

Здѣшніе киргизы на зиму не строятъ неподвижныхъ помѣщеній. Они проводятъ зиму въ юртахъ и только для скота складываютъ изъ камней или камыша загоны. Это обуславливается съ одной стороны мягкостью здѣшней зимы, а съ другой—тѣмъ неопредѣленнымъ положеніемъ, въ которое поставлены они по отношенію къ

¹⁾ Двѣ первыя волости, за исключеніемъ 450 юртъ рода Дортвуль, принадлежатъ къ одному роду Байджигитъ.

занимаемой ими нынѣ территоріи. На Эмельской равнинѣ есть только двѣ зимовки—мазанки, принадлежація киргизамъ Чангобаю и Джангобыду.

Земледѣліемъ наши киргизы занимаются мало и неохотно, хотя въ Барлыкѣ есть много удобныхъ для этого мѣстъ. Небольшія пашенки ихъ находятся по рѣчкамъ западнаго склона горъ, а на сѣверномъ склонѣ только по р. Джангысы; кромѣ того, они начали-было дѣлать запашки по р. Кара-бурѣ, но китайцы ихъ вытѣснили. Эти послѣдніе энергично приступили къ возобновленію заброшенныхъ полей и посѣвы ихъ въблизи пикетовъ ежегодно увеличиваются. Воздѣлываются преимущественно пшеница, просо, отчасти, табакъ и макъ для опиума.

Между Барлыкскими киргизами много охотниковъ. Больше всего они охотятся на аркаровъ, сайгу, лисицъ и, отчасти, медвѣдей.

Животная жизнь здѣшнихъ мѣстъ отличается разнообразіемъ. Изъ долины оз. Эби-нора на плоскогоріи Майли заходятъ куланы. На лѣсистыхъ склонахъ и въ ущельяхъ Барлыкскихъ горъ живутъ крупныя медвѣды, между ними, по словамъ киргизъ, встрѣчаются чернобурые. Скалистые и неприступные, но покрытые мѣстами обильнымъ кормомъ, склоны Барлыка, Майли и Джаира очень удобны для обитанія аркаровъ, которые водятся здѣсь во множествѣ. На равнинахъ и холмистыхъ предгорьяхъ пасутся стада сайги. Волковъ здѣсь много, но они небольшіе; по заявленію киргизъ, въ этихъ странахъ водятся красныя волки, но они встрѣчаются очень рѣдко. Въ чіяхъ и бустарникахъ Эмельской долины много зайцевъ мелкой породы. Кромѣ того, здѣсь водятся сурки, тушканчики и пищухи.

Изъ пернатыхъ болѣе всего попадаетъ пестрая куропатка. Излюбленнымъ мѣстомъ этой птицы служитъ Эмельская равнина: на заброшенныхъ пашняхъ и въблизи развалинъ китайскихъ фанзъ, она попадаетъ очень часто. Въ камышахъ по р. Эмели живутъ пеликаны, гуси и утки.

Въ р. Эмели водятся окунь и маринка, эта послѣдняя, по спадѣ воды, въ глубокихъ мѣстахъ рѣки кишитъ въ невѣроятномъ количествѣ. Большинство особей попадавшихся въ неводъ были

болѣе аршина длины при ширинѣ около 3-хъ вершковъ.

Хотя Барлыкскія горы и не отличаются богатствомъ лѣса, но все-же онѣ служатъ единственнымъ и ближайшимъ источникомъ какъ для окрестныхъ русскихъ поселеній, въ особенности Бахтовъ, такъ равно и для Чугучака.

Прекрасный строевой, сосновый лѣсъ растетъ въ щеляхъ и на сѣверныхъ склонахъ западныхъ отроговъ. Лучшее мѣсто, какъ по качеству лѣса, такъ и по удобству сбора, есть рѣчка Суюнъ: въ этомъ мѣстѣ исключительно пользуются лѣсомъ жители укрѣпл. Бахтовъ.

На южномъ склонѣ Барлыка, въ верховьяхъ р. Лангутель и на склонахъ сопки Куу-карагай также есть хорошій сосновый лѣсъ. Отсюда строевымъ лѣсомъ пользуются китайцы, жители Чугучака и Дурбульджина; они тутъ-же на мѣстѣ его обрабатываютъ и свозятъ въ видѣ плахъ и теса.

Изъ лиственныхъ породъ, растущихъ въ щеляхъ западныхъ и сѣверныхъ отроговъ, по берегамъ горныхъ рѣчекъ встрѣчаются: тополь, таль, черемуха, рябина и преимущественно осина. Это послѣднее дерево на выдающихся террасахъ боковыхъ склоновъ и въ расширеніяхъ долинъ образуетъ небольшія рощи. Береза въ восточныхъ частяхъ Барлыка встрѣчается рѣдко и недостигаетъ большаго развитія.

Въ щеляхъ восточной части Барлыка преобладающимъ деревомъ является дикая яблоня; въ Човакскомъ проходѣ и другихъ мѣстахъ горъ Каранынъ-тау, это дерево растетъ сплошной густой массой. Киргизы дѣятельно уничтожаютъ его на топливо, хотя они не прочь во время полакомиться плодами, а излишекъ свезти на продажу. Въ этихъ-же горахъ встрѣчается и дивій миндаль.

Изъ кустарниковъ извѣстны слѣдующіе: крыжовникъ, смородина, шиповникъ, баярышникъ караганъ и много другихъ колючихъ кустовъ, иногда сплошными массами покрывающихъ каменистые склоны и осыпи.

Р. ЗАКРЖЕВСКІЙ.

5-го февраля 1887 г.
г. Омскъ.

АСТРОНОМИЧЕСКІЯ ОПРЕДѢЛЕНІЯ.

Для производства наблюдений въ моемъ распоряженіи были слѣдующіе инструменты:

1) Малый универсальный инструментъ Пистора и Мартинса № 1009. Высота инструмента 9.2 дюйма, діаметръ горизонтальнаго круга 3.86 д.; діаметръ вертикальнаго круга 4.2 д.; точность нонисовъ обоихъ круговъ 30"; фокусное разстояніе трубы 5.5 д.; діаметръ объектива 0.7 д.; увеличеніе трубы около 12; нитей горизонтальныхъ 6, вертикальныхъ—2. Цѣна одного дѣленія уровня.

2) Три карманные хронометра, два изъ нихъ работы Вирена и одинъ—Дента. Часы шли по среднему времени. Работа производилась всегда съ хронометромъ Дента.

и 3) Aneroidъ Гольдсмида и термометръ.

Согласно инструкціи, для опредѣленія широтъ измѣрялись зенитныя разстоянія полярной и южныхъ звѣздъ, причемъ на каждую звѣзду дѣлалось по восьми наведеній: два при К. Л., четыре при К. П. и снова два при К. Л.

Тою-же инструкціей предлагалось для опредѣленія времени измѣрять зенитныя разстоянія звѣздъ въ 1-мъ вертикалѣ. Наблюдения дѣлались на востокѣ и западѣ; звѣзды избирались приблизительно на равныхъ высотахъ и вблизи вертикала, причемъ каждая звѣзда наблюдалась 12 разъ: шесть разъ при К. Л., и столько-же при К. П. Наблюдались преимущественно звѣзды 1-й и 2-й величины.

Кромѣ того, сдѣланы были опредѣленія времени по соответственнымъ высотамъ солнца. Солнце наблюдалось 16 разъ до полудня и столько-же разъ послѣ полудня, по 8-ми разъ для каждаго края.

Наблюдения сдѣланы были на слѣдующихъ пунктахъ:

На мѣстѣ пограничнаго знака Маниту, какъ опорнаго пункта, положеніе котораго опредѣлено Капитаномъ Голубевымъ въ 1862 году¹⁾; на китайскомъ пикетѣ Сары-хулсынъ, что на Императорской дорогѣ изъ г. Шихо въ Дурбульджинъ; на среднемъ теченіи рѣки Купъ; вблизи перевала Сары-тологой, лежащемъ на вьючной тропѣ отъ оз. Ала-куля къ пикету Ямату; на пикетѣ Ямату—тоже на Императорской дорогѣ и, наконецъ, у могилы Балапанъ, на среднемъ теченіи р. Кара-бура (Орь-Ямату).

Вычисления сдѣланныхъ мной наблюдений принялъ на себя геодезистъ корпуса военныхъ топографовъ подполковникъ Ю. А. Шмидтъ, которому я также много обязанъ за его совѣты и указанія по части производства самихъ наблюдений.

Результаты вычисления дали слѣдующія географическія положенія опредѣленныхъ пунктовъ.

Названіе пунктовъ:	Широта	Долгота отъ Пулкова	Примѣчаніе.
Маниту.	46° 29' 39"	52° 21' 8"	Пограничный знакъ.
Пикетъ Сары-хулсынъ	46 9 52	53 27 7	Мѣсто быв. кумирни.
Рѣка Купъ	45 47 21	53 1 0	Возвышеніе на лѣвомъ берегу.
Переваль Сары-тологой	45 29 9	52 40 1	Ключъ на востокъ отъ перевала.
Пикетъ Ямату	45 45 20	53 10 9	Сѣв.-западный уголъ почтоваго двора.
Могила Балапанъ . .	46 8 20	52 39 6	На лѣвомъ берегу р. Кара-бура.

Приложенная при настоящемъ очеркѣ карта составлена по топографическимъ даннымъ, за неимѣніемъ во время составленія ея опорныхъ пунктовъ опредѣленныхъ астрономически²⁾. Но, какъ

¹⁾ По опредѣленію г. Голубева широта Маниту = 46° 29' 14".
долгота > = 52 21 50

²⁾ Въ силу настоятельной необходимости карта составлена г. Богдановымъ и мной въ г. Чугучакѣ, при Консульствѣ въ августѣ 1886 г., тогда какъ географическое положеніе опредѣленныхъ пунктовъ вычислено только въ октябрѣ того-же года.

теперь оказалось, положеніе главныхъ пунктовъ, опредѣленныхъ топографически, весьма мало разнится отъ положенія тѣхъ-же пунктовъ, нанесенныхъ по географическимъ координатамъ.

Топографическимъ матеріаломъ для составленія почти всей карты послужили подробныя глазомѣрныя съемки г. Богданова и моя. По нимъ составлена сѣверная, восточная и южная часть карты.

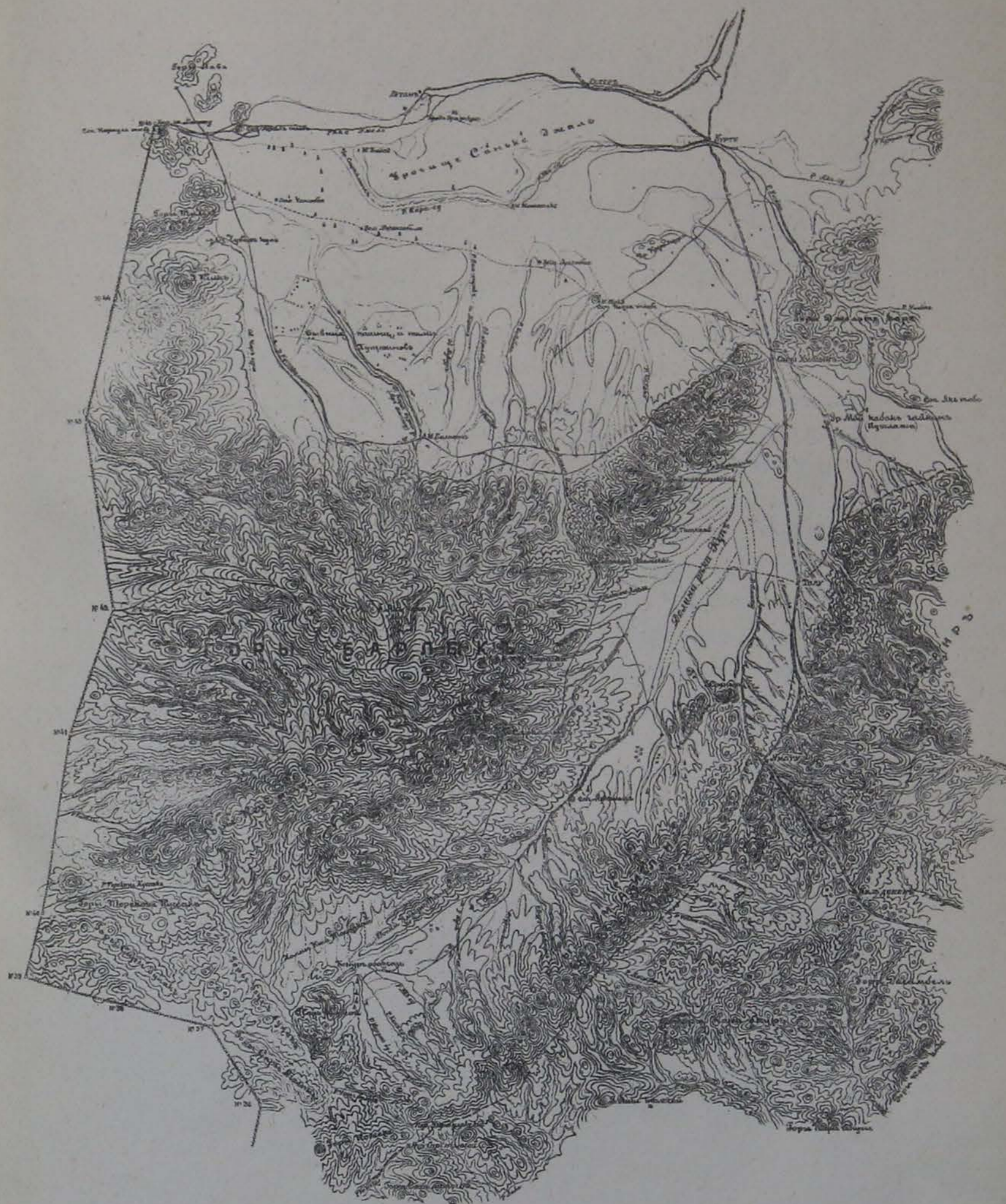
Для нанесенія на карту западной части Барлыкскихъ горъ пришлось воспользоваться полунструментальной съемкой г. Стрижевскаго, произведенной имъ въ 1882 г., которая, какъ намъ пришлось убѣдиться, сдѣлана удовлетворительно, но лишь въ общихъ чертахъ.

КАРТА БАРЛЫКСКИХЪ ГОРЪ

СЪ ПРИЛЕГАЮЩИМИ ДОЛИНАМИ

Составлена въ 1886 году

Масштабъ 1:100,000

Перлуса, Великий топографъ Штаба Капитана Александровскій,
Полковникъ Военный Топографъ Матрушинъ Святославъ Богдановъ

О КАМЕННОМЪ УГЛѢ ПРИ-ИРТЫШСКАГО БАСЕЙНА.

Къ природнымъ богатствамъ здѣшняго края, безъ сомнѣнія, слѣдуетъ причислить и минеральное топливо, которымъ край изобилуетъ и залежи котораго въ настоящее время извѣстны въ многихъ мѣстахъ срединнаго теченія Иртыша и верховьевъ его, хотя большая часть залежей не только что не обследована, — не опредѣлены ихъ площади, — но даже и не разслѣдована, — не опредѣлено мѣсто ихъ нахождения. Последнее обстоятельство зависитъ отъ особыхъ условій, въ которыхъ находится каменноугольная отрасль горныхъ промысловъ, именно: низкая цѣна продукта и необезпеченность его сбыта удерживаютъ частныхъ лицъ отъ траты на разработку угля; такъ что безъ усилій отъ казны, — въ видѣ ли развѣдокъ или спроса на уголь, — еще долго прійдется втунѣ лежать минеральному топливу Семипалатинской и Акмолинской областей. Впрочемъ, то же самое относится и къ Семирѣченской области, гдѣ отсутствіе лѣса заставляеть прибѣгать къ разнымъ суррогатамъ топлива: къ карагайнику, кизяку, и т. п., хотя богатое минеральное топливо лежитъ, такъ сказать, подъ ногами жителей, что можно заключить на основаніи предварительныхъ развѣдокъ угля, произведенныхъ въ истекшемъ году и судя по геогностическимъ описаніямъ горъ, заполняющихъ Семирѣченскую область.

Первоначальная помощь правительства выразилась въ развѣдкахъ угля, и начало ихъ, для киргизской степи, относится еще къ 1857 году, когда отъ горнаго вѣдомства производилась развѣдка угля по рѣчкѣ Ярѣ-Кусе; затѣмъ, по мѣрѣ развитія металлургической дѣятельности въ краѣ, уголь былъ найденъ во многихъ мѣстахъ и лѣтъ 10 назадъ добывался въ нѣсколькихъ копахъ Семипалатинской и Акмолинской областей; но въ последнее время изъ многихъ копей дѣйствовала только одна Караган-

динская копь¹⁾), да и та въ прошломъ году уже не работала.

Затѣмъ, въ 1869 году уголь найденъ въ степи, въ 20-ти верстахъ отъ лѣваго берега Иртыша, противъ Семіарской станицы, при урочищѣ Дунгулекъ-сорь или Кумгуль. Развѣдка сдѣлана частнымъ товариществомъ „Баянъ-ауль-Каркаралинскимъ“, основаннымъ въ 1866 году купцами Кузнецовымъ и Котеневымъ. Уголь предполагалось доставлять на Иртышъ-Дегеленскій мѣди-плавильный заводъ, устроенный товариществомъ на берегу Иртыша, между Семіарскою станицею и Грачевскимъ выселкомъ. Съ 1882 года преемницею дѣль этого товарищества, Г-жею Клименко, закрыты всѣ дѣйствія по горнымъ промысламъ и въ слѣдующемъ году Кумгульскія копи перешли въ пользованіе другого общества, подъ фирмою „С.-Петербургское товарищество горныхъ промысловъ въ Киргизской степи“; это товарищество пока еще ничего не сдѣлало, даже не отлило и воды изъ старой шахты. Кромѣ этого, извѣстенъ уголь и въ др. мѣстахъ, а именно: 1) на самомъ берегу Иртыша, въ 3-хъ верстахъ выше поселка Грачевскаго, гдѣ даже производилась развѣдка въ 1884 году отъ Алтайскаго горнаго правленія, — неизвѣстно только къ какимъ результатамъ привели эти развѣдки и окончены-ли онѣ; 2) верстахъ въ 30-ти отъ Иртыша, въ степи; 3) верстахъ въ 15-ти противъ с. Криваго; 4) противъ с. Песчанаго, верстахъ въ 30, и 5) въ верховьяхъ Иртыша, близъ Зайсанскаго поста. Здѣсь извѣстенъ уголь по рѣчкѣ Кендерлыкъ, вытекающей изъ предгорій Сауръ-тау и впадающей въ озеро Норъ-Зайсанъ, образуя дельту общую съ Чернымъ Иртышемъ.

Изъ перечисленныхъ мною извѣстныхъ залежей каменныхъ углей при-Иртышскаго бассейна, ниже всѣхъ по достоинству уголь съ р. Кендерлыкъ, но на его долю выпало быть первымъ примѣненнымъ въ дѣло и изъ сдѣланныхъ трехъ заявок (Проскурякова, Касаткина и Титова), по одной изъ нихъ уголь добывается для Зайсанскаго гарнизона. Эта залежь была описана членомъ настоящаго Общества, горнымъ инженеромъ Игнатьевымъ; потому я добавлю лишь, къ сообщенному имъ, что уголь разрабаты-

¹⁾ Акмолинскаго уѣзда, при Спасскомъ мѣдиплавильномъ заводѣ Рязановыхъ.

вается съ 1884 года и ведется въ разность, самымъ первобытнымъ образомъ, при помощи лома и кайлы, безъ порохо-стрѣльныхъ работъ и при томъ вдоль простиранія пласта, а не въ глубь его; никакого измѣненія къ лучшему въ качествѣ угля незамѣтно; добыто его по настоящее время болѣе 200 тысячъ пудовъ. Уголь по рѣчкѣ Кендерлыкъ извѣстенъ болѣе 20-ти лѣтъ, и первые химическіе анализы его были сдѣланы въ 1870/71 гг. По этимъ анализамъ получено во 100 частяхъ:

— влаги	4,86%	} 25,30 летучихъ веществъ.
— горючихъ газовъ	20,44%	
угля	12,50%	} 74,70 кокса.
зола	62,20%	

Нагрѣвательная способность 1660 един. теплоты. При накаливаніи въ закрытомъ пространствѣ трещить, выдѣляя летучія вещества, горящія длиннымъ желтымъ пламенемъ съ копотью; при доступѣ воздуха получается зола сѣраго цвѣта. Затѣмъ, съ нимъ были сдѣланы анализы въ лабораторіи Алтайскаго горнаго округа, въ Барнаулѣ, сначала надъ 2-мя образцами, въ концѣ 1883 года, а потомъ надъ 5-ю образцами, спустя 2 года. Первые образцы были доставлены до начала разработки залежей; послѣдніе-же—когда уже было добыто около 60 тысячъ пудовъ. Результаты анализовъ получены, среднее, слѣдующіе:

съ первыми образцами: угля	34,48	} 63,83 кокса.
зола	29,35	
газовъ	29,60	} 36,13 летучихъ частей.
влаги	6,53	
сѣры	0,18	0,18 сѣры.

По описанію лабораторіи, одинъ экземпляръ изъ этихъ образцовъ былъ бураго цвѣта, листоватаго сложенія, горѣлъ длиннымъ пламенемъ; коксъ его не спекался; зола получена коричневаго цвѣта изъ кремнезема, глинозема и окиси желѣза, съ признаками углекислой извести. Другой экземпляръ былъ чернаго цвѣта, слоистаго сложенія, излома неровнаго; пламенемъ не горѣлъ, коксъ его не спекался; зола получена бѣлая съ красноватымъ оттѣнкомъ изъ кремнезема и углекислой извести, съ слѣдами глинозема и

окиси желѣза. Нагрѣвательной способности этихъ образцовъ не было сдѣлано. При анализѣ вторыхъ пяти образцовъ полученъ слѣдующій, въ среднемъ выводѣ, результатъ:

влажности	2,81	} 32,63 летучихъ частей.
газовъ	29,82	
угля	11,09	} 67,15 кокса.
зола	56,06	
сѣры	0,49.	

Нагрѣвательная способность опредѣлена въ 1800 единицъ теплоты, т.-е. въ 1½ раза менѣе, чѣмъ у полусушихъ дровъ,— (2800 един. теплоты).

Все образцы были темно-бураго цвѣта, листоватаго сложенія, тусклы; между листьями находимы примазки гипса и въ видѣ налета желѣзная охра; при прокаливаніи въ закрытомъ пространствѣ отдѣлялись газы, горячіе съ копотью, желтовато-бѣлымъ пламенемъ съ запахомъ свѣтильнаго газа и смолы. Коксъ получался не спекающійся. При полномъ сгораніи, при доступѣ воздуха, получена зола свѣтло-кофейнаго цвѣта изъ кремнезема, глинозема, окиси желѣза съ сѣрнокислою и углекислою известью.

— Такъ какъ въ лабораторіяхъ не сдѣлано опредѣленія къ какому классу минеральнаго топлива относятся Кендерлыкскіе угли, то мною произведенъ качественный анализъ и я получилъ, что уголь всѣхъ слоевъ въ вѣдомъ кали растворяется и жидкость окрашивается отъ слабо-бураго до чернаго цвѣта; изъ верхняго пласта горючій сланецъ окрашиваетъ слабѣе, въ слабо-кофейный цвѣтъ; изъ нижнихъ пластовъ окрашиваніе рѣзче проявляется, и особенно добытый въ 188⁵/₆ году изъ 3-го пласта: этотъ уголь растворяется почти безъ остатка и жидкость получается консистенціи дегтя. Но и по наружному виду представляемыхъ экземпляровъ можно убѣдиться, что Кендерлыкскіе пласты состоятъ изъ лигнита (чернаго цвѣта) или бураго угля, въ тѣсномъ смыслѣ слова, и углистаго сланца (бураго цвѣта),—хотя на мѣстѣ имъ и даны названія каменнаго угля и бураго лигнита. Впрочемъ, въ технической номенклатурѣ нѣтъ слова бурый лигнитъ, а лишь нѣкоторые сорта называются бурымъ углемъ,—именно тѣ, которые

обладаютъ темно-бурымъ цвѣтомъ и имѣютъ неясно раковистый матовый изломъ; на воздухѣ отъ времени распадаются; горятъ съ пламенемъ; коксъ не спекается. А это именно признаки, свойственные тому сорту, который въ Зайсанѣ называютъ каменнымъ углемъ. Тотъ же сортъ угля, который въ Зайсанѣ названъ бурымъ лигнитомъ, очевидно, принадлежитъ къ породѣ углистыхъ горючихъ сланцевъ, потому что въ немъ количество несгораемыхъ веществъ превосходитъ горючія почти въ 9 разъ (67,20% зола и 7,80% угля).

Во всякомъ случаѣ, для практическихъ цѣлей, дѣло не въ названіи, а въ достоинствѣ топлива и въ этомъ отношеніи Кендерлыкскія залежи наводятъ на размышленія о ихъ будущности. Пока не найденъ уголь лучшаго качества, разумѣется Кендерлыкскія залежи будутъ разрабатываться, но только для Зайсана и, по всей вѣроятности, только для зданій военнаго вѣдомства; въ частныхъ домахъ едва-ли онъ вытѣснитъ растительное топливо, а въ другихъ мѣстахъ онъ не будетъ имѣть сбыта, при его маломъ полезномъ дѣйствіи, при большемъ количествѣ въ немъ несгораемыхъ веществъ и, наконецъ, при бездорожьи въ томъ краѣ; по всемъ этимъ причинамъ онъ невозможенъ для перевозки на дальнія расстоянія,—особенно, если уголь будетъ добываться, какъ въ настоящее время, съ поверхности, не углубляясь въ глубь, гдѣ, предполагается, достоинство его должно быть лучше.

Главное условіе для обезпеченнаго сбыта минеральнаго топлива служить дешевизна его для потребителя. Но это зависитъ отъ трехъ данныхъ: отъ удобства выработки, отъ удобныхъ путей сообщенія и отъ хорошаго качества угля. Въ такихъ благоприятныхъ условіяхъ находится каменный уголь Кумгульскихъ залежей. По полученнымъ мною свѣдѣніямъ отъ Областнаго горнаго ревизора и члена этого общества, Гр. Гр. Аязмирова, верхній пластъ Кумгульскаго угля находится около 8 сажень подъ дневною поверхностью, и къ выработкѣ угля постоянный притокъ почвенной воды. Но если вспомнить, что въ Англійи и Бельгійи уголь добывается во многихъ мѣстахъ при притокѣ воды и съ нѣсколькихъ сотъ футъ подъ морскимъ уровнемъ, то, въ этомъ отношеніи, обаяется, что Кумгульскія копи находятся въ хорошихъ условіяхъ: незначительная

окиси желѣза. Нагрѣвательной способности этихъ образцовъ не было сдѣлано. При анализѣ вторыхъ пяти образцовъ полученъ слѣдующій, въ среднемъ выводѣ, результатъ:

влажности	2,81	} 32,63 летучихъ частей.
газовъ	29,82	
угля	11,09	} 67,15 кокса.
зола	56,06	
сѣры	0,49.	

Нагрѣвательная способность опредѣлена въ 1800 единицъ теплоты, т.е. въ 1½ раза менѣе, чѣмъ у полусушихъ дровъ,—(2800 един. теплоты).

Все образцы были темно-бураго цвѣта, листоватаго сложенія, тусклы; между листьями находимы примазки гипса и въ видѣ налета желѣзная охра; при прокаливаніи въ закрытомъ пространствѣ отдѣлялись газы, горячіе съ копотью, желтовато-бѣлымъ пламенемъ съ запахомъ свѣтильнаго газа и смолы. Коксъ получался не спекающійся. При полномъ сгораніи, при доступѣ воздуха, получена зола свѣтло-кофейнаго цвѣта изъ кремнезема, глинозема, окиси желѣза съ сѣрнокислою и углекислою известью.

—Такъ какъ въ лабораторіяхъ не сдѣлано опредѣленія къ какому классу минеральнаго топлива относятся Кендерлыкскіе угли, то мною произведенъ качественный анализъ и я получила, что уголь всѣхъ слоевъ въ вѣдомъ кали растворяется и жидкость окрашивается отъ слабо-бураго до чернаго цвѣта; изъ верхняго пласта горючій сланецъ окрашиваетъ слабѣе, въ слабо-кофейный цвѣтъ; изъ нижнихъ пластовъ окрашиваніе рѣзче проявляется, и особенно добытый въ 1885/6 году изъ 3-го пласта: этотъ уголь растворяется почти безъ остатка и жидкость получается консистенціи дегтя. Но и по наружному виду представляемыхъ экземпляровъ можно убѣдиться, что Кендерлыкскіе пласты состоятъ изъ лигнита (чернаго цвѣта) или бураго угля, въ тѣсномъ смыслѣ слова, и углистаго сланца (бураго цвѣта),—хотя на мѣстѣ имъ и даны названія каменнаго угля и бураго лигнита. Впрочемъ, въ технической номенклатурѣ нѣтъ слова бурый лигнитъ, а лишь нѣкоторые сорта называются бурымъ углемъ,—именно тѣ, которые

обладаютъ темно-бурымъ цвѣтомъ и имѣютъ неясно раковистый матовый изломъ; на воздухѣ отъ времени распадаются; горять съ пламенемъ; коксъ не спекается. А это именно признаки, свойственные тому сорту, который въ Зайсанѣ называютъ каменнымъ углемъ. Тотъ же сортъ угля, который въ Зайсанѣ названъ бурымъ лигнитомъ, очевидно, принадлежитъ къ породѣ углистыхъ горючихъ сланцевъ, потому что въ немъ количество несгораемыхъ веществъ превосходитъ горючія почти въ 9 разъ (67,20% зола и 7,80% угля).

Во всякомъ случаѣ, для практическихъ цѣлей, дѣло не въ названіи, а въ достоинствѣ топлива и въ этомъ отношеніи Кендерлыкскія залежи наводятъ на размышленія о ихъ будущности. Пока не найденъ уголь лучшаго качества, разумѣется Кендерлыкскія залежи будутъ разрабатываться, но только для Зайсана и, по всей вѣроятности, только для зданій военнаго вѣдомства; въ частныхъ домахъ едва-ли онъ вытѣснитъ растительное топливо, а въ другихъ мѣстахъ онъ не будетъ имѣть сбыта, при его маломъ полезномъ дѣйствіи, при большемъ количествѣ въ немъ несгораемыхъ веществъ и, наконецъ, при бездорожьи въ томъ краѣ; по всѣмъ этимъ причинамъ онъ невозможенъ для перевозки на дальнія расстоянія,—особенно, если уголь будетъ добываться, какъ въ настоящее время, съ поверхности, не углубляясь въ глубь, гдѣ, предполагается, достоинство его должно быть лучше.

Главное условіе для обеспеченнаго сбыта минеральнаго топлива служить дешевизна его для потребителя. Но это зависитъ отъ трехъ данныхъ: отъ удобства выработки, отъ удобныхъ путей сообщенія и отъ хорошаго качества угля. Въ такихъ благоприятныхъ условіяхъ находится каменный уголь Кумгульскихъ залежей. По полученнымъ мною свѣдѣніямъ отъ Областнаго горнаго ревизора и члена этого общества, Гр. Гр. Аязмирова, верхній пластъ Кумгульскаго угля находится около 8 сажень подъ дневною поверхностью, и къ выработкѣ угля постоянный притокъ почвенной воды. Но если вспомнить, что въ Англии и Бельгій уголь добывается во многихъ мѣстахъ при притокѣ воды и съ нѣсколькихъ сотъ футъ подъ морскимъ уровнемъ, то, въ этомъ отношеніи, обаяется, что Кумгульскія копи находятся въ хорошихъ условіяхъ: незначительная

глубина залегания и удобные пути сообщеній, — такъ какъ въ 40 верстахъ отъ копей протекаетъ Иртышъ, и который во всю навигацію можетъ быть судоходнымъ отъ ближайшихъ къ копамъ пристаней: Семіарской, Песчанской и Грачевской. Хорошее качество этого угля, тоже, подтвердилось, какъ лабораторными анализами, такъ и практическими опытами, произведенными въ одной изъ здѣшнихъ казармъ.

Первые анализы съ свѣже добытымъ углемъ сдѣланы въ 1870/71 г., и тогда получено во 100 частяхъ:

влаги	2,85	} 34,45 летучихъ веществъ.
горючихъ газовъ	31,60	
угля	59,34	} 65,55 кокса.
зола	6,21	

Нагрѣвательная способность 5925 един. теплоты. Летучія вещества, при накаливаніи, горѣли длиннымъ желтоватымъ пламенемъ съ копотью; коксъ спекался; при выжиганіи остается зола сѣраго цвѣта.

Затѣмъ съ тѣмъ же углемъ, изъ отваловъ, сдѣланъ анализъ 12 лѣтъ спустя, въ Ташкентской лабораторіи, и получено въ 100 частяхъ:

летучихъ веществъ	25,4%	} 74,6 кокса.
угля	67,6	
зола	6,7	

Другихъ анализовъ не сдѣлано и неопредѣлена нагрѣвательная способность.

Въ началѣ прошлаго лѣта былъ доставленъ въ Омскъ уголь Кумгульскихъ копей, добытый еще въ 1869/71 г. „Баянъ-ауль-Каркаралинскимъ“ товариществомъ и пролежавшій въ отвалахъ до 1885 года, когда „С.-Петербургское Товарищество“ взяло его, для кузнечныхъ работъ, на свой Карабюратскій пріискъ, верстахъ въ 100 отъ ст. Семіарской.

Съ образцомъ доставленнаго въ Омскъ угля былъ сдѣланъ предварительный анализъ Гр. Гр. Анзимировымъ и получено, что въ 100 частяхъ угля содержится:

летучихъ веществъ 38% — влаги и газовъ.

кокса	62%	} угля . . . 53,5% зола . . . 8,5%
угля	53,5%	

Удѣльный вѣсъ найденъ, среднее, 1,35; коксъ полученъ спекающійся въ массу сѣрвато-стального цвѣта.

Не смотря на полную компетентность лица, производившаго этотъ анализъ, результатъ его не даетъ намъ яснаго понятія о природѣ лежалаго Кумгульскаго угля, такъ какъ если уголь и однороденъ въ нѣдрахъ земли, то, находясь въ отвалахъ, онъ видоизмѣняется различно, смотря по степени своего окисленія и выщелачиванія, поэтому экземпляры угля, находящіеся внутри отваловъ менѣе подвержены измѣненію въ природныхъ свойствахъ, чѣмъ снаружи, гдѣ безпрепятственно подвергаются атмосфернымъ вліяніямъ; а такъ какъ Г-ну Анзимирову было доставлено незначительное количество угля, то, разумѣется, его анализъ и не могъ служить указаніемъ общаго свойства доставленнаго угля. Для практическихъ опытовъ по отопленію Кумгульскимъ углемъ была образована комиссія, которая съ 12-го ноября прошлаго года по 5-е января настоящаго сожгла его 128½ пуд., не считая отсортированной и несожженной мелочи, которой получилось, среднее, 23,22%, — такъ какъ Кумгульскій уголь и по природѣ своей мягкій, и при этомъ онъ долго лежалъ на открытомъ воздухѣ. Изъ всего количества угля, доставленнаго въ комиссію, мною были отобраны наиболѣе характерные экземпляры и послѣ тщательнаго смѣшенія въ порошокъ, я произвелъ анализъ въ лабораторіи здѣшняго Медицинскаго Общества, при чемъ опредѣленіе сѣры и наблюденіе удѣльнаго вѣса обязательно сдѣлано П. А. Соломинимъ, а вычисленіе сдѣлано мною по формулѣ профессора Петрушевскаго. По моимъ анализамъ во 100 частяхъ угля получено:

влажности	1,80	} 27,73 летучихъ веществъ.
газовъ	25,93	
угля	60,92	} 72,27 кокса.
зола	11,35	
сѣры	1,24%	

Относительно количества сѣры должно объяснить, что опредѣленіе ея П. А. было сдѣлано реагируя азотнокалиевою солью (се-

литрою); но испытывая потомъ чистоту селитры, нами найдено въ ней примѣсь сѣры, такъ что процентное содержаніе въ углѣ сѣры слѣдуетъ считать значительно менѣе указаннаго. Повторяя анализъ другимъ путемъ, съ содою и жженою магнезіей (1 ч. CO_2 Na_2 + 2 ч. М. г. О), я нашелъ лишь слѣды сѣры. Я потому нѣсколько распространился объ этомъ обстоятельстве, что сѣра въ горючемъ всегда оказывается вредною примѣсью; въ заводской практикѣ сѣра въ топливѣ—служить причиною порчи топковъ и котловъ (образуется сѣрнистое желѣзо), а въ жилыхъ помѣщеніяхъ она образуетъ вредный для дыханія газъ.

Нагрѣвательная способность найдена, по способу Бертье, въ углѣ 4816 един. теплоты и въ шлакѣ 1150 един. теплоты. Шлаку на рѣшеткахъ въ комнатныхъ и друг. печахъ этотъ уголь даль, среднее, 13,40%. Такъ что полезное дѣйствіе его, при отопленіи, можетъ быть около $4816(1 - 0,134) + (4816 - 1150) 0,134 = 4662$ един. теплоты. Но и это количество болѣе чѣмъ въ 2 раза противъ полезнаго дѣйствія полусухихъ дровъ ($2800 \times 0,75 = 2100$).

Относительный вѣсъ опредѣленъ 1,39. Слѣдовательно, кубическая сажень угля въ залежахъ имѣетъ вѣсъ до $824\frac{1}{4}$ пуд.; но въ кускахъ, приготовленныхъ къ сжиганію на рѣшеткѣ, въ одномъ кубич. футѣ найдено 53 фунта или въ одной кубич. сажени $454\frac{1}{2}$ пуда. При прокаливаніи, Кумгульскій уголь даетъ пары бурого цвѣта съ рѣзко щелочною реакціею. Въ ѣдкомъ кали безъ остатка не растворяется, но жидкость окрашивается въ дымчато-золотистый цвѣтъ; такое же окрашиваніе жидкости получается, обливая уголь эфиромъ.

Окрашиваніе жидкостей ѣдкаго кали и эфира указываетъ на присутствіе въ углѣ гуминно-кислаго кали и смолистыхъ веществъ, которыя содержатся только въ лигнитахъ; но щелочная реакція паровъ, а также значительный относительный вѣсъ, служатъ признаками каменныхъ углей,—и поэтому должно заключить, что образованіе Кумгульскаго угля относится къ эпохѣ переходной отъ каменныхъ углей къ лигнитамъ.

По наружному виду доставленный лежалый уголь черного цвѣта, въ изломѣ смолисто-черный, раковистый. При накаливаніи безъ

доступа воздуха получается коксъ спекающійся въ пористую массу съ темно-стальнымъ блескомъ. Сжигая при полномъ доступѣ воздуха, получается зола сѣровато-бурого цвѣта отъ присутствія желѣза; но количественнаго анализа на окись желѣза, глиноземъ и силикаты я не имѣлъ возможности сдѣлать и не могу сказать, въ какомъ процентномъ отношеніи содержатся эти экземпляры. Въ Кумгульскомъ углѣ попадаются экземпляры, содержащіе въ себѣ гипсъ, и такіе куски при горѣніи обращаются въ сѣроватую массу съ характернымъ неприятнымъ сѣроводороднымъ запахомъ.

На рѣшеткѣ уголь очень легко загорается и горитъ длиннымъ желтоватымъ пламенемъ, переходящимъ въ ярко-желтое, при усиленной тягѣ воздуха. При горѣніи отдѣляется много копоти; изъ печныхъ трубъ дымъ выходитъ черный отъ значительнаго количества не сгорѣвшихъ частицъ угля. Въ комнатахъ, во время отопленія углемъ, незамѣчается никакого запаха,—конечно, при внимательномъ уходѣ за топкою; при небрежномъ же закрываніи топочной и поддувальной дверецъ могутъ входить въ помѣщеніе различные углеводы, которые въ Кумгульскомъ углѣ имѣютъ запахъ сырой нефти. Дымъ, выходящій изъ трубъ, съ сѣрнистымъ запахомъ, что является слѣдствіемъ горѣнія содержащейся въ углѣ сѣры. Кумгульскій уголь обладаетъ, для своего примѣненія, весьма важнымъ качествомъ, именно онъ на рѣшеткѣ, при горѣніи не трескивается и шлакъ его не плавится, а вспучивается; поэтому прозоры рѣшетки не засоряются и доступъ воздуха во все время горѣнія свободенъ; отъ вспучиванія же оплакованной массы угля, надъ рѣшеткою образуются какъ-бы сводики, пустоты, жаръ сосредоточивается на поверхности горючаго и рѣшетка лучше сохраняется. Угли, подобные Кумгульскому, въ технику носятъ названіе *кузнечныхъ*, за ихъ хорошее качество при ковкѣ вещей въ кузнечныхъ горнахъ: они размягчаются въ жару и не привариваются къ нагрѣваемому предмету, а образуютъ надъ нимъ своды; поэтому въ заводской и желѣзодѣлательной практикѣ они предпочитаютъ всѣмъ другимъ сортамъ угля. Въ классификаціи же каменныхъ углей, такіе сорта называются „*полужирнымъ каменнымъ углемъ*“ и даютъ, при сухой перегонкѣ, кокса

отъ 68% до 74% и летучихъ веществъ отъ 26% до 34%. Другое, не менѣе важное достоинство Кумгульского угля — впрочемъ, только того, съ которымъ произведены опыты, — это сравнительно, конечно, невысокая температура, развивающаяся на рѣшеткѣ и позволяющая сжигать его въ печахъ и очагахъ изъ того сорта кирпича, который выдѣлывается въ Омскѣ. Представленный здѣсь ошлакованный кирпичъ, вынутъ мною послѣ сжиганія Кумгульского угля въ продолженіи 7 недѣль, послѣ 50 топокъ; кирпичъ даже изъ слабо-обоженныхъ и все-таки онъ былъ-бы еще годенъ при отопленіи. Конечно, желательнѣе выложить огнеупорнымъ кирпичемъ топливникъ и первый оборотъ, — затрата на это окупится вполне; но это выполнимо лишь въ общественныхъ и заводскихъ печахъ, а для обывателей единовременная значительная затрата на огнеупорный кирпичъ весьма затруднительна и для Кумгульского угля это и не необходимо.

При практическихъ опытахъ съ Кумгульскимъ углемъ получены слѣдующіе результаты. Для согрѣванія большой голландской печи, до комнатной температуры 12—18° по Реомюру, угля расходовалось 17½ фунтовъ въ сутки, а въ малыхъ комнатныхъ печахъ, круглыхъ, иначе называемыхъ утермарковскихъ, расходовалось по 12½ фунтовъ въ сутки, при наружной температурѣ = -17,4° R.

При варкѣ пицци, суна или щей, въ большомъ кухонномъ очагѣ, объ одной отдѣльной топкѣ, сжигалось, среднее, по 25 фунтовъ угля въ одинъ разъ на свареніе 74 фунтовъ мяса, капусты, крупы и соли и 229½ фунтовъ воды или 7½ ведръ, — что потребно на команду въ 150 человѣкъ, — слѣдовательно въ сутки, приготавливая пищу два раза, на обѣдъ и ужинъ, требуется по 50 фунтовъ угля на 150 человѣкъ или, по 3½ фунта на каждые 10 человѣкъ. Для печенія хлѣба въ обыкновенныхъ русскихъ печахъ, емкостью до 5 пуд. хлѣба, угля расходовалось, выпекая одинъ разъ въ сутки, около 10 фунт. (9,91), а при двухъ разъ — около 6½ фунт. (6,39) угля на одинъ пудъ печенаго хлѣба.

Для сравненія приведу здѣсь, что при одинаковыхъ условіяхъ во время опытовъ съ углемъ, расходовалось дровъ, въ пропорціи 3 части хвойныхъ и 1 часть березовыхъ: на большую и малую

камнатныя печи по 1 пуд. 10 ф. въ сутки; для варки пицци по 4 пуда въ сутки на 150 человѣкъ или, по 10²/₃ фунта дровъ на каждые 10 человѣкъ; для хлѣбопеченія, выпекая одинъ разъ, около 19½ фунт. (19,40) на пудъ хлѣба, а выпекая два раза — до 19 фунт. (18,97) дровъ, на тоже количество выпеченаго хлѣба. Прибавлю еще, что въ Москвѣ средній расходъ на нагрѣваніе комнатной печи 15 фунт. въ сутки полуантрацита, нагрѣвательная способность котораго 5800 един. теплот.

Такъ какъ опыты производились съ вывѣтрившимся, лежалымъ углемъ, то для большей наглядности я сведу въ одну таблицу результаты анализовъ его въ разное время: 1870/71 съ свѣжимъ и въ 1883/86 изъ отваловъ; въ 100 частяхъ:

	1870/71	1883	1886
Влаги — —	2,85	25,40	1,80
Газовъ — —	31,60		25,93
Угля — —	59,34	67,90	60,92
Зола — —	6,21	6,70	11,35
Сѣры — —	?	?	1,24?
Нагрѣвательная способность . .	единицъ теплоты. 5925	?	4816

Изъ этой таблицы видно, что измѣненіе угля произошло въ незначительной степени на счетъ горючихъ газовъ. Что касается до теплородной способности, то хотя разница эта достигаетъ почти 20%, но этому нельзя придавать большаго значенія, потому что въ лабораторію доставляются обыкновенно куски незначительнаго вѣса.

Въ заключеніе о Кумгульскомъ углѣ слѣдуетъ сказать, что достоинство его, какъ топлива, внѣ всякаго сомнѣнія, и отопленіе имъ весьма желательнѣе; но разработка каменно-угольныхъ копей зависитъ, главнымъ образомъ, отъ обеспеченности сбыта или отъ спроса на него. Въ этомъ отношеніи горно-промышленному Обще-

ству, которое возмется за его разработку, без сомнѣнія, на первых порахъ встрѣтятся нѣкоторыя препятствія, происходящія какъ отъ косности потребителей, привывшихъ къ дровамъ топливу, такъ равно и отъ нѣкоторой осторожности заводчиковъ и пароходовладѣльцевъ, при замѣнѣ извѣстнаго топлива мало извѣстнымъ и совершенно не распространеннымъ. Но подобныя препятствія неизбежны во всякомъ новомъ дѣлѣ, не только въ горной, но и во всякой другой отрасли технической промышленности.

Насколько мнѣ извѣстно, въ настоящее время Его Высокопревосходительствомъ начальникомъ края уже возбужденъ вопросъ о замѣнѣ дровъ каменнымъ углемъ во всѣхъ казенныхъ зданіяхъ въ Омскѣ. Вслѣдствіе этого я сдѣлалъ приблизительный расчетъ, сколько угля потребно для этого въ годъ и, на основаніи имѣющихся данныхъ, получилъ, что угля потребуется не менѣе 350/т. п.; но это количество недостаточно для выработки угля не въ разность, на дневной поверхности, а въ подземныхъ галереяхъ и особенно когда есть притокъ почвенной воды, какъ это, увѣряють, находится въ Кумгульскихъ коняхъ. Въ такомъ случаѣ, горнопромышленное Общество смѣло можетъ рассчитывать на спросъ угля и въ другія мѣста, а именно: кромѣ казенныхъ зданій въ г. Омскѣ, ввести уголь заявили желаніе и нѣкоторые пароходовладѣльцы по Иртышской системѣ,—для чего потребуется не менѣе 150/т. пудовъ. Наконецъ, при нѣкоторой энергіи со стороны горнопромышленнаго Общества, легко убѣдить,—я говорю о Кумгульскомъ углѣ,—пивоваренныхъ и винокуренныхъ заводчиковъ, какъ въ Омскѣ, такъ даже и въ Тарѣ, ввести этотъ уголь на ихъ заводахъ. И если этими заводами будетъ расходоваться до 250/т. пуд. угля, то при $\frac{3}{4}$ милліона пудовъ сбываемаго угля уже возможна его выработка, тѣмъ болѣе, что залеганіе верхняго пласта, на 8-ми саженьяхъ подъ дневною поверхностью, не потребуетъ большихъ затратъ на добываніе его. Полудная цѣна Кумгульскаго угля сперва была заявлена повѣреннымъ С.-Петербургскаго товарищества по 8 коп., а впоследствии по 10 коп.—на Иртышскихъ пристаняхъ; доставку въ Омскъ пароходовладѣлецъ Курбатовъ предложилъ по 6 коп., такъ что, со всѣми накладными расходами, на мѣстѣ

потребленія, въ Омскѣ, пудъ этого угля обойдется по 17-ти коп.

По этимъ и вышеуказаннымъ даннымъ легко сообразить выгоду отопленія Кумгульскимъ углемъ, сравнительно съ дровами. Войдетъ-ли онъ во всеобщее употребленіе, и когда именно, покажетъ, конечно, будущее; но опыты дали результаты, краснорѣчиво говорящія въ его пользу,—и если онъ не скоро будетъ введенъ въ повсемѣстное потребленіе, то уже никакъ не отъ своихъ природныхъ качествъ.

Одновременно съ опытами надъ Кумгульскимъ углемъ, тою же комиссіею производились опыты отопленія еще съ углемъ изъ Павлодарскаго уѣзда. Уголь доставленъ горнопромышленникомъ Поповымъ и названъ имъ антрацитомъ; мѣсторожденіе его точно неизвѣстно и не указано г. Поповымъ, который глухо сообщилъ, что уголь добытъ въ Павлодарскомъ уѣздѣ и что поле его выработки простирается до 600 квадр. верстъ. Насколько справедливо заявленіе г-на Попова о такой громадной площади сплошныхъ залежей угля, никакихъ доказательствъ не имѣется; доставленный же для опыта уголь его, по нѣкоторымъ догадкамъ, долженъ быть съ одной изъ закрытыхъ копей: Джамантусской или Джаландинской, которыя отстоятъ верстахъ въ 60 отъ Павлодара.

Уголь доставленъ свѣжей выломки и сожжено его комиссіею $58\frac{3}{4}$ пуда; сожигался онъ какъ въ голландскихъ печахъ, такъ и въ кухонныхъ очагахъ и въ хлѣбопекарной печи,—такъ что можно положительно сказать, что опыты, практически, произведены всесторонне и вопросъ объ отопленіи имъ выяснился вполне. По наружному виду, уголь блестяще чернаго цвѣта съ металлическимъ отливомъ, но встрѣчаются разновидности и съ матовою поверхностью; сложеніе явно слоистое; въ изломѣ зернистъ металлическаго блеска, большая часть угля со стекловидными натеками по плоскостямъ спайности, въ видѣ-ли примазки слюды, или кремнекислыхъ соединений. Загорается чрезвычайно трудно. Горитъ синеватымъ и даже желтовато-синимъ короткимъ пламенемъ; при усиленной тягѣ воздуха пламя переходитъ въ свѣтло-бѣлое, но все-же короткое. При горѣніи имѣетъ непріятное свойство растрескиваться и, поэтому, легко гаснетъ, при неосторожномъ помѣшиваніи его на рѣшеткѣ.

Остатокъ на рѣшѣткѣ получается въ видѣ не спекающагося кокса; не шлакуется и прозоровъ не заполняетъ. Последнее можетъ быть происходить отъ того, что въ обыкновенныхъ печахъ нѣтъ возможности доставить сильный притокъ воздуха, необходимый для горѣнія этого угля. Уголь очевидно обладаетъ хлористо-водородными или хлорно-натровыми соединеніями, потому что, при неосторожной подачѣ на рѣшетку свѣжаго угля, изъ топливника проникъ въ помѣщеніе удушливый хлорный запахъ.

По сдѣланнымъ мною анализамъ получено, что въ 100 частяхъ угля содержится:

влаги	1,51%	} 8,12% летучихъ веществъ.
газовъ	6,61%	
угля	72,61	} 91,87 кокса.
зола	19,26	
сѣры	1,72%	но количество сѣры подлежитъ

считать менѣе, вслѣдствіе нечистоты реактива, какъ выше объяснено.

При накаливаніи безъ доступа воздуха получается коксъ не спекающійся. При сжиганіи съ полнымъ доступомъ воздуха образуется зола темно-бураго цвѣта.

Нагрѣвательная способность получена, по Бертье, въ 5427 ед. теплот. въ углѣ и 2800 ед. т. въ шлакѣ, котораго этотъ уголь даетъ въ комнатныхъ печахъ, среднее, 30%, такъ что полезное дѣйствіе угля приблизительно $5427(1-0,30) + (5427-2800)0,30 = 4587$ ед. теп., т.-е. въ 2 раза болѣе, чѣмъ полезное дѣйствіе сухихъ дровъ. Но на практикѣ этотъ коэффициентъ полученъ значительно ниже теоретическаго, именно: на отопленіе большой голландской печи расходовалось по 25 фунт. угля въ сутки; для варки пици по 5 фунт. на каждые 10 человѣкъ, или, въ обоихъ случаяхъ, этого угля расходовалось въ 1½ раза болѣе, чѣмъ Кумгульскаго. Это разногласіе возможно объяснить тѣмъ, что для полного горѣнія угля Попова требуется значительный притокъ воздуха, чего нельзя достигнуть въ обыкновенныхъ печахъ.

Удѣльный вѣсъ угля опредѣленъ въ 1,51. Слѣдовательно вѣсъ кубической сажени угля въ залежахъ доходитъ до 895½ пуд.; вѣсъ же угля въ кускахъ найденъ 56,85 фунта, въ кубич. футѣ,

или 487½ пудовъ въ одной кубической сажени. При другихъ анализахъ этого угля получено слѣдующее. Пары угля при прокаливаніи даютъ рѣзкую кислую реакцію; въ фдкомъ кали не растворяется и жидкость остается безцвѣтною; тоже самое получается, обливая порошокъ угля эфиромъ. По результатамъ, полученнымъ при химическихъ анализахъ, уголь Попова слѣдуетъ отнести къ образованіямъ первоизданнымъ, сравнительно съ Кумгульскимъ; но, тѣмъ не менѣе, кислая реакція паровъ указываетъ на относительно малое количество азота, что свойственно только лигнитамъ, т.-е. породѣ позднѣйшаго образованія, чѣмъ каменные угли.

Описываемый уголь былъ подвергнутъ анализу и въ Барнаульской лабораторіи Алтайскаго горнаго правленія, гдѣ получено, что въ 100 частяхъ угля содержится:

летучихъ веществъ	6,2%	} влаги и газовъ.
кокса	93,8	
сѣры	знакъ.	} угля 74,0. зола 19,8.

Нагрѣвательной способности получено 6103,5 ед. теплоты. Уголь пламенемъ не горитъ; коксъ не спекается.

Результаты эти почти тождественны съ полученными мною, за исключеніемъ нагрѣвательной способности, количество которой въ Барнаульской лабораторіи опредѣлено нѣсколько болѣе.

На основаніи описанныхъ наружныхъ признаковъ и химическаго свойства, уголь Попова можетъ быть отнесенъ къ полуантрацитамъ, вслѣдствіе видимой слоеватости, со слюдою въ прослойкахъ, по свойству растрескиваться въ огнѣ и по незначительному количеству летучихъ веществъ; но эти свойства одинаковы и для тощихъ каменныхъ углей, между которыми и полуантрацитами нѣтъ рѣзко опредѣленной границы. А реакція паровъ этого угля даетъ основаніе предполагать, что онъ не можетъ быть отнесенъ къ породѣ антрацитовъ.

Во всякомъ случаѣ, этотъ уголь легче примѣнимъ въ заводской промышленности, чѣмъ для отопленія жилищъ, для чего онъ мало пригоденъ по своему небольшому полезному дѣйствію въ обыкно-

венныхъ печахъ; передѣлывать же обывательскія печи, ради введенія угля, невозможно, тѣмъ болѣе, что для этого потребовалось бы совершенно измѣнить конструкцію комнатныхъ печей.

Въ заключеніе добавлю, что, не смотря на всѣ старанія коммисіи, этимъ углемъ не удалось согрѣть хлѣбопекарной печи и выпечь хотя сколько-нибудь хлѣба, такъ что для хлѣбопеченія въ обыкновенныхъ печахъ,—впрочемъ, съ нѣкоторыми приспособленіями,—уголь Попова оказался совершенно непригоденъ.

Л. Г. Малъевъ.

ОЧЕРКЪ СУРГУТСКАГО КРАЯ.

I.

ОБЩІЙ ОЧЕРКЪ ГОРОДА И ОКРУГА.

Пространство округа и характеръ природы.—Климатъ, орошеніе, почва.—Сравнительное богатство, представляемое округомъ.—Населеніе, его племенной составъ и численность.—Мѣстоположеніе города Сургута и его внѣшній видъ.—Городское населеніе.—Физическія особенности сургутянь—внѣшній видъ, сила, ростъ и проч.—Происхожденіе сургутянь-казаковъ, ихъ историческія преданія.—Нѣкоторыя особенности Сургута, какъ города.—Отношеніе къ нему мѣстнаго населенія и жителей сосѣднихъ округовъ.

На сѣверо-востокъ отъ Тобольска по обоимъ берегамъ Оби раскинулся громаднѣйшій Сургутскій округъ. Пространство, занимаемое имъ,—около 192,000 квадр. верстъ—представляетъ дикую, почти безлюдную мѣстность, въ различныхъ направленіяхъ прорѣзанную большими многоводными рѣками и покрытую тысячами озеръ и топкихъ болотъ, мѣстность, въ южной части поросшую непроходимыми дѣвственными лѣсами, а въ сѣверной образующую не менѣе непроходимую, но голую, лишь мхомъ да мелкой порослью прикрытую, тундру. Границами округа служатъ: Тобольскій и Березовскій округа съ юго-запада, запада и сѣверо-запада, Туруханскій округъ Енисейской губерніи съ сѣвера и востока и, наконецъ, Томскій (Нарымскій край) и Тарскій съ юго-востока и юга.

Климатъ въ описываемомъ краѣ чрезвычайно суровый. Зимніе холода наступаютъ съ конца сентября, рѣже съ половины октября и прекращаются лишь въ маѣ; случается, что зимою, нѣсколько недѣль сряду стоятъ морозы не менѣе 40° R., двадцати-градусные-же считаются чуть не оттепелью. Рѣзкіе сѣверо-восточные

вѣтры дѣлають сургутскій холодъ окончательно нестерпимымъ, убійственно дѣйствующимъ на непривычнаго человѣка.

Восьми-девяти-мѣсячная зима круто смѣняется теплымъ и сырмъ лѣтомъ. Послѣднему обстоятельству, т.-е. сырости лѣта способствуютъ сильнѣйшіе разливы орошающихъ округъ рѣкъ Оби и ея притоковъ—*Ваха, Агана, Пима, Югана* и *Салыма*. Всѣ эти многоводныя рѣки со своими многочисленными и громадными притоками въ весеннее время выступаютъ изъ береговъ и затопляють окрестности на сотни верстъ, и эта полая вода держится иногда до конца іюля; озера и болота также разливаются отъ снѣговой воды. Все это, вмѣстѣ взятое, превращаетъ округъ мѣсяца на $1\frac{1}{2}$ —2, какъ-бы въ сплошное болото и трясины. Понятно, что такое обиліе водъ не можетъ остаться безъ вліянія на влажность сургутскаго лѣта. Сырость и мириады комаровъ и мошекъ, наполняющихъ воздухъ и причиняющихъ невыносимыя страданія людямъ и домашнимъ животнымъ, дѣлають сургутское лѣто далеко не пріятнѣйшимъ временемъ года. Не смотря на то, что скованную за зиму морозами землю довольно сильно печетъ солнышко (термометръ поднимается до $20-30^{\circ}\text{R.}$) почва, тундро-болотистая, мѣстами песчаная, никогда не оттаиваетъ глубже одного—трехъ футъ.

Мы сказали выше, что южная часть округа покрыта лѣсами. Какъ ни громадны и ни величественны эти лѣса (правильнѣе сказать, лѣсъ, такъ какъ онъ тянется сплошной полосой съ запада на востокъ, нигдѣ не прерываемый), но они не отличаются разнообразіемъ древесныхъ породъ. Изъ лиственныхъ, насколько намъ извѣстно, встрѣчается лишь береза, да и та хорошо растетъ въ болѣе южныхъ частяхъ округа—южнѣ теченія Оби; изъ хвойныхъ же повсемѣстно распространены: кедръ, лиственница, мѣстами пихта, преобладающими-же породами являются сосна и ель.

Сургутскій лѣсъ, „урманъ“, какъ его называютъ, это настоящая сибирская тайга, величавая и мрачная, въ которую никогда не проникала нога сколько-нибудь культурнаго человѣка дальше двухъ—трехъ десятковъ верстъ отъ поселенія, гдѣ лишь изрѣдка попадаются, и опять-таки въ ближайшихъ къ селеніямъ мѣстахъ, едва примѣтныя охотничьи тропинки.

Помимо богатства, представляемаго урманомъ, какъ лѣсомъ, котораго при самомъ хищническомъ и неразумномъ пользованіи хватитъ на многіе и многіе десятки лѣтъ, его сокровища заключаются въ дорогомъ пушномъ звѣрѣ, въ птицѣ, пухъ и перо которой также высоко цѣнятся, и въ красной рыбѣ, которой изобилуютъ глубокія воды Оби и другихъ рѣкъ. Въ сургутской тайгѣ водятся лисица, соболь, выдра, росомаха, бобръ (послѣдніе годы, впрочемъ, рѣдко встрѣчается), песецъ, рысь, медвѣдь, волкъ, бурндукъ, бѣлка, горностаи, сохатый, дикій олень и пр.; изъ птицъ здѣсь въ изобиліи найдете рябчиковъ, куропатокъ, различныя породы тетеревовъ, лебедей, гусей, гагъ, утокъ, журавлей и т. д.; изъ крупныхъ и дорогихъ породъ рыбы назовемъ осетра, нельму, шкура, сырца, стерлядь, тальмень и др. Все это въ чудовищныхъ размѣрахъ населяетъ тайгу, ея болота, озера и рѣки и служитъ приманкой для человѣка.

Какъ на особенности мѣстной флоры и фауны, можно указать на почти полное отсутствіе ягодъ—мы, по крайней мѣрѣ, не встрѣчали ничего, кромѣ брусники и морошки, да и то въ ничтожномъ количествѣ,—грибовъ также мало; изъ птицъ здѣсь нѣтъ такихъ обычныхъ для болѣе южныхъ мѣстностей птицъ, какъ воробей, ласточка, галка; нѣтъ также и никакихъ пѣвчихъ птицъ, что придаетъ урману особенно унылый и мрачный характеръ.

Дикъ и непривѣтенъ Сургутскій край. Въ немъ все сурово, печально, угрюмо, хотя грандіозно и величественно: суровъ климатъ, угрюма и таинственна молчаливая тайга, непривѣтны необозримыя пространства водъ. Холодомъ и уныніемъ вѣетъ отъ этого далекаго края, но этотъ холодъ не холодъ могилы—повсюду замѣтны проявленія жизни, дикая, могучая природа заключаетъ въ себѣ неисчерпаемыя богатства, только, какъ-бы нарочно, для лучшаго охраненія своихъ сокровищъ отъ жадности человѣка, она приняла суровыя, неприступныя формы. Чтобы побѣдить природу и завладѣть этими сокровищами, нужна желѣзная энергія, выносливость и закаленность въ борьбѣ съ препятствіями и лишениями. Какъ мы уже сказали, сокровища края состоятъ въ великолѣпныхъ строевыхъ лѣсахъ, дорогомъ звѣрѣ и рыбѣ и при мало-мальски

разумной эксплуатаціи, этому изобилію природы, поистинѣ, конца краю не будетъ!

Такова въ общихъ чертахъ природа описываемаго края. Обратимся теперь къ людямъ, его населяющимъ.

Не смотря на громадность территории Сургутскаго округа (площадь его въ *три раза* превышаетъ площадь Германіи и въ *пять разъ* площадь Италіи), население его до крайности ничтожно—едва достигаетъ до $6\frac{1}{2}$ тысячъ, не считая города, или *одинъ* человекъ приходится на *295 кв. верстъ*. Въ племенномъ отношеніи население округа раздѣляется на двѣ части: меньшинство, всего нѣсколько сотъ душъ, русскіе крестьяне, вся остальная масса—остяки; къ русскимъ причисляютъ обыкновенно и потомковъ отъ браковъ между русскими и остяками. Городское-же население почти сплошь русское—едва ли найдется 5—10 семей метисовъ, по крайней мѣрѣ, недавняго происхожденія.

Какъ русскіе, такъ и остяки, расселились въ округѣ по теченію Оби и ея притоковъ. Исключеніе составляютъ нѣсколько остяцкихъ юртъ, разбросанныхъ вдали отъ рѣкъ, въ глубинѣ страны, на озерахъ. Русскіе крестьяне живутъ селами и деревнями; первыхъ въ округѣ пять: Салиарское, Ломпаковское и Локасовское на Оби, Юганское на Юганѣ и Ларьятское на Вахѣ; деревень всего три. Остяки обитаютъ частью въ тѣхъ-же селахъ и деревняхъ—это наиболѣе обрусѣвшіе и усвоившіе болѣе или менѣе образъ жизни русскихъ крестьянъ,—но, главнымъ образомъ, по юртамъ, которыхъ насчитываютъ до 200.

Почти въ центрѣ населенной части округа, на правомъ возвышенномъ берегу Оби пріютился городъ Сургутъ. По картѣ его мѣстоположеніе между 61° и 62° с. ш.

Непривлекательна наружность городка: на небольшой, очищенной отъ лѣса песчаной площадкѣ разбросано нѣсколько десятковъ деревянныхъ домишекъ, большею частью старыхъ, почернѣвшихъ отъ времени; на самомъ берегу, почти надъ обрывомъ прилѣплась бѣдная и ветхая, немного покачнувшаяся церковь. Съ трехъ сторонъ городокъ, какъ стѣной, окруженъ вѣковымъ хвойнымъ лѣсомъ, и лишь одна сторона свободна отъ него—внизу, далеко

подъ горой катитъ свои мутныя, холодныя волны угрюмая красавица Обь, образуя нѣсколько низменныхъ острововъ; водная даль разстилается на десятки верстъ, и другой берегъ, поросшій лѣсомъ, едва обозначается синеватой лентой. Видъ Оби изъ города очень величественъ, но угрюмъ и дикъ, какъ и все вокругъ.

На свѣжаго человекъ, еще незнакомаго съ сибирскими заолустьями, Сургутъ производитъ впечатлѣніе убогой, всѣми забытой, затерявшейся въ лѣсу деревушки. Это впечатлѣніе затерянности еще усиливается отсутствіемъ грунтовыхъ дорогъ: для сургутянина и лѣтомъ, и зимою одна дорога—его широкая, богатая рѣка¹⁾, по которой въ лѣтніе мѣсяцы онъ ѣздитъ въ лодкахъ, зимою на лошадахъ и оленяхъ; весною-же и осенью, съ наступленіемъ распутицы, всякое сообщеніе Сургута съ внѣшнимъ міромъ прекращается, и тогда-то особенно онъ принимаетъ до крайности гнетущій видъ чего-то жалкаго, убогаго, закинутаго въ лѣсную трущобу на край свѣта.

Населеніе города малочисленно: по официальнымъ даннымъ оно равняется 1200 душамъ об. пола, въ дѣйствительности-же и эта цифра преувеличена, такъ какъ нѣкоторая часть обывателей „разбѣжалась“, по мѣстному выраженію, въ разные концы обширной Сибири. Неособенно рѣдки случаи, что сургутянинъ, разъ выѣхавши зачѣмъ-нибудь въ Тобольскъ, Томскъ или на пріиски, уже никогда не возвращается домой, устраивая себѣ гнѣздо гдѣ-нибудь вдали отъ своей суровой родины. Другіе являются только подъ старость умирать домой—это неудачники, отставшіе отъ собственного дома и не смогшіе по какимъ-либо причинамъ устроиться на чужбинѣ.

Выше мы уже упоминали о племенномъ составѣ городского населенія, громадное большинство котораго состоитъ изъ русскихъ, и только нѣсколько семей принадлежатъ къ чистымъ представителямъ другихъ національностей: семья евреевъ (ссылные), два—три

¹⁾ Недавно, впрочемъ, по распоряженію мѣстнаго начальства, проложили грунтовую дорогу на Бѣлый Яръ—пароходную пристань въ 14 вер. отъ города. Но эта дорога для города не имѣетъ никакого значенія, и мѣстные жители ею не пользуются.

поляка и нѣсколько остяковъ и остячекъ. Но „русскихъ“ сургутянъ въ свою очередь надо раздѣлить на двѣ части: на дѣйствительно русскихъ, т.-е. такихъ, которые сохранили внѣшность, языкъ и обычаи своихъ собратьевъ, населяющихъ Россію и Сибирь, и если въ чемъ поотстали, то неособенно сильно, съ одной стороны, и съ другой, — русскихъ, представляющихъ смѣсь русскаго типа съ остяцкимъ и происшедшихъ отъ смѣшанныхъ браковъ съ остяками, потомковъ обрусѣвшихъ крестьянъ и окончательно обостячившихся русскихъ крестьянъ. Благодаря общему складу жизни въ Сургутѣ, носящему довольно замѣтный отпечатокъ инородческаго вліянія, такое различіе въ составѣ населенія не бросается сразу въ глаза, и подмѣтить его можно лишь при болѣе внимательномъ и близкомъ знакомствѣ съ сургутянами; первое же впечатлѣніе, притомъ довольно долго удерживающееся, получается болѣе или менѣе однородное и, говоря откровенно, не совсемъ выгодное для сургутянъ — впечатлѣніе помѣси русскаго съ остякомъ.

Низкій ростъ, приземистость и невзрачность всей фигуры, напоминающей скорѣе медвѣдя, чѣмъ представителя кавказской расы — вотъ физическія особенности, свойственныя всему населенію. Черты лица сургутянина неправильны и рѣзки, развитыя скулы, широкій, некрасивый ротъ, узкіе глаза безъ выраженія, или, пожалуй, съ выраженіемъ придурковатости — все это дѣлаетъ его видъ неособенно привлекательнымъ, не говоря уже о грязи, толстымъ слоемъ покрывающей голову, лицо и руки многихъ изъ нихъ. Не смотря на кажущуюся кряжистость, сургутяне не отличаются силой, проворствомъ и ловкостью, но за то крайне выносливы, „двужильны“, по народному выраженію. Кстати, скажемъ два слова и о наружности различныхъ представителей населенія округа. Крестьяне по внѣшнему виду значительно разнятся отъ городскихъ мѣщанъ-казаковъ: они много здоровѣе, какъ-то шире въ кости, видна бѣлая сила, лицо и вся фигура дышатъ мощью и энергіей. Тяжелая борьба, которую имъ приходится постоянно вести съ окружающей природой, борьба, сопряженная съ опасностями и лишеніями, оставила замѣтный отпечатокъ на всей фигу-

рѣ сургутскаго крестьянина, хотя неуклюжей, но мощной. Черты лица также рѣзки, какъ и у горожанъ, если еще не рѣзче и некрасивѣе. Полнѣйшую противоположность крестьянину представляетъ остякъ. Фигура этого несчастнаго дикаря съ перваго взгляда поражаетъ своей крайней невзрачностью и забитостью. Увидавъ въ первый разъ остяка, вы сразу чувствуете, что передъ вами представитель вырождающагося, исчезающаго племени. Остякъ роста скорѣе низкаго, чѣмъ средняго, въ плечахъ довольно широкъ, но съ впалой грудью; руки длинны и какъ-то безжизненно, точно плети, висятъ вдоль туловища; лицо грязно-сѣраго цвѣта, скуластое, съ широкимъ ртомъ, тонкими блѣдными губами; темные, мертвенно-тусклые и вѣчно гноящіеся глаза прорѣзаны довольно косо; носъ широкій, приплюснутый; жествіе черные волосы, похожіе на конскіе, густыми, никогда нечесанными космами спадаютъ на лицо и плечи; растительности на лицѣ никакой. По лицу женщины ничѣмъ не отличаются отъ мужчинъ, развѣ еще большимъ безобразіемъ. Къ этому надо присовокупить еще невозможную грязь, присущую всемъ остякамъ. Живущіе по р. Ваху остяки производятъ лучшее впечатлѣніе: они выше ростомъ, здоровѣе и не имѣютъ такого пришибленнаго, пригнетеннаго вида.

Въ сословномъ отношеніи сургутяне также не представляютъ сплошной массы: все коренное населеніе дѣлится на два общества — большее мѣщанское, въ составъ котораго входятъ бывшіе сургутскіе казаки, нѣсколько человекъ мѣстныхъ торговцевъ и потомки уголовныхъ ссыльныхъ, и такъ называемое крестьянское общество, незначительное по численности, къ которому принадлежатъ крестьяне, переѣхавшіе изъ деревень, обрусѣвшіе и не обрусѣвшіе остяки и опять-таки уголовные ссыльные и ихъ потомки.

Тогда какъ крестьяне и коренные мѣщане не сохранили никакихъ преданій о своемъ происхожденіи, мѣщане-казаки¹⁾ ведутъ свою родословную непосредственно отъ казаковъ, пришедшихъ въ

¹⁾ Сургутская казачья команда уничтожена, если не ошибаюсь, въ 82 году. Большинство казаковъ приписалось къ мѣщанскому обществу; ничтожное же меньшинство въ 10—15 человекъ, большей частью, юная молодежь, пожелало выселиться въ другія казачьи войска.

Сибирь и завоевавших ее вмѣстѣ съ Ермакомъ; имъ-же, они приписываютъ и основаніе своего города для болѣе удобной борьбы съ буйными и непокорными въ то время остяцкими племенами, что, конечно, въ общихъ чертахъ согласуется съ историческими фактами. Нѣкоторые-же, въ минуту откровенности и самобичеванія, чаще всего послѣ хорошей выпивки, прибавляютъ, что въ числѣ ихъ предковъ были не только добрые молодцы изъ вольницы Ермака, но и другіе молодцы—бродяги, каторжники, съ рваными ноздрями и клеймами, пригонявшіеся сюда изъ другихъ мѣстностей Сибири. На сколько правы эти самообличители, судить не беремся.

Изъ другихъ историческихъ фактовъ, кромѣ завоеваній Ермака, казаки-мѣщане сохранили воспоминаніе объ остяцкомъ князѣ Бардакѣ, имя котораго носить рѣчущка, впадающая въ Обь у самаго Сургута, да о возстаніи остяковъ противъ русскаго владѣчества и тѣхъ жестокостяхъ и казняхъ, которыя слѣдовали за подавленіемъ мятежныхъ дикарей. Но и эти воспоминанія очень смутны и отрывочны. Мы говоримъ здѣсь вообще объ историческихъ воспоминаніяхъ, существующихъ у сургутанъ, у отдѣльных-же лицъ, преимущественно стариковъ, вѣроятно, сохранились они въ болѣе цѣльномъ и полномъ видѣ. Между прочимъ, многіе сургутяне могутъ указать мѣсто, гдѣ была юрта князя¹⁾, и другое, гдѣ совершались казни остяковъ. Къ воспоминаніямъ сравнительно недавняго времени слѣдуетъ отнести рассказы многихъ жителей о двухъ декабристахъ, бывшихъ въ Сургутѣ въ ссылкѣ, изъ которыхъ одинъ застрѣлился, да объ одномъ полякѣ-повстанцѣ 30-го года, погибшемъ въ Ларьитской тундрѣ, но провѣрить эти рассказы мы не имѣли возможности.

Прежде, чѣмъ закончить общую бѣглую характеристику Сургута и его округа, мы считаемъ не лишнимъ для полноты картины остановиться нѣсколько подробнѣе на нѣкоторыхъ сторонахъ этого оригинальнаго города.

Человѣку новому, впервые попавшему въ Сургутъ, невольно бросается въ глаза отсутствіе такихъ правительственныхъ учреж-

¹⁾ Тамъ и теперь еще видны слѣды земляной насыпи въ формѣ кольца, охватывающаго пространство въ нѣсколько сажень.

деній и зданій, которыя у всякаго неразрывно связываются съ представленіемъ о русскомъ городѣ, безъ которыхъ послѣдній кажется если не прямо невозможнымъ, то во всякомъ случаѣ курьезнымъ и оригинальнымъ. Къ такимъ учрежденіямъ, отличающимъ городъ отъ деревни, несомнѣнно относятся городское управленіе, судъ, казначейство и т. п.; сюда-же приходится причислить, къ сожалѣнію, и острогъ. Между тѣмъ, въ Сургутѣ ничего этого нѣтъ, полиція да почтовое отдѣленіе—вотъ, кажется, и всѣ присутственныя мѣста города. Городскую думу замѣняетъ мѣщанская управа; всѣ-же дѣла, неимѣющія прямаго отношенія къ полиціи и мѣщанской управѣ, вѣдаются въ подлежащихъ учрежденіяхъ Тобольска. Не рѣшимся сказать, чтобы сургутяне чувствовали отъ этого большое неудобство; по крайней мѣрѣ, относительно суда и острога они прямо заявляютъ, что въ нихъ ни мало не нуждаются, ибо никакихъ преступленій у нихъ не бываетъ (объ этомъ см. ниже), и поэтому судить у нихъ не кого, а если съ кѣмъ и случится грѣхъ какой, попутаетъ нечистая сила, то дѣло можно разобрать и въ Тобольскѣ, гдѣ есть и суды, и тюрьмы. Не ощущается также большой потребности и во введеніи городского положенія, да и содержать думу и городское управленіе, какъ стоящія, сравнительно говоря, довольно дорого, рѣшительно не на что: намъ пришлось видѣть мѣстный оффиціальнѣйшій отчетъ за 80-й г., по которому всѣ городскіе доходы исчислены въ 400 рублей. Понятно, тутъ не до городского положенія.

Разсадниками просвѣщенія служатъ двѣ школы, мужская и женская. Послѣдняя уже нѣсколько лѣтъ стоитъ съ заколоченными дверьми и окнами, ибо обыватели не находятъ нужнымъ поддерживать ее своими средствами, основатель-же ея нѣкто Туполевъ, мѣстный житель, содержалъ школу на свой счетъ лишь въ первые годы ея существованія. Немногимъ лучше и положеніе мужскаго училища: оно хотя и не считается закрытымъ, но случается, что по нѣсколькимъ мѣсяцамъ, даже по году, занятія въ немъ не производятся; въ нашу бытность въ Сургутѣ, напримѣръ—въ 80—81 г.—дѣти посѣщали школу всего мѣсяца два, остальное время на школьной двери висѣлъ замокъ, и такіе перерывы—дѣло

обычное. Въ 82 году зданіе школы было даже сдано подъ квартиру частнымъ лицамъ. Ниже намъ придется еще говорить о причинахъ, обусловившихъ такое паденіе дѣла образованія въ Сургутъ.

Упомянемъ еще о больницѣ Приказа общественнаго призрѣнія. Она устроена на двѣнадцать кроватей, имѣется при ней и аптека, и врачъ съ фельдшерами; но она не пользуется популярностью среди населенія, и больныхъ въ ней почти никогда не бываетъ, такъ какъ горожане предпочитаютъ лечиться у разныхъ знахарей, остяцкихъ шамановъ и пр. Изъ округа-же иногда лежатъ въ ней остяки, преимущественно страдающіе сифилисомъ, но и они попадаютъ сюда не по собственному желанію, а только вслѣдствіе особыхъ распоряженій мѣстной власти, случайно натолкнувшейся на больного инородца.

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ объ отношеніи къ Сургуту мѣстныхъ жителей и населенія сосѣднихъ округовъ, Тобольскаго и Тарскаго.

Отношеніе сургутянъ къ своей родинѣ не одинаково. Тѣ изъ нихъ, которымъ удалось побывать въ иныхъ болѣе привлекательныхъ мѣстахъ, на примѣръ, въ Тобольскѣ или Тюмени (не говоримъ уже о Томскѣ, который представляется сургутянамъ чѣмъ-то сказочнымъ по своему богатству и великолѣпію),—смотрятъ на Сургутъ и все сургутское съ нескрываемымъ презрѣніемъ, пожалуй, даже съ враждой; ихъ уже не удовлетворяетъ все мѣстное, кажется дикимъ, смѣшнымъ, они и на себя начинаютъ смотрѣть, какъ на нѣчто высшее въ умственномъ и нравственномъ отношеніи, чѣмъ ихъ земляки, не бывавшіе дальше Березова. Имъ душно и тѣсно въ Сургутѣ, ихъ неудержимо тянетъ вонъ изъ него, туда, гдѣ, по ихъ мнѣнію, жизнь кипитъ. Часто они такъ и поступаютъ—при первой возможности покидаютъ свою родину, чтобы никогда уже не возвращаться обратно; но этотъ выходъ, конечно, не всякому доступенъ.

Совершенно иное отношеніе къ своей родинѣ наблюдается у тѣхъ обывателей, которымъ не приходилось бывать далеко. Мы не беремъ въ расчетъ Березова, гдѣ рѣдкій взрослый сургутянинъ не бывалъ, ибо это тотъ-же Сургутъ. Эти, а они составляютъ де-

вать десятыхъ населенія, страстно любятъ и свои непролазные болота и урманъ, и свой убогій городишко, для нихъ Сургутъ если и не рай земной, то все-же одно изъ самыхъ привлекательныхъ мѣстъ земнаго шара. Всякое критическое или просто шутовское замѣчаніе о достоинствахъ ихъ города встрѣчается ими съ величайшей неприязнью и раздраженіемъ. Вообще этого сорта сургутяне, особенно женщины, крайніе патріоты въ самомъ узкомъ смыслѣ этого слова, заскоруждые и нетерпимые, съ которыми тяжело, а подъ часъ и невозможно вести какое-нибудь болѣе или менѣе живое дѣло, по крайней мѣрѣ, на насъ они произвели такое впечатлѣніе.

Жители сосѣднихъ округовъ относятся къ сургутскому краю и его обитателямъ довольно опредѣленно, но вмѣстѣ съ тѣмъ и рѣзко отрицательно. Сургутъ, по ихъ мнѣнію, „гиблое мѣсто“, ничего больше. Извѣстная доля истины въ этомъ выраженіи несомнѣнно есть, къ сожалѣнію. Впрочемъ, и они признаютъ за Сургутомъ одно положительное качество: ловкому человѣку нажитья тамъ легко.

Обратимся къ занятіямъ сургутскихъ жителей.

II.

ЗАНЯТІЯ НАСЕЛЕНІЯ.

Общія замѣчанія о занятіяхъ сургутянъ: развитіе промысловъ, отсутствіе земледѣлія.—Связанныя съ промыслами формы пользованія различными угодьями—лугами, лѣсами, рыболовными песками.—Скотоводство.—Орѣховый промыселъ.—Ловля птицы.—Рыболовство.—Звѣроловство.—Заготовка дровъ на пароходы.

Характеръ занятій сургутскаго населенія всецѣло опредѣляется общимъ характеромъ природы края и степенью культурнаго развитія самихъ сургутянъ. Суровый климатъ и особенности почвы дѣлаютъ невозможнымъ занятіе земледѣліемъ¹⁾. Между тѣмъ, окру-

¹⁾ Лѣтъ 12—15 назадъ въ с. Юганскомъ производились опыты хлѣбопашества, ранѣе такія-же попытки дѣлались вблизи города, но все безуспѣшно.

жающіе лѣса, болота и рѣки, какъ мы видѣли, богаты всякимъ звѣремъ, птицей, рыбой, и населеніе, естественно, прежде всего обратило свои взоры именно въ эту сторону и промысловыя занятія стали главнымъ родомъ дѣятельности, главной основой его существованія.

Прежде, чѣмъ обратиться къ подробному описанію главнѣйшихъ народныхъ промысловъ, мы считаемъ нужнымъ отмѣтить формы пользованія покосами, лѣсами и другими угодьями.

Урманъ, доставляющій мѣстнымъ жителямъ въ неограниченныхъ размѣрахъ строевой лѣсъ, дрова, пушнину, орѣхъ и проч., считается ничьимъ, Божьимъ. Однако, пользованіе безусловно свободно, но ограничивается рядомъ постановленій и правилъ, относящихся главнымъ образомъ къ кедровникамъ¹⁾ и къ отдѣльнымъ кедровымъ деревьямъ, попадающимъ въ урманъ. Познакомимся съ этими ограниченіями, выработанными мѣстнымъ обычнымъ правомъ.

Какъ строевой, такъ и болѣе мелкій лѣсъ—жерднякъ, дозволяется всѣмъ рубить безпрепятственно, кореннымъ жителямъ и пришлому челоуѣку безразлично, въ неограниченныхъ размѣрахъ, но при этомъ ставится одно требованіе: *зря не рубить кедра*. Кедромъ можно пользоваться для какихъ-нибудь хозяйственныхъ подѣлокъ—изъ него изготовляются оконныя рамы, косяки, пола и др., но отнюдь не дозволяется рубить его на дрова, въ кедровникахъ-же не допускается порубка и на подѣлки, исключая сухопостой, но особенно строго запрещается и преслѣдуется порубка съ цѣлью обратъ шишки, что дѣлается исключительно по-лѣни, изъ нежеланія долго возиться надъ „околачиваніемъ“ шишекъ, о чемъ будетъ ниже. Попавшійся въ нарушеніи этого требованія подвергается жестокому истязаніямъ. По словамъ мѣстныхъ жителей, бывали случаи, когда за подобныя продѣлки виновныхъ тутъ-же, на мѣстѣ преступленія, вѣшали на первой попавшейся лѣсинѣ, раздѣтымъ до нага привязывали къ деревьямъ и оставляли въ такомъ положеніи на съѣденіе комарамъ и муравьямъ и т. п. Особенной

¹⁾ Кедровниками, иначе кедровыми островами называются такіе участки лѣса, гдѣ преобладающей или исключительной породой является кедръ.

суровостью и жестокостью въ этомъ отношеніи отличаются остяки. Вслѣдствіе-ли боязни навлечь на себя жестокое мщеніе со стороны своихъ родичей, или въ силу глубокаго сознанія грѣховности такого поступка, сознанія, которымъ проникнуты очень многіе, но этого рода нарушенія обычнаго права встрѣчаются крайне рѣдко. Во всѣхъ другихъ отношеніяхъ пользованіе кедровниками свободно.

Столь строгая регламентація въ пользованіи кедромъ и столь суровыя взысканія, налагаемыя на ослушниковъ, станутъ вполне понятными, если мы скажемъ, что кедровый промыселъ, т.-е. сборъ кедроваго орѣха, является однимъ изъ главныхъ источниковъ, доставляющихъ средства существованія, какъ русскимъ, такъ и остякамъ, и что всякое уменьшеніе доходности этого промысла тяжело отзывалось на карманѣ сургутскаго жителя.

Таковъ порядокъ пользованія лѣсомъ для порубки и для сбора орѣховъ у горожанъ и русскихъ крестьянъ. У остяковъ-же мы наблюдаемъ нѣсколько иную форму владѣнія лѣсами, именно общинно-родовую. Всѣ лѣса, которыми пользуются остяки, подѣлены между отдѣльными родами, а родовые участки въ свою очередь раздѣлены между семьями остяковъ. Межевими знаками служатъ рѣки, камни, ручьи, озера, болота, ямы и проч., граней-же, бороздъ или межъ нѣтъ. Каждый вновь возникшей самостоятельной семьѣ родовой сходъ выдѣляетъ участокъ изъ общей собственности, при чемъ иногда происходятъ уравнительные передѣлы участковъ. Въ предѣлахъ своего участка каждая остяцкая семья пользуется лѣсомъ для порубокъ и орѣхомъ, въ нихъ-же занимается звѣроловствомъ и ловлей птицы. Переходить для промысла на чужой участокъ запрещено. Бѣлка, заяць, горностаи и всякій другой звѣрь, кромѣ крупныхъ хищныхъ, убитый на чужомъ участкѣ, по обычному праву остяковъ, принадлежитъ не охотнику, а владѣльцу участка; звѣрь, убитый на границѣ двухъ участковъ, дѣлится пополамъ между охотникомъ и владѣльцемъ сосѣдняго участка—или дѣлятъ шкуру пополамъ, или одинъ беретъ шкуру, а другой—мясо. Медвѣдей, волковъ предоставляется бить безпрепятственно, на чьемъ-бы участкѣ они ни попались. Благодаря обилію лѣса и проистекающей отсюда величинѣ надѣльныхъ участ-

ковъ, между семьями не бываетъ столкновений изъ-за обладания тѣмъ или инымъ кускомъ лѣса. Участки носятъ обыкновенно названія: „островъ такихъ-то остяковъ“, „урочище такихъ-то“ и т. п. Кедровники остяки часто сдаютъ въ аренду сургутскимъ и тобольскимъ торговцамъ за ничтожную плату.

Таково въ общихъ чертахъ правовое отношеніе населенія къ кедровникамъ. На практикѣ-же, обыкновенно, каждая артель русскихъ промышленниковъ изъ года въ годъ посѣщаетъ одинъ и тотъ же островъ, оставляя его изрѣдка для другаго исключительно вслѣдствіе плохого урожая орѣховъ въ данномъ мѣстѣ. Чрезвычайное обиліе кедровыхъ лѣсовъ и незначительность населенія, пользующагося ими, заставляютъ сургутянъ снисходительно относиться къ отступленіямъ отъ правилъ.

Ниже намъ придется подробно говорить о звѣроловствѣ и ловлѣ птицы и о значеніи этихъ промысловъ для населенія, потому теперь мы остановимся на нихъ лишь настолько, насколько они оказываютъ вліяніе на формы пользованія у русскаго населенія тѣми участками лѣса, въ которыхъ производятся.

Каждый сургутянинъ-звѣроловъ, деревенскій или горожанинъ безразлично, имѣетъ въ лѣсу свои „слопцы“—обычныя ловушки для зайцевъ и тетеревовъ, переходящія по наследству на началѣ полной личной собственности отъ отца къ сыну, а вмѣстѣ съ слопцами переходитъ къ сыну и право исключительнаго пользованія тою частью лѣса, гдѣ они расположены. На первый взглядъ можетъ показаться, что тутъ мы встрѣчаемся съ принципомъ личнаго пользованія лѣсомъ, но это далеко не такъ, по крайней мѣрѣ, основа этого явленія совершенно иная, нежели въ принципѣ личной собственности на землю. Сургутянинъ, владѣющій слопцами, считается собственникомъ *только* слопцовъ, но отнюдь не лѣса, въ которомъ они поставлены, и на который постановка слопцовъ, какъ *известная затрата труда*, даетъ данному лицу лишь право пользованія до тѣхъ поръ, пока стоятъ и дѣйствуютъ слопцы. Разъ они почему-либо заброшены, или перенесены куда-нибудь, всякій желающій имѣетъ право на ихъ мѣсто поставить свои слопцы. Здѣсь мы видимъ тотъ самый принципъ трудового начала,

съ которымъ въ иной формѣ встрѣчаемся, на примѣръ, въ Тюкалинскомъ округѣ въ отношеніи пашни: затратившій трудъ на расчистку и обработку пашни тѣмъ самымъ пріобрѣтаетъ право на временное пользованіе ею, срокъ котораго зависитъ уже отъ другихъ условий—количества удобныхъ земель въ данномъ крестьянскомъ обществѣ и проч. Слопцы, помимо передачи по наследству, могутъ также быть проданы и сданы въ аренду—последнее, впрочемъ, имѣетъ мѣсто лишь въ городѣ.

Птицеловъ, прорубившій для „перевѣса“ просѣку (см. объ этомъ ниже), тоже имѣетъ право на исключительное пользованіе ею. Просѣки тоже переходятъ отъ отца къ сыну, также продаются и сдаются въ аренду; иногда встрѣчаются и ограниченія въ правѣ дѣлать просѣки и другія порубки вблизи чужихъ просѣкъ. Такъ, съ годъ назадъ горожане постановили не рубить новыхъ просѣкъ и вообще не производить никакихъ порубокъ въ такъ называемомъ береговомъ островѣ, потому что такія порубки и просѣки наносятъ вредъ тѣмъ, кто ранѣе устроилъ здѣсь просѣки. За каждое нарушеніе этого правила взимается опредѣленный штрафъ. Здѣсь мы уже видимъ проявленіе власти общины, направленное къ огражденію интересовъ своихъ членовъ.

Городъ, каждое село, деревня, юрта имѣетъ свои рыбныя ловли—рыболовные пески. У русской части населенія пользованіе песками опять-таки имѣетъ своимъ основаніемъ право перваго захвата, съ тою разницей, что тутъ представителями принципа захвата являются уже не отдѣльныя лица, а цѣлыя общества, деревня, на примѣръ. Пески, принадлежащія деревнѣ, находятся въ пользованіи всѣхъ ея членовъ. Мы не знаемъ случаевъ принадлежности рыбныхъ ловель на правѣ полной частной собственности кому-либо изъ мѣстныхъ жителей. Порядокъ пользованія рыбными песками у остяковъ общинно-родовой, какъ и въ отношеніи лѣса. Благодаря громаднмъ разстояніямъ, отдѣляющимъ одно поселеніе отъ другаго, обладаніе тѣми или иными песками не вызываетъ споровъ и ссоръ между жителями различныхъ деревень.

Многія остяцкія общества сдаютъ свои ловли въ аренду тобольскимъ купцамъ и нѣкоторымъ крестьянамъ-рыбопромышлен-

никамъ с. Самаровскаго и другихъ поселеній Сургутскаго округа, причеиъ сдаются самыя лучшiе рыболовные пески, славящiеся богатѣйшимъ уловомъ рыбы. Сдавая ихъ, остяки далеко не всегда руководствуются тѣмъ соображенiемъ, что у нихъ находятся лишнiя, ненужныя имъ самыя удобныя для лова мѣста—чаще всего въ этомъ играетъ главную роль крайняя нищета остяковъ, неимѣнiе собственныхъ рыболовныхъ снастей и другихъ необходимыхъ принадлежностей промысла, вообще невозможность собственными силами эксплуатировать находящiяся въ ихъ рукахъ богатства. Та-же безвыходная нищета заставляетъ остяковъ наниматься въ работники къ рыбопромышленникамъ и закабаляться имъ.

Съ давнихъ поръ въ жизни сургутскаго населенiя скотоводство занимаетъ довольно видное мѣсто. Отсюда естественно вытекаетъ, что населенiе также съ давнихъ поръ стало обращать серьезное вниманiе на луга и выгоны и для пользованiя ими выработало извѣстныя правила, признаваемыя всѣми.

Выгонами для рогатаго скота, а также и покосами чаще всего служатъ низменные, затопляемые иногда весеннимъ разливомъ, острова, во множествѣ образуемые Обью. Въ самомъ Сургутѣ, напримѣръ, подъ выгонъ отведенъ довольно большой островъ, расположенный въ $1\frac{1}{2}$ —2 верстахъ отъ города. Съ наступленiемъ лѣта сюда на лодкахъ перевозится весь крупный и мелкiй рогатый скотъ и остается здѣсь до поздней осени, когда пастба прекращается за холодомъ. Островъ считается общей собственностью всего городскаго населенiя. Каждый обыватель, коренной сургутянинъ или временный житель города все-равно, имѣетъ право, наравнѣ со всѣми, на извѣстное участiе въ пользованiи, т.-е. можетъ выгнать сюда весь свой скотъ, какъ-бы его много ни было, ничего никому не платя за это. Такъ, нѣкоторые временно-проживающiе въ Сургутѣ торговцы, не участвующiе въ несенiи податей и повинностей, лежащихъ на мѣщанахъ, пользуются выгономъ наравнѣ съ послѣдними. Пастуха, разумѣется, не держатъ, ибо на островѣ скотинѣ не можетъ угрожать никакая опасность ни со стороны звѣря, ни со стороны лихихъ людей. Два раза въ день каждая хозяйка ѣздитъ на островъ для подоя и такимъ образомъ имѣетъ

возможность присматривать за своимъ скотомъ.

Весною, когда, вслѣдствiе разлива или по инымъ причинамъ, на островъ еще нельзя переправить скотъ, мѣстомъ выгона служитъ сосѣднiй лѣсъ, и хотя тутъ коровъ и особенно телятъ часто рѣжетъ звѣрь, сургутяне не предпринимаютъ никакихъ мѣръ для охраненiя скота: не нанимать-же пастуха на недѣлю, на двѣ, говорятъ они.

Лошадей весной также сбиваютъ въ одинъ общiй табунъ и угоняютъ въ урманъ версты за 10—20 и болѣе, смотря потому, гдѣ въ данномъ году хорошо уродились травы. Въ табунъ также всѣ могутъ бесплатно гнать своихъ лошадей: лѣсъ и луга общiе, Божьи, слѣдовательно, каждый можетъ ими пользоваться, насколько того требуютъ его хозяйственныя нужды.

Пользованiе покосами захватное, какъ и во многихъ другихъ мѣстностяхъ Тобольской губернiи. Порядокъ захвата и такъ называемаго закашиванья мало чѣмъ отличается отъ господствующаго въ южныхъ округахъ—Ишимскомъ и Тюкалинскомъ и такъ недавно еще описаннаго гг. Капустинымъ и Петропавловскимъ въ ихъ статьяхъ „о сибирской земельной общинѣ“. Главное отличiе состоитъ въ томъ, что, вслѣдствiе гораздо большаго изобилiя свободныхъ луговъ, сравнительно съ потребностью въ нихъ населенiя, въ описываемомъ краѣ закашиванье не сопровождается такими печальными, подъ часъ кровавыми столкновенiями изъ-за обладанiя лучшимъ кускомъ покоса. Здѣсь покосовъ хватаетъ на всѣхъ, и еще цѣлая масса хорошихъ мѣстъ остается никѣмъ не тронутою. Въ этомъ, кстати сказать, кроется причина другого отличiя отъ южныхъ порядковъ: въ то время, какъ на югѣ пользоваться покосами обыкновенно дозволяется лишь членамъ общины, здѣсь это право предоставлено каждому, нуждающемуся въ сѣнѣ. Сѣнокосенiе длится здѣсь со второй половины iюля до глубокой осени—бываетъ, что работаютъ въ лугахъ еще въ то время, когда уже падаетъ осеннiй снѣгъ, предвѣстникъ близкой зимы.

Выше мы уже сказали, что въ самомъ Сургутѣ скотоводство занимаетъ довольно почтенное мѣсто въ ряду другихъ занятiй, дающихъ населенiю средства къ жизни. Болѣе всего держатъ

крупный рогатый скотъ: въ рѣдкомъ домѣ нѣтъ двухъ—трехъ коровъ, не считая телятъ; есть-же и богатые дворы, въ которыхъ имѣется десять и болѣе головъ. Домъ безъ коровы—очень рѣдкое исключеніе, въ своей основѣ всегда имѣющее какое-нибудь несчастіе въ семьѣ домовладѣльца, въ корень подорвавшее домашнее хозяйство. Почти столько-же держатъ лошадей, мелкаго-же скота значительно меньше: во многихъ домахъ совсѣмъ нѣтъ овецъ, свиней-же и того меньше—онѣ имѣются только у двухъ—трехъ богатѣевъ. У одного—двухъ хозяевъ найдутся домашніе олени, употребляемые для ѣзды.

Въ селахъ и деревняхъ скотоводство играетъ гораздо меньшую роль, нежели въ городѣ. Домашній скотъ имѣется только у русскихъ крестьянъ; остяки-же держатъ—болѣе богатые немного оленей для ѣзды, бѣднота—собакъ. Болѣе точныхъ данныхъ о размѣрахъ скотоводства мы, къ сожалѣнію, не можемъ привести, такъ какъ не рѣшаемся основываться на официальныхъ данныхъ, зная способъ ихъ собиранія. Коровы въ Сургутѣ обыкновенной мелкой породы, повсемѣстно встрѣчающейся въ Тобольской губ. и отличающейся развѣ только еще меньшей молочностью, что находится въ непосредственной связи съ плохимъ качествомъ травъ, которыя, не смотря на тщательное выжиганіе луговъ, жестки и мало питательны. Между прочимъ, сургутскій скотъ часто кормятъ соленой рыбой, что въ неурожайные на травы годы служитъ значительнымъ подспорьемъ. Вообще на скотѣ, какъ и на людяхъ, замѣтно вліяніе мѣстныхъ особенностей природы и климата.

Лошади служатъ исключительно для зимнихъ работъ—возки лѣса, сѣна, ѣзды на промыселъ, перевозки рыбы, мѣховъ и орѣха въ с. Самаровское, иногда-же и въ Тобольскъ и пр. Лѣтомъ-же лошади ни въ какую работу не употребляются, такъ какъ въ это время года ихъ вполне замѣняетъ лодка: на ней сургутининъ отправляется и на покосъ, и на промыселъ, а въ случаѣ надобности, на ней-же съѣздитъ и въ деревню, Тобольскъ или Березовъ. Лошади, какъ и прочій скотъ, простой породы, не отличающейся большой силой, но за то онѣ выносливы и вполне приспособились къ суровости мѣстнаго климата: во всякое время года, не смотря

на страшные зимніе морозы и жестокіе бураны, онѣ находятся подъ открытымъ небомъ, и никакихъ помѣщеній для защиты ихъ отъ холода и вѣтровъ не строятъ. Коровъ и мелкій скотъ зимою держатъ въ мшенихъ хлѣвахъ.

Въ то время, какъ большинство населенія страдаетъ, т.-е. заготавливаетъ на зиму сѣно для скота, часть мужчинъ, болѣе сильныхъ и ловкихъ, отправляется на промыселъ въ урманъ „орѣшить“—собрать кедровый орѣхъ.

Для болѣе успѣшнаго веденія этого промысла, какъ и для рыболовства, сургутяне собираются въ небольшія артели человекъ по три—четыре и больше. Слово „артель“, на сколько мы знаемъ, въ Сургутѣ неизвѣстно, члены-же такого временнаго промысловаго соединенія называются товарищами; вмѣсто „вступить въ артель“, говорятъ—„пойти въ товарищи“. Такія артельные или товарищескія соединенія составляются на одно лѣто, на время одного промысла, по окончаніи котораго артель сама собой распадается. На слѣдующій годъ товарищество промышленниковъ формируется вновь, при этомъ иногда составъ артели остается прежнимъ или лишь немного видоизмѣняется. При образованіи такихъ товариществъ принимаются во вниманіе главнымъ образомъ личныя симпатіи вступающихъ въ артель и сосѣдство, хотя не послѣднюю роль играютъ и соображенія относительно ловкости собирающагося на промыселъ, его смѣлости и товарищеской честности—чтобы вынесъ путешествіе, не бросилъ товарища въ опасности, и проч.

Самый промыселъ въ общихъ чертахъ производится слѣдующимъ образомъ. Промышленники-товарищи заранѣе запасаются одеждой, провизіей, табакомъ, чаемъ и прочими необходимыми принадлежностями промысла и приготавливаютъ узкіе, длинные холщевые мѣшки, а также пару—другую особаго устройства желѣзныхъ когтей, на подобіе тѣхъ, которые употребляются въ телеграфномъ вѣдомствѣ, только болѣе грубой, первобытной конструкціи. Во второй половинѣ іюля артель отправляется на промыселъ чаще всего на лодкахъ вверхъ или внизъ по Оби до какого-нибудь опредѣленнаго пункта, гдѣ лодку оставляютъ и дальше идутъ

уже пѣшкомъ. Жители города и поселеній, расположенныхъ по Оби, обыкновенно отправляются на югъ отъ рѣки, по направленію къ Тарскому и Томскому округамъ; идутъ всегда въ извѣстное уже мѣсто, заранѣе высмотрѣнное и облюбованное кѣмъ-либо изъ членовъ артели; нерѣдко такое мѣсто отстоитъ отъ города верстъ на сто—двѣсти и болѣе.

Достигнувъ цѣли своего путешествія, товарищи тотчасъ-же приступаютъ къ предварительнымъ работамъ. Прежде всего строятъ шалашъ для жилья на время промысла и землянку, если таковая не сохранилась отъ промысловъ прежнихъ лѣтъ, для храненія орѣха; тутъ-же устраиваются особые продольные станки, приспособленные къ раздробленію шишекъ и освобожденію орѣха, и деревянные рѣшета для просѣиванья орѣха. Въ этихъ работахъ принимаютъ участіе всѣ, руководство-же ими беретъ на себя, какъ и вообще во все время промысла, кто-нибудь изъ наиболѣе опытныхъ промышленниковъ, не разъ ходившій орѣшить, хорошо знакомый и съ условіями промысла, и съ тайгой. Формальныхъ выборовъ, разумѣется, не бываетъ, и дѣлается это какъ-то само-собой, въ силу общаго молчаливаго признанія за даннымъ лицомъ качествъ, требуемыхъ отъ руководителя промысломъ.

Когда все готово, принимаются за самое „шишкованіе“, т.-е. за сборъ кедровыхъ шишекъ. Когда артель невелика, состоитъ всего изъ трехъ-четырехъ человѣкъ, товарищи не разъединяются и промышляютъ всѣ вмѣстѣ; если-же число ихъ больше—человѣкъ 6—8, они разбиваются на группы по 3—4 въ каждой, и эти группы работаютъ болѣе или менѣе самостоятельно и независимо другъ-отъ-друга. Каждая группа состоитъ изъ одного сбивальщика и нѣсколькихъ подбиральщиковъ; на обязанности перваго лежитъ сбиваніе шишекъ, что производится ударомъ длиннаго песта по вѣтвямъ кедра, подбиральщики-же въ это время собираютъ въ мѣшки градомъ сыплющіяся на землю шишки и таскаютъ мѣшки съ орѣхомъ въ опредѣленное мѣсто, къ землянкѣ. Сбивальщиками бываютъ обыкновенно самые сильные, ловкіе и смѣлые промышленники, такъ какъ ихъ обязанность—влѣзаніе при помощи подвязываемыхъ къ ногамъ желѣзныхъ когтей на вер-

хушку кедра и сбиваніе шишекъ сопряжено съ большой опасностью и требуетъ много ловкости и отваги: паденіе сбивальщика съ кедра, сопровождаемое искалѣчиваніемъ на всю жизнь, а еще чаще смертью, довольно обычное явленіе. Работа остающихся на землѣ гораздо тяжелѣе, требуетъ большей силы и выносливости, но за то неопасна для здоровья промышленника. Обивши шишки съ одного кедра и собравши ихъ въ мѣшки, группа переходитъ къ другому дереву и т. д. въ теченіи цѣлаго дня, съ ранняго утра до ночи. Точно также поступаютъ и другія группы артели, если таковыя имѣются. Шишки, какъ мы сказали, сносятся въ одно мѣсто; когда онѣ достаточно провѣтрятся и подсохнутъ на солнцѣ, ихъ чистятъ на станкахъ, отдѣляютъ орѣхъ, который просѣиваютъ сквозь рѣшета и затѣмъ вновь сушатъ на солнцѣ. Эта работа чаще всего, если только позволяетъ погода, производится по праздникамъ, какъ болѣе мелкая и не утомляющая промышленниковъ. Подсохшій орѣхъ сыпается въ землянку, дверь которой плотно запирается и заваливается землей, лѣсомъ или камнями; эти предосторожности принимаются на случай посѣщенія землянки лакомымъ до орѣховъ медвѣдемъ. Иногда землянку замѣняетъ простая яма. Здѣсь орѣхъ остается до начала зимы, когда за нимъ пріѣзжаютъ на лошадяхъ. Если по силамъ артели въ данномъ мѣстѣ шишекъ мало, то, сыпавъ орѣхъ въ землянку и заваливъ ее лѣсомъ, артель идетъ дальше, подыскиваетъ подходящее мѣсто и вновь принимается за ту-же работу.

Орѣховый промыселъ, считая и время, необходимое на путь въ урманъ и обратно, продолжается около двухъ мѣсяцевъ: въ половинѣ іюля отправляются орѣшить, а возвращаются около двадцатыхъ чиселъ сентября. Впрочемъ, въ плохой годъ періодъ промысла бываетъ короче, въ особенно-же урожайный, съ ясной осенью, нѣсколько долше.

По первому снѣгу промышленники уже на лошадяхъ пускаются вновь въ тайгу, вывозятъ орѣхъ домой и тутъ дѣлятъ его между всѣми „товарищами“ по-ровну, стараясь сохранить возможную справедливость.

Орѣшеньемъ занимается преимущественно молодежь, притомъ

исключительно мужская, такъ какъ русскія женщины орѣшить не ходятъ—крайне рѣдкия исключенія въ этомъ смыслѣ можно встрѣтить въ деревняхъ, гдѣ этотъ промыселъ вообще развитъ больше, чѣмъ въ городѣ. Остяки орѣшаютъ исключительно въ одиночку или посемейно, въ артели, какъ и для всѣхъ другихъ промысловъ, не соединяются, и всякій работаетъ за свой собственный счетъ и страхъ. Остячки промышленяютъ наравнѣ съ мужчинами, раздѣляя съ ними всѣ труды и опасности промысла. Здѣсь умѣстно будетъ отмѣтить слѣдующую не безынтересную черту взаимныхъ отношеній между остяками. Каждый изъ нихъ, не имѣющій собственной промысловой снасти—лодки, сѣти, слопцовъ и пр., можетъ пользоваться снастью, принадлежащею всякому другому остяку, для чего долженъ заявить только о своемъ желаніи ея хозяину, и тотъ не имѣетъ права отказать ему, если только самъ въ это время не нуждается въ ней. Если-же остякъ воспользуется снастью безъ спроса ея владѣльца, то половина добычи поступаетъ послѣднему. Такой обычай остяковъ, исходя изъ принципа взаимопомощи, до извѣстной степени замѣняетъ собой отсутствующее у нихъ артельное начало.

Орѣшенье—одно изъ самыхъ выгодныхъ занятій въ краѣ: въ хорошій годъ сильная и ловкая артель успѣваетъ заработать рублей до 80 на „товарища“; бываютъ и такіе годы, когда одинъ промыселъ даетъ за 100 р. на человѣка; въ плохіе—заработокъ, естественно, гораздо меньше—рублей по 30, иногда-же случается и такъ, что промышленники возвращаются почти вовсе съ пустыми руками. По словамъ мѣстныхъ жителей, въ четыре года—два выдаются среднихъ по урожайности, одинъ много выше средняго и одинъ, наконецъ, съ плохимъ урожаемъ. Мы думаемъ, впрочемъ, что это утвержденіе основано на недостаточно точныхъ наблюденіяхъ, по крайней мѣрѣ, дѣйствительность далеко не всегда соотвѣтствуетъ ему: иногда два—три года сряду урожай самый плохой, а иногда выдадутся нѣсколько такихъ, что жители не знаютъ куда дѣваться съ орѣхомъ.

Необходимо, однако, оговориться: не всякая артель промышленниковъ вполнѣ пользуется результатомъ промысла,—нерѣдки слу-

чай, когда она бываетъ вынуждена уступать часть своихъ заработковъ постороннему лицу, скупщику-кулаку. Происходитъ это въ томъ случаѣ, если товарищество почему-либо не въ силахъ предпринять промыселъ исключительно на свои средства и вслѣдствіе этого должно обращаться за кредитомъ на сторону, къ торговцу-скупщику, у котораго беретъ необходимый товаръ—сѣстные припасы, табакъ и проч., иногда и деньги, обязуясь уплатить за это изъ доходовъ будущаго промысла. Кромѣ того, вмѣсто процентовъ, артель обязуется весь орѣхъ сдать своему кредитору по опредѣленной цѣнѣ. При такихъ сдѣлкахъ промышленники терпятъ громадные убытки, ибо львиная доля дохода приходится кредитору. Впрочемъ, иногда терпятъ убытки и скупщики, назначивъ цѣну на орѣхъ выше той, какая устанавливается впослѣдствіи, но такія ошибки съ ихъ стороны большая рѣдкость. Мѣстные жители стараются избѣгать сдѣлокъ съ кредиторами, предпочитая обходиться своими средствами, и къ скупщикамъ большею частью обращается пришлый народъ. Намъ извѣстенъ, между прочимъ, случай, когда артель тобольскихъ крестьянъ-плотниковъ, пришедшая въ Сургутъ на заработки и воспользовавшаяся для промысла любезнымъ предложеніемъ кредита со стороны одного мѣстнаго торговца, продала ему орѣхъ по цѣнѣ вдвое ниже той, по которой онъ продавался промышленниками, свободными отъ обязательства поставлять его извѣстному лицу. Излишне, думаемъ, говорить о цѣнахъ на товары, выдаваемые промышленникамъ въ кредитъ, объ ихъ качествахъ и т. п. Этихъ убытковъ сами промышленники не считаютъ.

Нѣкоторые купцы и богатые крестьяне Тобольскаго округа, также и мѣстные торговцы извлекаютъ пользу изъ орѣховаго промысла и другимъ путемъ: арендуютъ, какъ упомянуто выше, кедровые острова у остяковъ, иногда прямо захватываютъ ихъ, не взирая на протесты мѣстныхъ жителей, и наемными рабочими ведутъ промыселъ отъ себя. Рабочими въ такихъ случаяхъ являются тѣ-же остяки, такъ какъ горожане и русскіе крестьяне, какъ народъ болѣе зажиточный, въ наемку не идутъ. Промышляющіе на хозяина за свой трудъ получаютъ, разумѣется, еще менѣе,

чѣмъ тѣ, которые входятъ въ предварительныя сдѣлки съ скупщиками. Чтобы возможно дешевле нанять рабочихъ, купцы употребляютъ въ отношеніи остяковъ самые разнообразныя болѣе или менѣе неблаговидныя приемы, затягивающіе послѣднихъ въ безвыходную кабалу—водка и система долговыхъ обязательствъ въ этомъ играютъ первенствующую роль, но къ этому намъ придется еще не разъ возвращаться.

Скупщики вывозятъ изъ Сургута орѣхъ въ другіе округа Тобольской губерніи и на Ирбитскую ярмарку.

Въ жизни сельскаго населенія округа и особенно остяковъ серьезное значеніе имѣетъ и другой тѣсно связанный съ урманомъ промыселъ—охота на пушнаго звѣря. Съ осени почти до самой весны непрерывно продолжается этотъ промыселъ; лѣтомъ-же и весной звѣря не бьютъ, какъ потому, что тогда шкуры не такъ прочны и пушисты, а потому ниже цѣнятся, такъ и вслѣдствіе того, что съ наступленіемъ тепла и разлива рѣкъ сургутянина занимаютъ другіе, не менѣе важныя промыслы—ловля рыбы и птицы. Предметомъ охоты служатъ едва-ли не всѣ четвероногіе обитатели тайги, начиная съ ея царя медвѣдя и кончая крохотнымъ бурундукомъ: ловятъ и бьютъ все, что только подвернется подъ ружье или ловушку промышленника, преимущественно-же охотятся на бѣлку, лисицу, выдру, горностаю и нѣкоторыхъ другихъ звѣрковъ, прельщающихъ охотника цѣнностью своей шкурки. Ни русскіе крестьяне, ни тѣмъ болѣе остяки никогда не соединяются для охоты въ артели, всякій промышленникъ для себя, на свой личный страхъ; если иногда нѣсколько охотниковъ и сходятся вмѣстѣ, то исключительно ради большей безопасности отъ звѣря, и такія соединенія ни къ чему, кромѣ взаимной помощи въ случаѣ опасности, не обязываютъ. Охота на звѣря производится при помощи ружья и разнообразнѣйшихъ ловушекъ, петель, ямъ, болѣе или менѣе хитро устроенныхъ и приноровленныхъ къ характеру и привычкамъ звѣря, вполне изученнаго сургутяниномъ-охотникомъ. Остяки, кромѣ того, часто охотятся со стрѣлами. Горожане звѣроловствомъ, какъ промысломъ, не занимаются, предпочитая скупать за безцѣнокъ шкурки у остяковъ для перепродажи.

На ряду съ другими промыслами, развитыми въ Сургутскомъ краѣ, необходимо отмѣтить ловлю птицы, производящуюся преимущественно весной. Птицеловство, главнымъ образомъ, ловля утокъ, производится здѣсь въ такихъ широкихъ размѣрахъ, что носитъ характеръ настоящаго промысла и служитъ одной изъ значительныхъ статей дохода населенія. Весной, съ начала перелета птицы, всѣ, кто въ деревняхъ, отчасти и въ городѣ, не занятъ какой-нибудь другой выгодной и неотложной работой (и это время свободно отъ срочныхъ работъ для всѣхъ, не промышленящихъ рыболовствомъ, т.-е. для всей женской и нѣкоторой части мужской половины населенія), тянутся въ тайгу за утками; тутъ вы встрѣтите и стариковъ, и ребятишекъ. Въ продолженіе всего весенняго перелета, т.-е. недѣли три длится ловля утокъ при помощи такъ называемыхъ перевѣсовъ. Перевѣсъ—это нитяная сѣть, похожая на употребляемую вездѣ въ Тобольской губерніи для ловли рыбы и растягиваемая на вбитыхъ въ землю жердяхъ или на деревьяхъ, гдѣ представляются къ тому удобства. Для установки перевѣса пользуются подходящей прогалиной въ лѣсу, или-же пробиваютъ просѣку такимъ образомъ, чтобы концы ея упирались въ озерки, болотца, вообще въ такія мѣста, гдѣ утки могутъ спускаться на воду, что при тамошнемъ обилии озеръ и болотъ не представляетъ никакого затрудненія. Слѣдуетъ замѣтить, что въ настоящее время рѣдко приходится прокладывать новыя просѣки, такъ какъ каждый домохозяинъ имѣетъ свое собственное мѣсто, перешедшее ему отъ родителей, гдѣ ежегодно ловить утокъ; если-же кто вздумаетъ ставить перевѣсъ въ другомъ мѣстѣ, то къ его услугамъ сотни прогалинъ и просѣкъ, сдѣланныхъ когда-то и вполне могущихъ удовлетворить самаго взыскательнаго промышленника. На такой прогалинѣ вбиваютъ жерди, на которыя поперегъ прогалины развѣшивается перевѣсъ такимъ образомъ, чтобы посредствомъ особо приспособленной системы веревочекъ и палочекъ его, по желанію, можно было быстро опускать на землю. Случается, что на одной и той-же просѣкѣ, если она достаточно длинна, ставятъ два и три перевѣса. На нѣкоторомъ разстояніи отъ перевѣса и нѣсколько въ сторону отъ него устраивается особое прикрытіе,

родъ шалаша изъ вѣтокъ, въ которомъ помѣщается ловець. Ловля производится преимущественно утромъ и вечеромъ, на зарѣ, когда утки косяками, въ нѣсколько десятковъ каждый, начинаютъ перелетать просѣкой съ одного озера или болотца на другое. Въ ту минуту, когда косякъ подлетаетъ къ растянутому перевѣсу, его быстро опускаютъ на землю, и онъ своимъ паденіемъ увлекаетъ нѣсколько утокъ, которыя и запутываются въ его петляхъ. Ловець освобождаетъ ихъ, тутъ-же давитъ и откладываетъ въ сторону, съѣтъ-же опять поднимается. Въ хорошей перелетъ утокъ бываетъ такъ много, что промышленникъ не успѣваетъ во время поднимать и опускать перевѣсъ, почему принужденъ нѣкоторые косяки пропускать мимо. Утки перелетаютъ только въ тихую, не дождливую погоду, и чѣмъ лучше утро, тѣмъ сильнѣе перелетъ; продолжительность его небольшая—часъ—два на каждой зарѣ. Въ хорошей годъ добывается двѣ—три сотни утокъ, въ плохой—штуку 80 и меньше.

Кромѣ ловли утокъ, нѣкоторые сургутяне охотятся съ ружьемъ за дикими гусями и лебедями. Этого рода охотой занимаются больше деревенскіе жители.

Сюда-же примыкаетъ и варварскій обычай собирать весной гусинныя и утинныя яйца, такъ какъ этотъ сборъ яицъ по своимъ размѣрамъ для многихъ жителей также имѣетъ значеніе промысла. Объ этихъ размѣрахъ и о вредѣ, наносимомъ такимъ сборомъ, можно судить по тому, напримѣръ, факту, что одинъ знакомый намъ остякъ, отправившись на лодкѣ по яйцамъ, дня черезъ четыре привезъ буквально полную лодку утиныхъ, гусиныхъ и лебединыхъ яицъ. Этимъ занимаются преимущественно жители округа, а изъ нихъ остяки.

Перо и пухъ съ утокъ и гусей сбывается мѣстнымъ и пріѣзжимъ скупщикамъ, мясо-же солится и сохраняется на зиму для собственнаго потребленія. Съ лебедей снимаютъ шкурки, также идущія въ продажу въ невыдѣланномъ видѣ.

Зимой сургутяне бьютъ и ловятъ въ петли и другія ловушки лѣсную птицу—тетеревовъ, куропатовъ, рябчиковъ; эту птицу замораживаютъ, и въ такомъ видѣ она поступаетъ въ продажу.

Охотятся за лѣсной и водяной птицей или посемейно, или въ одиночку, и артельный принципъ въ отношеніи этого промысла не примѣняется ни русскимъ крестьянствомъ, ни тѣмъ болѣе остяками.

Для обитателей описываемаго края, русскихъ или остяковъ—все-равно, рыба имѣетъ первенствующее значеніе: она главная пища всякаго сургутянина, для окружнаго-же населенія, сверхъ того, и одинъ изъ главнѣйшихъ предметовъ сбыта на сторону, почему, естественно, и рыболовству въ ряду другихъ занятій и промысловъ принадлежитъ первенствующее мѣсто. Обиліемъ рыбы, а для остяковъ еще количествомъ бѣлки, опредѣляется степень обеспеченности населенія на данный годъ.

Сургутяне ловятъ рыбу круглый годъ, но главный, такъ сказать, рыболовный сезонъ—это лѣто и осень, а затѣмъ первая половина зимы. Въ Оби и ея крупныхъ притокахъ рыбу ловятъ громаднѣйшими неводами, въ небольшихъ-же рѣчкахъ и озерахъ сѣтями, протягиваемыми поперекъ рѣчки или озера и такимъ образомъ преграждающими рыбѣ проходъ, и ловушками на подобіе „морды“, столь распространенныхъ по Тобольской губерніи; также загораживаютъ рѣки кольями и т. д. Ловля всѣми этими „мордами“, сѣтями и прочими орудіями, употребляемыми въ малыхъ рѣчкахъ, особаго значенія не имѣетъ, такъ-какъ крупная, идущая въ продажу и потому высоко цѣнимая рыба въ этихъ рѣчкахъ не водится, и попадаетъ больше или дешевая рыба, или мелкота—щуки, окуни, язи, караси и т. п. Рыбная ловля этого рода всегда производится отдѣльными домохозяевами или семьями, по крайней мѣрѣ, намъ неизвѣстно ни одного случая артельнаго лова мелкой рыбы въ рѣчкахъ и озерахъ. Снасти, употребляемыя при немъ, какъ-то сѣти, морды, обласки¹⁾ и пр., почти всегда изготовляются мѣстными жителями (крестьянами округа) и стоятъ сравнительно дешево, и рѣдкій домохозяинъ не имѣетъ собственной снасти.

Иначе поставлено рыболовство на Оби и другихъ большихъ рѣкахъ округа. Здѣсь добывается крупная дорогая рыба: осетръ,

¹⁾ Обласъ—небольшая на одного—двухъ человекъ плоскодонная лодченка, напоминающая нѣсколько своей конструкціей общеизвѣстную душегубку.

шокуръ, нельма, стерлядь, муксунъ и проч. Принадлежности для ловли этой рыбы—все крупныхъ размѣровъ и стоятъ значительныхъ денегъ; тутъ употребляются такъ называемые неводники, большія лодки человѣкъ на 15—20 и болѣе, громаднѣйшіе по 200—300 саж. невода¹⁾, желѣзные багры, толстые канаты и веревки, а все это стоитъ очень и очень недешево: на примѣръ, цѣна неводу достигаетъ иногда нѣсколькихъ сотъ рублей, и неводъ въ 60—80 рублей считается уже плохенькимъ; неводникъ стоитъ рублей 25—30 и дороже и т. д. Понятно, при такихъ условіяхъ лишь рѣдкій хозяинъ имѣетъ возможность завести себѣ всѣ необходимыя принадлежности крупнаго лова—затратить нѣсколько сотъ рублей на одинъ инвентарь можетъ человѣкъ только богатый. Вотъ почему въ описываемомъ краѣ довольно рѣдко можно встрѣтить домохозяина, обладающаго всѣми снастями, требуемыми для лова крупной рыбы въ глубокихъ и многоводныхъ рѣкахъ; чаще бываетъ, что одинъ обзаводится неводомъ, другой лодками, третій еще чѣмъ-нибудь и т. д.

Этими условіями рыболовства въ большихъ рѣкахъ, т.-е. дороговизною необходимаго для него инвентаря, пріобрѣтеніе котораго не подѣ силу отдѣльному заурядному домохозяину съ одной стороны, а съ другой, тѣмъ, что неводной промыселъ возможенъ не иначе, какъ при соединенныхъ усиліяхъ нѣсколькихъ человѣкъ, слѣдуетъ объяснять то обстоятельство, что такой промыселъ у русскихъ сургутянъ, когда они промышляютъ на себя, а не на хозяина, всегда ведется артелями. Что происхожденіе артели въ данномъ случаѣ было именно таково, т.-е. что возникновеніемъ своимъ она обязана исключительно невозможности вести этотъ промыселъ единичными силами отдѣльныхъ рыбаковъ, въ этомъ насъ убѣждаетъ, помимо теоретическихъ соображеній, тотъ характерный фактъ, что изъ всѣхъ разнородныхъ промысловъ, встрѣчаемыхъ въ Сургутскомъ краѣ, только въ тѣхъ, которые немислимо вести индивидуальными силами, находятъ свое приложеніе артель-

¹⁾ Зимой употребляются невода значительно меньшихъ размѣровъ, такъ какъ неводъ въ 200—300 саж. нельзя было-бы даже развернуть въ прорубяхъ, устраиваемыхъ для ловли рыбы зимою.

ный принципъ, именно—въ крупномъ рыболовствѣ и орѣшеннѣ; всѣ-же остальные промыслы ведутся или въ одиночку, или посемейно,—ни въ одномъ изъ нихъ не встрѣчается артель. Такимъ образомъ, существованіе артели въ промысловыхъ занятіяхъ сургутянъ мы объясняемъ не склонностью мѣстнаго населенія къ якобы излюбленной формѣ труда, составляющей характерную черту русскаго племени, а просто физической невозможностью вести промыслы на иномъ началѣ, помимо артельного, такъ какъ вездѣ, гдѣ только условія позволяютъ обойтись безъ артели, мы не находимъ ни малѣйшей черты, указывающей на склонность мѣстнаго населенія къ принципу коопераціи.

Изъ того факта, что при крупномъ ловѣ наблюдается одна лишь артельная форма промысла, не слѣдуетъ заключать, что на всемъ пространствѣ громаднѣйшаго округа промысловые порядки совершенно одинаковы, что въ нихъ не встрѣчается отклоненій въ ту или иную сторону отъ порядковъ, существующихъ, на примѣръ, въ самомъ Сургутѣ. Такое различіе существуетъ, хотя и неособенно большое, но тѣмъ не менѣе довольно характерное и находящееся въ тѣсной зависимости отъ того значенія, какое имѣетъ рыболовство для жителей данной мѣстности. Наибольшая разница видна между городскими и деревенскими артелями рыбаковъ и касается численности и степени устойчивости артелей, а также степени участія членовъ артели въ промысловыхъ орудіяхъ, а отсюда и въ добычѣ промысла.

Вслѣдствіе нѣкоторыхъ особенностей въ экономическихъ условіяхъ жизни горожанъ, о чемъ намъ придется подробно говорить въ IV главѣ настоящаго очерка, для нихъ рыболовство не имѣетъ такого значенія, какъ для крестьянъ округа: въ то время, какъ для перваго оно является лишь однимъ изъ факторовъ экономического благосостоянія, не выдѣляющимся изъ ряда другихъ, для послѣднихъ совершенно обратно, рыболовство составляетъ основу всего благосостоянія, и всякій другой промыселъ носить уже характеръ второстепеннаго подспорья въ хозяйствѣ крестьянина; горожанинъ ловитъ рыбу почти исключительно для собственнаго потребленія, въ противоположность крестьянину, который зани-

мается рыболовством преимущественно для продажи и уже попутно для собственного потребления.

Такое различие в степени важности рыболовства для тех и других влечет за собой ряд последствий, непосредственно отражающихся на артелях. Горожане, меньше нуждаясь в рыбе, промышленяют непостоянно в течение каждого рыболовного сезона, а временами, наездом на пески на несколько дней, от постоянных работ их отрывают другие занятия; отсюда более временный характер городской артели, меньшая устойчивость ее сравнительно с артелью деревенских рыбаков. Не то в деревне: здесь с начала мая до конца сентября или второй половины октября работа рыбаков тянется непрерывно, изо дня в день; отдыхают только праздниками, да и это отдых только по названію, ибо именно в праздники, какъ „свободное отъ работъ“ время, посвящается починкѣ сѣтей, неводовъ и тому подобнымъ занятіямъ. Другими промыслами во время рыболовного сезона занимается лишь тотъ изъ крестьянъ, въ семьѣ котораго есть, помимо него, одинъ—два рыбака, и чей трудъ поэтому является уже лишнимъ въ рыболовствѣ. Такимъ образомъ деревенскіе артельщики в течение нескольких мѣсяцевъ находятся в непрерывномъ общеніи другъ съ другомъ; продолжительная работа сообща, бокъ о бокъ сильнѣе сплачиваетъ рыбаковъ, вырабатываетъ в нихъ дѣйствительно артельный духъ, могучій и крѣпкій. Поэтому деревенская артель отличается большей устойчивостью; измѣненія в ее составѣ во время промысла происходятъ очень рѣдко, да и тѣ носятъ характеръ частнаго случая—Петръ выйдетъ, Иванъ займетъ его мѣсто. Болѣе крупныя видоизмѣненія в составѣ имѣютъ мѣсто лишь в свободное время между окончаніемъ одного сезона и наступленіемъ другаго—въ концѣ и началѣ зимы.

Другимъ различіемъ, проистекающимъ изъ разницы в отношеніи къ рыболовству, надо признать численный составъ артелей: в городѣ онѣ меньше, в деревнѣ многочисленнѣе; в первомъ средняя артель состоитъ изъ 8—12 человекъ, для деревни же таковою будетъ артель человекъ въ 20—30. Промышляя, горожанинъ довольствуется болѣе мелкой и дешевой рыбой—лзями, стер-

лядью, сыркомъ, щукой, а эта рыба не требуетъ такихъ громадныхъ неводовъ, какъ, напр., осетръ. Меньше снасть, меньше нужно для лова и людей—отсюда меньшая численность городской артели. Крестьянинъ ищетъ крупную, дорогую рыбу, которая требуется рынкомъ, поэтому невода его должны быть гораздо больше городскихъ, управленіе ими требуетъ большихъ силъ, иначе говоря—деревенская артель должна быть по необходимости многочисленнѣе.

Разница в объемѣ городскихъ и деревенскихъ снастей довольно значительна: городской неводъ имѣетъ в длину 100—150 саж., деревенскій—же 300—350; соответственно этому тѣ и другіе невода имѣютъ и различную ширину. Большой по длинѣ неводъ требуетъ большихъ лодокъ для его закидыванья, больше веревокъ и т. д. Понятно, что инвентарь горожанъ-рыбаковъ долженъ быть в несколько разъ дешевле крестьянскаго, а это также неостается безъ вліянія на артель. В городскихъ артеляхъ чаще всего неводъ принадлежитъ кому-нибудь одному изъ товарищей, лодки другимъ и т. д.; сообразно съ этимъ раздѣляется и добыча: хозяинъ невода получаетъ изъ улова, кромѣ своего пая, какъ члена артели, еще несколько паевъ, по условію, за неводъ, тоже самое и в отношеніи лодокъ. Во время зимняго лова каждый рыбакъ является на своей лошади, и такимъ образомъ в зимней артели исключительное положеніе занимаетъ лишь одинъ владѣлецъ невода. Намъ неизвѣстно ни одного факта относительно рыбаковъ-горожанъ, чтобы неводъ и другія орудія промысла распредѣлялись иначе между членами артели, чтобы они были собственностью послѣдней, а не отдѣльныхъ лицъ, входящихъ в составъ ее. Однородныя съ только-что описанными товариществами встрѣчаются и в округѣ у крестьянъ-рыболововъ, но здѣсь на ряду съ ними имѣетъ мѣсто и несколько иная организація, а именно: такъ какъ неводъ и другія снасти, употребляемыя деревенскими рыбаками, стоятъ дорого, и приобрѣтеніе ихъ не подѣ силу отдѣльнымъ лицамъ, то каждый рыбакъ обязывается при своемъ вступленіи в артель внести извѣстную часть невода; такимъ образомъ неводъ составляетъ собственность всѣхъ или, по крайней мѣрѣ, нескольких членовъ артели. Какъ намъ передавалъ нѣкій Вершининъ,

сургутскій житель, хорошо знакомый съ мѣстными условіями жизни, вверхъ по Оби встрѣчаются такія деревни, все мужское население которыхъ составляетъ одну рыболовную артель, и неводъ въ такой деревнѣ является уже общимъ достояніемъ. Въ подобныхъ артеляхъ добыча дѣлится на пай, по-ровну распределяемые между всѣми участниками даннаго лова, кромѣ „кормщика“, закидывающаго неводъ и заправляющаго неводьбой, „коловщика“, остающагося на берегу и удерживающаго одно крыло невода—эти получаютъ больше, сообразно условію.

Все сказанное, повторяемъ, относится только къ русскому населенію, да и то не ко всему, а къ той лишь части его, которая занимается рыболовствомъ, какъ промысломъ, для которой оно, влѣдствіе потребности въ рыбѣ, или какъ предметъ потребленія, или какъ предметъ торговли, имѣетъ первенствующее значеніе въ качествѣ одного изъ источниковъ существованія.

Позволимъ себѣ сдѣлать здѣсь небольшое замѣчаніе о сургутскихъ промысловыхъ артеляхъ и формахъ пользованія различными угодьями. Подводя итогъ сказанному объ этомъ предметѣ, мы видимъ слѣдующее: у русской части населенія лѣсъ, луга и рыболовные пески находятся въ общемъ, мірскомъ пользованіи, при этомъ въ отношеніи рыболовныхъ песковъ и лѣса, исключая кедровниковъ, существуетъ полная неограниченная свобода эксплуатаціи; пользованіе-же кедровниками, сѣнокосными лугами и мѣстами, гдѣ разставлены слопцы и перевѣсы, подлежитъ извѣстной регламентаціи (порубка кедра только на подѣлки, система закашиванья и т. п.) Такимъ образомъ, здѣсь мы видимъ, какъ-бы двѣ ступени развитія одной и той-же земельной общины. Мы думаемъ, что эта община не мѣстнаго происхожденія, а занесена сюда русскими выходцами—казаками и ссыльными, и подъ вліяніемъ мѣстныхъ условій—обилія земель, отсутствія хлѣбонашества и пр.—видоизмѣнилась и утратила свой первоначальный характеръ. Убѣждаетъ насъ въ справедливости такого мнѣнія, во 1-хъ, тотъ фактъ, что главныя черты сургутской русской общины чрезвычайно сходны съ чертами общины, напримѣръ, въ нѣкоторыхъ частяхъ Тюкалинскаго округа, гдѣ еще до сихъ поръ нѣтъ стѣсне-

ній въ землѣ, а во-вторыхъ, рѣзкое отличіе ея отъ сосѣдней, существующей рядомъ съ ней общины остяцкой, о которой мы говорили выше, и въ которой мы видимъ раздѣлъ общинно-родовыхъ лѣсовъ и рыболовныхъ песковъ между отдѣльными семьями, передѣлы этихъ угодій по мѣрѣ увеличенія числа семей, наконецъ, строгую регламентацію въ пользованіи надѣлами. Почти тоже, что сказано нами о русской общинѣ въ этомъ краѣ, приходится сказать и о сургутской артели: промысловая артель несомнѣнно также занесена русскими промышленниками, ибо у мѣстныхъ инородцевъ она вовсе не наблюдается, хотя и могла-бы прилагаться тамъ, гдѣ остяки промышляютъ на себя; такъ, напримѣръ, въ сѣверной части Тобольскаго и южной Березовскаго округа, гдѣ остяки болѣе подвержены русскому вліянію, гдѣ имъ чаще приходится сталеваться съ зырянами, у которыхъ артельная форма труда довольно развита, остяки, по нѣкоторымъ отзывамъ, усвоили себѣ артель.

Однако, возвратимся къ прерванной рѣчи о рыболовствѣ.

Рыба, добываемая русскими крестьянами, отчасти-же остяками и горожанами, продается мѣстнымъ скупщикамъ, которые отправляютъ ее въ Ишимъ и Ирбитъ на ярмарки.

Доходность рыболовства настолько велика, что достаточно затратить на него 30—40 дней труда, чтобы запасти рыбу на цѣлый годъ. Крестьянамъ этотъ промыселъ даетъ возможность справлять всѣ лежащія на нихъ повинности и жить зажиточно. Впрочемъ, по словамъ жителей, обиліе рыбы и сравнительная легкость ея добыванія съ каждымъ годомъ уменьшается и заставляетъ уже задумываться о будущемъ. Уменьшеніе размѣровъ лова объясняютъ развитіемъ на Оби пароходства—частый шумъ пароходовъ пугаетъ рыбу, и она уходитъ въ притоки Оби метать икру. Мы лично затрудняемся сказать, насколько въ этихъ заявленіяхъ и опасеніяхъ правды и насколько вымысла и преждевременныхъ страховъ, не имѣющихъ серьезнаго основанія.

Если русское деревенское населеніе ловить крупную рыбу главнымъ образомъ для продажи на сторону, то нельзя того-же сказать объ остякахъ, составляющихъ большинство населенія ок-

руга. Остякъ, не нанимающійся на частныя ловли, рѣдко промышленяетъ не на себя. Главная причина этого, по нашему мнѣнію, поразительная бѣдность сургутскихъ инородцевъ; остяку не на что обзавестись снастью для крупнаго лова, самостоятельныхъ-же артелей они не составляютъ; поэтому имъ волей-неволей приходится довольствоваться мелкой и дешевой рыбой, ловля которой не требуетъ дорогихъ орудій, да сдачей своихъ рыболовныхъ песковъ въ аренду купцамъ-рыбопромышленникамъ. Такимъ образомъ, самостоятельный промыселъ доставляетъ остякамъ только пищу. Если случайно попадетъ имъ крупная рыба, они продаютъ ее тѣмъ-же рыбопромышленникамъ, развѣзжающимъ по округу, причемъ, конечно, получаютъ за нее ничтожную цѣну.

Намъ остается сказать только о частныхъ ловляхъ Тобольскихъ и Самаровскихъ рыбопромышленниковъ и объ ихъ значеніи для мѣстнаго населенія, главнымъ образомъ, для остяковъ.

Съ давнихъ поръ всѣ лучшіе, самые удобные и богатые пески перешли изъ рукъ остяковъ, ихъ настоящихъ владѣльцевъ, къ нѣсколькимъ богачамъ-рыбопромышленникамъ. Какъ это случилось, мы рассказывать не будемъ, какъ потому, что объ этомъ много уже разъ писалось, такъ и потому, что цѣль настоящей работы далека отъ всякихъ обличеній. Замѣтимъ только, что при этомъ систематически обходился законъ объ арендахъ рыболовныхъ песковъ, запрещающій заключать условія на срокъ свыше четырехлѣтняго, а потомъ сослужили свою службу, какъ служатъ ее и теперь, водка, система долговыхъ обязательствъ, закабаляющая совершенно инородца и ставящая его въ положеніе хуже крѣпостнаго, и, наконецъ, система подкупа. Какъ-бы тамъ ни было, въ данное время всѣ лучшіе пески фактически принадлежатъ нѣсколькимъ русскимъ рыбопромышленникамъ, принадлежатъ до такой степени, что иногда передаются по наслѣдству отъ отца къ сыну наравнѣ съ прочимъ имуществомъ.

Всѣ рыболовныя принадлежности, невода, сѣти, лодки, багры и т. п., а также временныя жилища рыбаковъ во время промысла—все это собственность хозяина-рыбопромышленника. Завѣдываніе снастями поручается довѣреннымъ хозяина, прикащикамъ,

которые набираются изъ самаровскихъ крестьянъ, Тобольскихъ мѣщанъ, ссыльныхъ, хорошо знакомыхъ съ условіями промысла, и тому подобнаго люда, умѣющаго заправлять работой въ интересахъ и сообразно расчетамъ хозяина. Главный контингентъ рабочихъ на эти промыслы поставляютъ, какъ это ни странно на первый взглядъ, тѣ самые остяки, которые сдаютъ свои пески въ аренду. Второе мѣсто занимаютъ ссыльные изъ разныхъ округовъ губерніи.

Наемка рабочихъ происходитъ въ концѣ зимы—въ февралѣ и мартѣ, когда прикащики развѣзжаютъ по остяцкимъ юртамъ и русскимъ деревнямъ Сургутскаго и Тобольскаго округа и даютъ задатки; чаще всего на промыслы являются рабочіе, работавшіе уже прошедшій годъ, но задолжавшіе хозяину, которымъ теперь прикащики только напоминаютъ объ ихъ обязательствахъ передъ хозяиномъ.

Промыселъ начинается съ первыхъ чиселъ мая, сейчасъ-же за проходомъ льда и непрерывно длится до заморозковъ, пока не пойдетъ по рѣкѣ такъ называемая шуга. Въ теченіи 5—5½ мѣсяцевъ работа тянется безостановочно, днемъ и ночью. Рабочимъ не полагается ни праздниковъ, ни другихъ дней отдыха. Гдѣ рабочихъ много, и они раздѣлены на двѣ партіи, тамъ каждая партія по очереди сутки неводитъ, сутки починаетъ сѣти, рубить дрова и исполняетъ другія необходимыя работы. Тотъ день, когда партія занята починкой сѣтей, считается днемъ отдыха для рыбаковъ. Если рабочихъ одна смѣна, тогда она сутки неводитъ, сутки чинитъ сѣти. Пища рабочимъ выдается хозяйская и состоитъ изъ хлѣба (безъ вѣсу), рыбы и кирпичнаго чаю; изрѣдка къ этому прибавляютъ еще солонину. Рыба, употребляемая рабочими, ими-же самими и добывается: въ каждый неводъ попадаетъ масса мелкой, негодной въ продажу рыбы, которая частью выбрасывается обратно въ воду, частью-же оставляется для рыбаковъ; впрочемъ, остякъ не взыскателенъ и не брезгуетъ мелкой рыбешкой, лишь-бы только ея много было. Плата рабочимъ колеблется между 15 и 25 рублями за сезонъ, т.-е. за пять слишкомъ мѣсяцевъ. Русскій рабочій всегда получаетъ нѣсколько больше остяка, хотя

они и исполняют рядомъ одну и ту-же работу. Мы имѣемъ здѣсь въ виду зауряднаго рабочаго, уставщикъ-же получаетъ рублей до 80 и больше; кормщикъ, на обязанности котораго лежитъ забрасыванье невода, зарабатываетъ 40—50 рублей въ лѣто. Сверхъ того, каждому рабочему на время промысла полагается пара бродней. Во всякомъ случаѣ, обскій рыбакъ получаетъ такую плату, ниже которой трудно себя представить, за свой по-истинѣ каторжный трудъ на частныхъ промыслахъ, трудъ, сопряженный съ опасностями и всякими лишениями. Для полной обрисовки положенія промысловаго рабочаго, мы должны замѣтить, что остяки почти никогда не получаютъ всего своего заработка по условію, такъ какъ часть его выдается обыкновенно нужнымъ остякамъ товаромъ—табакомъ, водкой и др.; цѣны на эти товары ставятся, разумѣется, произвольныя, по поговоркѣ „хозяйская рука владыка“. При этомъ всегда часть товаровъ дается впередъ, въ счетъ работъ будущаго года, что запутываетъ остяка и ставитъ его въ безвыходное, кабальное положеніе. Обязательныя отношенія, возникшія на этой почвѣ между рабочимъ-остякомъ и хозяиномъ, не прекращаются даже со смертью перваго: доля отца переходитъ на сына, и нѣтъ выхода изъ этой кабалы несчастному, голодному дикарю. Отдавая свой трудъ и трудъ своихъ потомковъ рыбопромышленникамъ, рабочій, кромѣ того, отдаетъ имъ и свое здоровье, свою жизнь. Трудно представить себя болѣе гибельную обстановку, чѣмъ та, которую мы встрѣтили на рыбныхъ пескахъ Оби и ея притоковъ: въ продолженіи пяти съ половиной мѣсяцевъ рабочій почти непрестанно во всякую погоду, въ холодъ, вѣтеръ и дождь, находится на рѣкѣ, по колѣно въ водѣ; одеженка на немъ всегда худая, рваная, ему вѣчно холодно; даже послѣ сутокъ каторжной работы ему негдѣ, какъ слѣдуетъ обсушиться и обогрѣться: вмѣсто хоть сколько-нибудь сноснаго помѣщенія, хоть кое-какъ приспособленнаго для человѣческаго жилья, онъ вынужденъ идти въ шалашъ, сплетенный изъ тальника, или въ сырую и холодную землянку, такъ-какъ избы и казармы для рабочихъ устраиваются далеко не вездѣ и встрѣчаются ближе къ Тобольску. Какъ при такихъ условіяхъ сохранить здоровье рабочему, который

вдобавокъ и питается плохо? А не выдержалъ онъ, заболѣлъ, его выгонять вонъ—тамъ, гдѣ кипитъ работа, гдѣ каждый день доставляетъ сотни рублей, тамъ нѣтъ мѣста больнымъ и слабымъ. Къ сожалѣнію, ни официальная статистика, ни газетныя сообщенія не даютъ возможности хотя-бы приблизительно опредѣлить цифру ежегодно гибнущихъ на этихъ промыслахъ рабочихъ. Мы думаемъ, что ихъ надо считать не сотнями, а тысячами, не говоря уже о тѣхъ, которые простуживаются, наживаютъ себя неизлечимыя болѣзни и уходятъ съ промысловъ калѣками.

Иногда рыбопромышленники арендуютъ пески на такихъ условіяхъ: остякамъ дозволяется тутъ-же ловить рыбу, но непременно сдавать ее арендатору по цѣнѣ, назначаемой послѣднимъ. Не беремся опредѣлять, что выгоднѣе для остяковъ—эта-ли работа „на себя“, или работа на хозяина на вышеописанныхъ условіяхъ. Впрочемъ, такой способъ арендованія песковъ выводится и теперь встрѣчается нечасто.

Пароходство по Оби вызвало къ жизни въ этомъ краѣ новый народный промыселъ, съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе развивающійся, съ каждымъ годомъ приобретающій для города и нѣкоторыхъ бережныхъ деревень все болѣе серьезное значеніе—мы говоримъ о заготовкѣ дровъ для пароходовъ. Поставкой дровъ занимается значительная часть горожанъ. Прежде за порубку лѣса для пароходовъ съ нихъ не взымалось ничего, но года два назадъ, съ введеніемъ въ краѣ лѣсничества, ихъ обязали платить попенныя деньги въ размѣрѣ нѣсколькихъ копѣекъ съ кубической сажени. Условіе на поставку дровъ съ пароходчиками обыкновенно заключаетъ кто-нибудь изъ торгующихъ мѣщанъ, и сургутяне сдаютъ дрова ему и только съ нимъ и имѣютъ дѣло. Цѣны на дрова устанавливаются въ началѣ зимы, сейчасъ по заключеніи съ подрядчикомъ контракта. Въ нашу бытность въ Сургутѣ за вырубку и доставку на пристань Бѣлый Яръ, въ 14-ти верстахъ отъ города, кубической сажени дровъ сосновыхъ брали отъ 1 р. 50 к. до 2 р. Городскіе мѣщане давно сознаютъ, какъ много приходится имъ терять, имѣя дѣло не съ пароходчиками непосредственно, а съ подрядчикомъ, и стремятся къ тому, чтобы самимъ, цѣлымъ

обществомъ заключать условія съ пароходчиками, но до сихъ поръ эти попытки не идутъ дальше разговоровъ, перекоровъ и безцѣльной перебранки между отдѣльными лицами. „Согласія“ промежду насъ нѣтъ“, говорятъ сургутяне и этимъ объясняютъ безуспѣшность своихъ плановъ. Заготовка дровъ производится отдѣльными лицами, каждымъ для себя; артелей нѣтъ.

Мы разсмотрѣли всѣ главныя занятія населенія, носящія характеръ промысловъ, и теперь перейдемъ къ развитію въ краѣ ремесленности, къ домашнимъ занятіямъ жителей и торговлѣ.

III.

ЗАНЯТІЯ НАСЕЛЕНІЯ.

(Продолженіе).

Ничтожная степень развитія ремесленности.—Домашнія занятія.—Торговля сношенія сургутянъ съ инородцами и тобольскими купцами; характеръ этихъ сношеній.—Сургутская ярмарка.—Экономическая зависимость инородцевъ—остяковъ и самоѣдовъ отъ русскихъ; характеръ и степень эксплуатаціи первыхъ послѣдними.—Стремленіе сургутянъ къ легкой наживѣ вообще и къ торговлѣ въ частности.

Ремесленность въ Сургутскомъ краѣ развита мало,—можетъ быть, даже правильнѣе было-бы сказать—совсѣмъ не развита, до такой степени она ничтожна.

Среди различныхъ ремеслъ первое мѣсто по числу занятыхъ имъ лицъ—принадлежитъ сапожному: въ городѣ три—четыре постоянныхъ сапожника, т.-е. такихъ, для которыхъ это ремесло служить источникомъ существованія; сверхъ того, найдется чело-вѣкъ десять, можетъ быть, и больше, изготовляющихъ между дру-гимъ дѣломъ мужскіе бродни и женскіе чирки. Работа, какъ за-писныхъ мастеровъ, такъ и дилетантовъ, шьющихъ бродни, крайне груба и неуклюжа. Затѣмъ найдется въ городѣ чело-вѣкъ два порт-ныхъ, работающихъ на заказъ новую одежду, но больше занятыхъ починкой разной обывательской рвани, да и изъ нихъ одинъ ссыль-

ный Туринскаго округа, другой тоже ссыльный, только приписан-ный къ Сургуту. Есть здѣсь кузница и при ней слесарня, въ ко-торой на весь городъ и округъ работаютъ три—четыре чело-вѣка, но принадлежитъ она также чужимъ людямъ, на время заброшен-нымъ въ этотъ край; тоже слѣдуетъ сказать и о двухъ—трехъ городскихъ столярахъ. Почти всѣ перечисленные нами мастера самоучки, которыхъ нужда заставила взяться за то или другое ремесло; до всего имъ пришлось доходить „своимъ умомъ“, ко всему „прихитряться“, что, конечно, отразилось и на качествѣ работы.

Коренной сургутянинъ не чувствуетъ никакой склонности къ ремесленной работѣ, и потому встрѣтить здѣсь мѣстнаго старожи-ла-ремесленника довольно трудно, хотя этого рода работа опла-чивается хорошо. До какой степени сургутяне не привыкли ни къ какимъ занятіямъ, не связаннымъ съ промыслами, можно судить по тому, напримѣръ, что, не смотря на сильную потребность го-рода и округа въ плотникахъ, трудъ которыхъ вознаграждается очень хорошо, никто изъ мѣстныхъ жителей не занимается плот-ничествомъ: дома горожанъ строятъ пришлые люди, крестьяне Тобольскаго округа. Изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ сургутскихъ плотниковъ только одинъ былъ мѣстный житель, обрусѣвшій ост-якъ изъ округа. Даже распилка теса, во всякомъ случаѣ не тре-бующая ни особенныхъ способностей, ни продолжительной выучки отъ работника, и та находится въ чужихъ рукахъ: въ наше время ее исполняли крестьяне Тобольскаго округа, а теперь солдаты мѣстной команды.

О причинахъ этого явленія мы будемъ говорить ниже, а здѣсь замѣтимъ лишь, что, по нашему мнѣнію, ихъ слѣдуетъ искать въ исторіи и современныхъ условіяхъ главнаго ядра городского насе-ленія—казачества.

Домашнія занятія сургутянъ не отличаются особой сложностью и замысловатостью. Вы не встрѣтите здѣсь ни ткацкаго станка, безъ котораго не можетъ обойтись ни одна деревенская баба въ другихъ округахъ, и на которомъ она ткеть холсты и узорчатныя скатерти, ни изготовленія саней, телѣгъ, дугъ, изукрашенныхъ

болѣе или менѣе хитрыми узорами, ни занятій другими издѣліями, для которыхъ нужна извѣстная ловкость и вкусъ. Всѣ мѣстные подѣлки носятъ печать грубости, неумѣлости, аляповатости. Разсмотримъ отдѣльно нѣкоторыя изъ здѣшнихъ домашнихъ работъ.

Прежде всего слѣдуетъ остановиться на тѣхъ изъ нихъ, которыя такъ или иначе связаны съ тѣмъ или другимъ промысломъ; сюда относятся плетеніе сѣтей, неводовъ, перевѣсовъ, изготовленіе различныхъ петель, пленокъ, мордъ и другихъ ловушекъ, употребляемыхъ для добыванія птицы, звѣря, рыбы, и, наконецъ, выдалбливаніе облазовъ. Всѣми этими работами заняты крестьяне и остяки, а также кое-кто изъ горожанъ, вообще очень немногіе. Пряжу, веревки, канаты, необходимые для неводовъ и сѣтей, получаютъ отъ тобольскихъ купцовъ и мѣстныхъ торговцевъ. Изготовленіе изъ пряжи нитокъ всецѣло лежитъ на женщинахъ, плетениемъ же сѣтей занимаются одинаково, какъ женщины, такъ и мужчины въ свободное отъ другихъ занятій время, преимущественно зимой. Спиваніе невода изъ отдѣльныхъ частей и починка его, прилаживанье веревокъ, поплавокъ и прочія работы по изготовленію невода исполняются мужчинами¹⁾.

Всякій сургутянинъ, какъ человѣкъ, всю жизнь занимающійся рыболовствомъ, обязательно умѣетъ плести сѣти и невода, и если далеко не всякій вяжетъ ихъ для себя, то исключительно вслѣдствіе дороговизны нужныхъ для этого матеріаловъ.

Иное дѣло выдѣлка мордъ и другихъ ловушекъ, приготовляемыхъ изъ древесныхъ вѣтвей, жердей и тому подобныхъ матеріаловъ, ничего не стоящихъ, кромѣ незначительнаго личнаго труда—этимъ въ извѣстное время года занятъ каждый крестьянинъ-

¹⁾ Чувствуемъ необходимость оговориться. Вязаніе сѣтей, какъ и нѣкоторыя другія работы, исполняемыя мѣстными жителями, напримѣръ, скорняжество, мы не относимъ къ кустарнымъ промысламъ на томъ основаніи, что при нихъ имѣются въ виду собственныя потребности работающихъ; лишь въ рѣдкихъ случаяхъ эти работы производятся на заказъ и почти никогда на рынокъ, что, какъ извѣстно, составляетъ необходимое условіе всякаго кустарнаго производства. Поэтому всѣ работы, не имѣющія характера ремесленныхъ и не могущія въ то-же время быть причисленными къ кустарнымъ, мы относимъ къ числу домашнихъ занятій населенія.

промышленникъ: кто починаетъ старья, кто изготовляетъ новья. Горожане и въ этомъ случаѣ предпочитаютъ пользоваться трудомъ остяковъ, платя имъ какіе-нибудь гроши или отдавая имъ десятокъ—другой соленой „загорѣлой“ рыбы, которую сами уже не употребляютъ. Справедливость требуетъ, впрочемъ, прибавить, что горожане мало занимаются охотой, и далеко не всякому изъ нихъ приходится возиться съ различными слопцами, пленками и прочими приспособленіями, какъ ни какъ все-же требующими извѣстнаго труда, работы мысли, заботъ, а сургутскій казакъ прежде всего великій лѣнтяй, для котораго всякая работа, выходящая изъ ряда повседневныхъ занятій, безъ которыхъ ужъ никакъ обойтись нельзя, неприятна и тягостна, какъ-бы ничтожна она ни была. Нѣкоторыя ловушки—морды, петли и т. п., не требующія большой физической силы, приготовляются часто и женщинами. У остяковъ-же вообще женщина почти во всѣхъ работахъ принимаетъ участіе на-равнѣ съ мужчиной.

Въ городѣ и округѣ нѣкоторыя женщины выдѣлываютъ шкурки, преимущественно бѣличьи. Выдѣлка производится самымъ первобытнымъ способомъ: шкурку растягиваютъ на палочкахъ, и смазываютъ внутреннюю сторону ея, „бухтарму“, густымъ слоемъ квасной гущи и даютъ высохнуть; черезъ нѣкоторое время высохшую гущу соскребаютъ и вновь смазываютъ шкурку, и это повторяется до тѣхъ поръ, пока шкурка не пріобрѣтетъ требуемыхъ качествъ. Точно также выдѣлываются и другія, болѣе цѣбныя шкурки—лисы, куньи и проч. Не беремся судить о достоинствахъ такой выдѣлки, но отъ самихъ сургутянъ приходилось слышать, что ихъ выдѣлка не отличается достаточной прочностью, и потому выдѣланныя шкурки не идутъ въ продажу на вывозъ. Остяки, вѣрнѣе сказать, остячки въ большомъ количествѣ выдѣлываютъ оленье шкурки, изъ которыхъ все населеніе края приготовляетъ для себя всю зимнюю одежду, начиная съ обуви и кончая шапкой. Дубленіе въ Сургутскомъ краѣ неизвѣстно, хотя населеніе и понимаетъ преимущество такой выдѣлки мѣховъ.

Немногіе изъ мѣстныхъ жителей, и опять-таки главнымъ образомъ женщины, умѣютъ приготовлять сыромять, идущую на

ремни, починку сбруи, гужи. Но, по неимѣнію мѣстныхъ шорниковъ, хомуты, шлеи и прочій шорный товаръ привозится изъ Тобольска, а потому производство сыромятной кожи до крайности ничтожно. Остяки также выдѣлываютъ изъ оленьихъ шкуръ нѣчто, подобное обыкновенной сыромяти; изъ ремней такой выдѣлки приготавливаютъ пояса, которыми остяки подпоясываютъ свои малицы, оленью и собачью упряжь и проч.

Ко всему сказанному слѣдуетъ прибавить производство кирпича, большей частью сырца, литые и маканье свѣчей и, наконецъ, приготовленіе глиняной и деревянной посуды.

Есть въ городѣ кирпичныхъ дѣлъ мастеръ, который выдѣлываетъ не только сырецъ, но и обожженный кирпичъ. Но большинство горожанъ не требуетъ услугъ этого мастера, приготавливая сами (это всегда дѣлается женщинами) для своихъ потребностей сырецъ, изъ котораго кладутъ печи уже тобольскіе печники. Починка и поправка печей исполняется нѣсколькими женщинами, специалистами по печной части. Впрочемъ, такихъ специалистовъ намъ приходилось встрѣчать не только въ Сургутѣ, но и въ другихъ городахъ Тобольской губерніи, гдѣ онѣ часто живутъ исключительно этимъ ремесломъ. По деревнямъ Сургутскаго округа обожженный кирпичъ почти не употребляется, печи же дѣлаются или изъ сырца, или изъ глины, смѣшанной съ конскимъ навозомъ. Сырецъ и здѣсь выдѣлывается женщинами.

О приготавливаемой мѣстнымъ населеніемъ посудѣ—черныхъ глиняныхъ горшкахъ и деревянныхъ, кое-какъ обтяпанныхъ топоромъ хлѣбныхъ чашкахъ, а также о свѣчахъ мѣстнаго издѣлія много говорить нечего—какъ то, такъ и другое можетъ служить развѣ только лишнимъ доказательствомъ низкаго уровня культурнаго развитія сургутянъ. Съ развитіемъ пароходства по Оби, а вмѣстѣ съ тѣмъ и торговыхъ сношеній Сургута съ сосѣдними, болѣе развитыми въ промышленномъ отношеніи городами, окончательно падаютъ и эти производства: привозный обливной горшокъ все больше и больше замѣняетъ собой мѣстный неуклюжій и непрочный горшокъ, керосинъ вытѣсняетъ тусклую сальную свѣчу. Еще нѣсколько лѣтъ—и оба производства совершенно исчезнутъ.

Всѣми перечисленными работами, за исключеніемъ гончарныхъ, отчасти носящихъ характеръ кустарнаго производства, сургутяне, главнымъ образомъ женская половина населенія, занимаются для удовлетворенія своихъ личныхъ потребностей, въ свободное отъ другихъ, болѣе важныхъ для нихъ занятій промыслами. Къ числу домашнихъ-же занятій, лежащихъ исключительно на женщинахъ, относится также изготовленіе почти всей одежды, обработка и уходъ за огородомъ, уходъ за скотиной и многія другія работы по домашнему хозяйству.

Помимо перечисленныхъ выше промысловъ, составляющихъ основу экономического благосостоянія, и домашнихъ работъ, требуемыхъ хозяйствомъ, помимо всего этого, сургутяне вообще, а городское населеніе—казаки особенно, отдаютъ значительную долю своего времени, труда, энергіи на торговые сношенія съ инородцами, тобольскими и самаровскими, и еще болѣе съ инородцами, остяками и самоѣдами.

Предметомъ торговли съ инородцами служитъ все, что только добывается послѣдними путемъ охоты и различныхъ промысловъ. Пушной товаръ, рыба, жиръ, дичь, перо, пухъ, кедровый орѣхъ, оленьи шкуры и проч.—съ одной стороны, и мука, цвѣтное сукно, ситцы, табакъ, чай, водка, словомъ, все, въ чемъ нуждается остякъ или самоѣдъ—съ другой. Торгъ ведется всегда при помощи непосредственнаго обмѣна товара на товаръ, помимо какого-либо участія денегъ, которыхъ у инородцевъ почти никогда не бываетъ. Приобрѣтенный такимъ образомъ товаръ отъ инородцевъ перепродается тобольскимъ купцамъ частью на деньги, частью-же въ обмѣнъ на различные товары, нужные мѣстному населенію вообще, а въ частности для торговли съ инородцами.

Самое бойкое время торговли горожанъ съ инородцами—середина зимы, когда бываетъ Рождественская ярмарка, для округа-же два лѣтніе мѣсяца—май и іюнь, въ которые бываютъ ярмарки въ селахъ Юганскомъ и Ларьятскомъ. По официальнымъ даннымъ, оборотъ всѣхъ трехъ ярмарокъ простирается отъ 25 до 35 тысячъ. Зная, какимъ образомъ величина оборота ярмарки выводится въ самомъ Сургутѣ, мы думаемъ, что эти цифры официальной стати-

стики раза въ два—три ниже дѣйствительныхъ. Наиболѣе значительная изъ этихъ ярмарокъ, какъ по величинѣ торговыхъ оборотовъ, такъ и по количеству сѣзжающагося на нее народу, несомнѣнно, Рождественская.

Сургутская ярмарка въ высшей степени оригинальна и заслуживаетъ того, чтобы на ней остановиться нѣсколько внимательнѣе.

Человѣкъ, не принимающій непосредственнаго участія въ торгѣ,—а торгующихъ на ярмаркѣ на весь городъ едва-ли наберется человѣкъ 10—15 изъ обывателей,—можетъ не только не замѣтить ярмарки, но даже не подозрѣвать ея существованія: ни того особаго, только ярмаркамъ свойственнаго шума, ни уличнаго движенія и суеты, ни веселья и пьянаго разгула, ничего такого, что отмѣчаетъ самую небольшую ярмарку, даже просто базаръ, въ здѣсь не найдете, городъ, какъ и въ обыкновенное время, имѣетъ мертвенно-сонный видъ чего-то пригнетеннаго, застывшаго. А между тѣмъ именно въ это время въ Сургутъ сѣзжаются тысячи инородцевъ изъ отдаленнѣйшихъ сѣверныхъ тундръ Сибири: сюда являются со всего Сургутскаго, частью и изъ Березовскаго округа остяки; Мезенскій уѣздъ Архангельской губ. и крайній сѣверъ Березовскаго округа высылаютъ массы самоѣдовъ, мужчинъ, женщинъ и дѣтей; сюда-же прѣзжаютъ и самоѣды Туруханскаго округа Енисейской губ. Сургутская ярмарка—ярмарка инородческая, поэтому она и носитъ на себѣ особый отпечатокъ и такъ рѣзко отличается отъ русскихъ ярмарокъ съ ихъ праздничнымъ видомъ, толкотней и пьянымъ разгуломъ. На время всякой русской ярмарки городская жизнь становится болѣе уличной, такъ сказать, общественной; здѣсь-же происходитъ, какъ разъ обратное—все какъ-бы уходитъ еще болѣе въ себя, замыкается въ нѣсколькихъ на-глухо запертыхъ домахъ; тамъ торгуютъ днемъ, здѣсь, напротивъ, какъ-бы изъ боязни свѣта, все производится подъ покровомъ ночи. Таковы внѣшнія отличія Сургутской ярмарки.

Днемъ, какъ уже замѣчено, на сургутскихъ улицахъ отсутствуетъ какое-либо движеніе; изрѣдка развѣ пройдетъ нѣсколько человѣкъ остяковъ, направляющихся въ полицію сдавать ясаки или возвращающихся оттуда во-свои. Съ наступленіемъ-же ве-

чера, въ сумерки тихо, почти безъ всякаго шума, какъ-бы крадучись, боясь обратить на себя вниманіе, вѣзжаютъ въ городъ самоѣды отдѣльными партіями человѣкъ по 30 и 40 и заворачиваютъ во дворы заранѣе намѣченныхъ торговцевъ. Ворота на-глухо запираются вслѣдъ за ними, во избѣжаніе прихода кого-нибудь изъ постороннихъ, кому не полагается видѣть ничего, что происходитъ тутъ, и начинается торгъ, продолжающійся иногда до утра. Передъ разсвѣтомъ самоѣды, также партіями и также стараясь сохранить возможную тишину, выбираютъ изъ города на мѣсто стоянки, находящейся въ урманѣ, верстахъ въ 15—20 отъ Сургута. На слѣдующій день повторяется та-же исторія, и такъ въ продолженіи цѣлаго мѣсяца.

Инородцы привозятъ на ярмарку все, что только даетъ имъ тайга, главное-же мѣсто среди ихъ товаровъ занимаетъ пушнина (преимущественно бѣличьи шкурки) и крупная мороженая рыба—осетры и проч. На эти товары они вымѣниваютъ различные предметы потребленія, въ которыхъ нуждаются, добыть-же личнымъ трудомъ не могутъ.

Увидѣть процессъ этого торга постороннему человѣку крайне затруднительно, ибо сургутскіе торговцы народъ предусмотрительный въ этомъ отношеніи и во время ярмарки не принимаютъ никого изъ чужихъ. Намъ лично только однажды удалось попасть къ одному изъ торгующихъ въ такое время, но и то всего минуты на три. Мы позволимъ себѣ рассказать здѣсь видѣнное нами.

Обширный купеческій дворъ занимали десятки нагруженныхъ товарами самоѣдскихъ санокъ-нартъ, между которыми шныряли и суетились самоѣды и самоѣдки, развязывавшіе и увязывавшіе свои товары. Въ сторонѣ, около амбара, освѣщеннаго фонаремъ, хозяйскій сынъ съ работникомъ принималъ отъ нихъ мерзлую рыбу и дѣлалъ на стѣнѣ помѣтки мѣломъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, на дворѣ, въ сѣняхъ и на лѣстницѣ, ведущей въ домъ, возвышались цѣлыя горы инородческаго товара. Мы вошли въ домъ. Въ первой освѣщенной висячей лампой комнатѣ, откуда была убрана вся мебель и украшенія, на разостланныхъ по полу оленьихъ шкурахъ сидѣли самоѣды группами всего человѣкъ 30—40. Тутъ-же въ

небольших боченкахъ была поставлена водка, которую самоѣды пили изъ деревянныхъ чашекъ. Въ комнатѣ стоялъ невѣроятный шумъ и гвалтъ, слышались пьяные голоса, раздавалась характерная гортанная рѣчь самоѣдовъ. Воздухъ былъ до невозможности удушливъ, спертъ и пропитанъ рѣзкимъ специфическимъ запахомъ, свойственнымъ самоѣдскому жилищу. Черезъ открытую дверь можно было видѣть внутренность сосѣдней комнаты, гдѣ среди громадныхъ кучъ мѣховаго товара, ситцевъ, суконъ и проч., за конторкой помѣщался самъ хозяинъ дома, человекъ уже почтенныхъ лѣтъ. Это былъ природный сургутянинъ-казакъ, разбогатѣвшій исключительно на торговлѣ съ инородцами. Около конторки толпились самоѣды, нѣкоторые выходили въ первую комнату къ сидящимъ тамъ товарищамъ и вновь возвращались. Торгъ шелъ оживленно: самоѣды что-то громко говорили хозяину, перебывая другъ друга, видимо волнуясь, брали съ полу шкурки и хозяйскіе товары, осматривали ихъ со всѣхъ сторонъ, бросали на полъ, потомъ снова поднимали, вообще обнаруживали сильное возбужденіе. Видно было, что они всецѣло погружены въ процессъ обмѣна, являющійся для нихъ далеко не шуточнымъ дѣломъ: имъ приходилось подводить итоги годичнымъ трудамъ, соединеннымъ со всевозможными лишеніями и опасностями, отъ того или другаго исхода торга зависѣла степень обезпеченности на весь будущій годъ. Въ противоположность самоѣдамъ хозяинъ сохранялъ видъ спокойствія и какой-то лѣнливой апатіи, небрежно, почти нехоти отвѣчая на вопросы. Разговоръ происходилъ на самоѣдскомъ языкѣ, и я, разумѣется, ровно ничего не понималъ, да и наблюдать эту сцену мнѣ пришлось недолго, такъ какъ замѣтившій меня вскорѣ хозяинъ сейчасъ-же вышелъ изъ-за конторки и пригласилъ меня въ одну изъ внутреннихъ комнатъ. Уходя черезъ нѣсколько минутъ, я слышалъ, какъ онъ раздраженно кричалъ на работника и бранилъ его за то, что тотъ оставилъ ворота не запертыми и тѣмъ далъ возможность проникнуть въ домъ чужому человеку въ такую минуту, когда хозяинъ всего менѣе былъ склоненъ принимать у себя кого-бы то ни было. Неудовольствіе его вполне понятно, ибо онъ не могъ сомнѣваться, что мнѣ должны

были броситься въ глаза и боченки, и чашки съ водкой, и сами пьяные самоѣды.

Вообще практикуемые въ Сургутѣ приемы торговли оставляютъ желать очень и очень многого. Товары привозятся сюда самаго плохаго качества. Что не находятъ себѣ сбыта въ Тобольскѣ, то везется въ Сургутъ и продается инородцамъ и русскимъ по чудовищнымъ цѣнамъ. Чтобы не быть голословными, приведемъ цѣны на нѣкоторые товары, существовавшія въ нашу бытность въ Сургутѣ въ 80—81 году, и рядомъ цѣны на тѣ-же предметы въ другихъ городахъ Тобольской губ. и даже въ томъ-же Сургутѣ, только на пароходахъ. Ржаная мука продавалась лѣтомъ на баржѣ, пригнаной изъ Томска по 35—38 коп. за пудъ; сейчасъ-же по уходѣ баржи ту же муку мѣстные торговцы начали продавать по 60—70 к. и, постепенно повышая цѣну, къ веснѣ продавали муку уже по 1 р. 10 к. за пудъ. Кирпичъ чаю зимой въ лавкахъ стоилъ отъ 1 р. 30 к. до 1 р. 50 к., тогда какъ на пароходахъ, остававшихся въ Сургутѣ, его продавали по 90—95 к. Цѣна на сахаръ была 45—50 к. фунтъ, $\frac{1}{4}$ ф. махорки 15 к., фунтъ свѣчей 25 к., по той-же цѣнѣ продавали керосинъ; за кумачъ самаго низшаго сорта брали по 35—40 к. аршинъ и т. д. Въ то же самое время въ Тарѣ, куда провозъ ничуть не дешевле, сахаръ продавался по 22 к. фунтъ, табакъ 6 к., керосинъ по 7 к., кумачъ по 15 к. аршинъ, при томъ все это несравненно лучшаго качества. И такъ рѣшительно во всемъ — „бери, сколько возможно“ единственный девизъ мѣстныхъ и заѣзжихъ купцовъ въ этомъ заброшенномъ краю.

Какъ ни возмутительно высоки цѣны, которыя платитъ сургутянинъ за всякое гнилье, но онъ, горожанинъ, еще счастливъ сравнительно съ инородцами: онъ покупаетъ на деньги, имѣетъ нѣкоторое понятіе о дѣйствительныхъ цѣнахъ на потребляемые имъ товары, такъ какъ ему иногда приходится покупать ихъ на баржахъ и пароходахъ; онъ кое-что знаетъ и о торговыхъ мѣрахъ длины, вѣса и пр. Его могутъ обмѣрить и обвѣсить, но лишь въ извѣстныхъ предѣлахъ, дальше которыхъ не рѣшится идти самый беззащитнѣйшій кулакъ. Совершенно иначе стоитъ дѣло съ

инородцами. Эти находятся въ полной экономической зависимости отъ русскаго, будь онъ купецъ или заурядный сургутянинъ, все равно. Не купи остякъ у русскаго хлѣба, пороху, свинцу по цѣнѣ, которую тому заблагоразсудится назначить, и онъ умретъ съ голода не въ переносномъ, а самомъ буквальномъ, прямомъ смыслѣ слова, ему нечѣмъ будетъ даже охотиться, ловить рыбу; не продай остякъ мѣха, шухъ и проч. тому-же русскому, опять-таки по предлагаемой послѣднимъ цѣнѣ, какъ-бы она ни была низка, и тутъ онъ рискуетъ остаться безъ ничего, такъ какъ ему некуда больше дѣваться со своей добычей, какую-бы цѣнность она ни представляла сама по себѣ, какъ идти въ кабалу къ русскому человѣку.

И сургутяне сознаютъ свою силу и умѣютъ пользоваться ею вполне. Мѣняя свои товары на инородческіе, они всегда всучиваютъ остяку грошовое, никуда негодное гнилье по цѣнѣ, превышающей въ нѣсколько разъ его дѣйствительную стоимость, совершенно игнорируя взгляды инородца на этотъ счетъ, и заставляютъ инородца покупать свой товаръ. Гдѣ нельзя взять прямо, тамъ пускаются въ ходъ всевозможные подвохи, спаиванье и тому подобныя приемы. Но сургутянину мало сбыть дрянъ по невѣроятной высокой цѣнѣ, ему еще нужно обезпечить себѣ возможность такого сбыта и на будущее время, и для этого придумана цѣлая система закабаливанья инородца, неособенно замысловатая и сложная, но за то вполне дѣйствительная. Зная честность остяковъ и самоѣдовъ, сургутянинъ старается затянуть ихъ въ долги, ради чего отпускаетъ имъ товаръ въ кредитъ, даетъ задатки и т. д. Разъ остякъ задолжалъ, ему уже никогда не вырваться изъ цѣпкихъ рукъ торговца—проценты и присчитыванье сдѣлаютъ свое дѣло. Нужно-ли говорить о фальшивыхъ вѣсахъ и мѣрахъ? „Остякъ—собака“, и въ сношеніяхъ съ нимъ все дозволительно, думаетъ сургутянинъ и сообразно съ этимъ держитъ себя по отношенію къ инородцамъ. Надо отдать ему полную справедливость: въ различныхъ приемахъ надувательства остяковъ онъ изощрился и дошелъ до какой-то беззастѣнчивой откровенности и цинизма, чему много способствовало невѣжество, крайняя неразвитость и забитость инородцевъ.

Въ Сургутѣ отъ самихъ обывателей можно слышать множество разсказовъ о различныхъ продѣлкахъ того или другаго мѣщанина-казака. Такъ, намъ передавали, какъ одинъ торговецъ, теперь уже умершій, употреблялъ, какъ орудіе эксплуатаціи, золотой кубокъ, когда-то полученный имъ или его отцомъ изъ Кабинета Его Величества за доставленные имъ шкурки особенно рѣдкихъ и цѣнныхъ соболей. Когда самоѣдъ не рѣшается уступить свой товаръ по черезчуръ уже низкой цѣнѣ, и всѣ убѣжденія и угрозы уже истощены—такіе случаи „упорства“ бывають, хотя и очень рѣдко,—тогда онъ прибѣгалъ къ завѣтному кубку, какъ къ послѣднему средству: самоѣду предлагалось уступить въ цѣнѣ и за то выпить изъ кубка, причемъ подробно сообщалось, съ превеличеніями и прикрасами, конечно, что это за кубокъ, откуда онъ, какое значеніе имѣетъ для хозяина и всякаго крещенаго человѣка, кто изъ него пилъ ранѣе и т. п. Нѣкоторое время бѣдный дикарь колеблется и упирается, но страстная жажда выпить водки, за которую въ извѣстные моменты онъ готовъ продать не только свои товары, но и самого себя, и еще болѣе великій соблазнъ прикоснуться губами къ священному кубку берутъ, наконецъ, верхъ надъ его слабой волей, и онъ за безцѣнокъ уступаетъ то, что стоитъ большихъ денегъ и далось ему съ такимъ трудомъ¹⁾.

Мы не будемъ приводить здѣсь другіе примѣры подобныхъ продѣлокъ, тѣмъ болѣе, что объ этомъ предметѣ придется говорить въ слѣдующей главѣ. Здѣсь-же отмѣтимъ слѣдующую черту торговыхъ сношеній сургутянъ съ инородцами.

Каждый торговецъ имѣетъ *своихъ* самоѣдовъ и остяковъ, которые сдаютъ ему всѣ свои товары, знаютъ только его одного и къ другому торговцу уже не обращаются. Да если-бы они и захо-

¹⁾ Намъ извѣстенъ только одинъ случай, когда инородцы не уступили желаніямъ русскаго и настояли на своемъ. Именно, въ прошломъ 86 году одинъ изъ самыхъ богатыхъ сургутскихъ купцовъ въ надеждѣ на большія выгоды отправилъ лѣтомъ партію рыбаковъ въ Тазовскую губу, но тамошніе инородцы заявили рыбакамъ, что ловить рыбу они не препятствуютъ, вывезти-же съ мѣста не позволяютъ ни одного вѣса. Послѣ долгихъ препирательствъ сургутяне должны были уступить имъ и ушли ни съ чѣмъ. Говорятъ, убытокъ, понесенный купцомъ, доходилъ до 10 тысячъ.

тѣли завернуть къ кому другому, это имъ никогда не удалось-бы, потому что торговцы на встрѣчу партіямъ самоѣдовъ высылаютъ на такъ называемую оленью дорогу своихъ подручныхъ, которые зорко слѣдятъ, чтобы никто изъ самоѣдовъ не увильнулъ въ чужія ворота. Здѣсь-же заманиваются и тѣ самоѣды, которые раньше не бывали въ Сургутѣ и потому не закабалены еще никому изъ мѣстныхъ торговцевъ. Такимъ образомъ каждый торговецъ имѣетъ известное число инородческихъ семействъ, состоящихъ его постоянными покупателями и въ то-же время неоплатными должниками, и это число зависитъ отъ степени зажиточности и размѣровъ оборотовъ торговца.

Если на ярмаркѣ торгуютъ лишь немногіе сургутяне, которымъ случай, энергія или другія личныя качества дали возможность разбогатѣть и выдѣлиться изъ сѣрой массы остальнаго населенія, то и эта послѣдняя не упускаетъ случая поторговать хоть немного. Невозможность участвовать въ ярмарочныхъ сдѣлкахъ не мѣшаетъ заурядному сургутянину время отъ времени совершать небольшія торговныя экскурсіи, „ходить въ остяки“, какъ выражаются сургутяне. Чаще всего происходитъ это слѣдующимъ образомъ. Скопивши немного деньжонокъ, казакъ покупаетъ четверть—двѣ водки, разбавляетъ ее приличнымъ количествомъ воды, подсыпаетъ туда табаку или мухомора и отправляется торговать, т.-е. вымѣнивать на эту смѣсь у остяковъ ихъ товары—мѣха, рыбу, пухъ орѣховъ и проч. Операція этого рода настолько выгодна, что о съѣздившихъ въ остяки раза два—три зимою говорятъ: „они въ эту зиму мало-мало поправились“. Но, къ великому прискорбію сургутянъ, это удается лишь очень немногимъ, громадному-же большинству приходится довольствоваться заманчивыми мечтами о подобной торговлѣ и много-много продать бутылочку—другую водки. Нѣкоторые-же изъ горожанъ только тѣмъ и заняты, что ѣздить изъ города въ округъ и обратно.

Мы не хотимъ сказать, что *всѣ* сургутяне неудержимо стремятся къ торговлѣ водкой съ остяками и такимъ путемъ эксплуатируютъ ихъ—нѣтъ, среди нихъ есть люди, относящіеся отрицательно къ подобнымъ коммерческимъ предпріятіямъ. Тѣмъ не ме-

нѣе, таково преобладающее направленіе, придающее известную окраску всему городскому населенію, кладущее на него рѣзкій отпечатокъ любителей легкой наживы, только въ силу безусловной необходимости занимающихся трудомъ.

IV.

ОЧЕРКЪ ЭКОНОМИЧЕСКАГО БЛАГОСОСТОЯНІЯ.

Степень зажиточности городского населенія; отдѣльные примѣры.—Отсутствіе нищенства.—Зависимость благосостоянія отъ промысловъ, торговли и другихъ причинъ.—Зажиточность деревенскаго населенія; трудъ—единственный источникъ ея.—Различіе между городомъ и деревней въ этомъ отношеніи.—Нищета остяковъ; причины ея.—Вліяніе нищеты на развитіе болѣзней и вымираніе племени.

Въ двухъ предыдущихъ главахъ мы перечислили всѣ имѣющія для этого далекаго края болѣе или менѣе серьезное значеніе занятія—различные промыслы, домашнія работы, ремесла и торговлю. Теперь самъ собою возникаетъ вопросъ первостепенной важности: въ какой мѣрѣ всѣми этими занятіями обеспечивается сургутскій житель, иначе говоря, вопросъ о степени экономического благосостоянія мѣстнаго населенія.

По степени экономической обеспеченности, какъ и по образу жизни вообще, умственному развитію и прочему, населеніе края не представляетъ однородной, сплошной массы, но распадается на три рѣзко отличающіяся одна отъ другой группы: городское населеніе, крестьянъ округа и инородцевъ, живущихъ отдѣльно отъ русскихъ въ округѣ. Каждая изъ названныхъ группъ живетъ своей собственной, обособленной жизнью, и уровень зажиточности ихъ далеко не одинаковъ. Горожане и остяки представляютъ два, промежуточное мѣсто между которыми занимаютъ крестьяне. Руководствуясь такимъ различіемъ въ средѣ населенія, мы и будемъ разсматривать каждую группу отдѣльно.

Общій уровень благосостоянія горожанъ, говоря безотноситель-

но, довольно высокъ. Горожанинъ всегда имѣеть собственный болѣе или менѣе просторный домъ, всегда сытъ, тепло одѣтъ, работой себя не нудитъ до такой степени, что въ зимніе мѣсяцы буквально по цѣлымъ недѣлямъ ничего не дѣлаетъ, слѣзая съ печи только для того, чтобы поѣсть да развѣ кому-нибудь изъ домашнихъ сдѣлать приличное родительское внушеніе въ формѣ хорошей трепки. Последнее, впрочемъ, не относится къ женской половинѣ населенія, всегда, и лѣтомъ, и зимой, равно поглощенной какою-нибудь работой по хозяйству. Между отдѣльными горожанами, разумѣется, существуетъ разница въ степени обеспеченности, и среди нихъ на ряду съ богатѣемъ-торговцемъ можно встрѣтить вдову-мѣщанку, неимѣющую ни коровы, ни лошади. Но вы не встрѣтите здѣсь той голи перекаточной, едва прикрытой какою-то невообразимой рванью, голи, вѣчно голодной и ютящейся по различнымъ труппамъ, которая такъ характерна для другихъ сибирскихъ городовъ, да и сибирскихъ-ли только? Нищихъ, въ общепринятомъ смыслѣ этого слова, здѣсь нѣтъ, по крайней мѣрѣ, не было въ нашу бытность тамъ; общественной-же благотворительностью пользовался больной, не могшій ходить 90-лѣтній старикъ, бывшій сургутскій житель, раззорившійся и неимѣвшій родственниковъ, да старуха-остячка, съ подросткомъ дѣвочкой жившая въ урманѣ вблизи города. Мы здѣсь говоримъ о городскомъ населеніи, и потому остячка, доведенная до нищенской сумы совершенно инымъ складомъ жизни, въ счетъ идти не можетъ. Что-же касается старика, то его также нельзя причислять къ обыкновеннымъ нищимъ—милостыни онъ никогда не просилъ и жилъ на трехрублевое ежемѣсячное пособіе отъ мѣщанскаго общества, да на приношенія личныхъ знакомыхъ.

Чѣмъ обусловливается эта зажиточность? Развѣ развитіемъ-ли ремесленности, промысловыми работами или иными причинами?

Мы видѣли уже выше, что ремесленность въ Сургутскомъ краѣ находится въ зачаточномъ состояніи, а кустарная промышленность совсѣмъ отсутствуетъ. Остаются, слѣдовательно, скотоводство, промыслы и торговля. Скотоводство составляетъ одну изъ видныхъ доходныхъ статей каждаго сургутянина, но еще болѣе

видное мѣсто занимаютъ промыслы, это, такъ сказать, основа, на которой зиждется благосостояніе всего края, и торговля. Кромѣ того, для большинства мѣщанъ имѣеть не менѣе серьезное значеніе и казенная субсидія, въ видѣ муки и крупъ, получаемая ими, какъ бывшими казаками.

Чтобы составить себѣ болѣе вѣрное представленіе о зажиточности сургутянъ, возьмемъ двѣ—три городскихъ семьи и рассмотримъ ближе ихъ матеріальную обстановку, работы и проч. Этимъ путемъ легче выяснитъ вмѣстѣ съ тѣмъ и источникъ ихъ благосостоянія. Беремъ примѣры, ближе намъ знакомые.

Вотъ семья изъ четырехъ членовъ—матери вдовы, еще крѣпкой и бодрой женщины, сына лѣтъ 26—28, его жены почти одного съ нимъ возраста и ихъ ребенка 2—3 лѣтъ. Какъ по численному составу¹⁾, такъ и по экономическому благосостоянію, эту семью можно считать за среднюю въ Сургутѣ. Недвижимость семьи состоитъ изъ еще не стараго, крѣпкаго дома изъ двухъ половинъ раздѣленныхъ сѣнями; въ одной половинѣ чистая, свѣтлая комната, въ другой большая изба съ русской печью. При домѣ различныя службы—сарай, амбары, погребъ и проч.; тутъ-же за домомъ огородъ грядъ въ двадцать пять—тридцать. За городомъ имѣется загородъ для коней и мшенный хлѣвъ для коровъ и овецъ²⁾. Скотины держатъ: двѣ добрыхъ, сильныхъ лошади съ жеребенкомъ, три коровы и штукъ шесть овецъ. Занятія семьи: весной хозяинъ частью неводилъ, частью рубилъ дрова въ урманѣ для себя; женщины, собственно старуха, добыли перевѣсомъ до 150 утокъ. Во второй половинѣ лѣта хозяинъ ходилъ орѣшить и выручилъ рублей до 30, женщины въ это время косили. Зимой хозяинъ опять неводилъ и рубилъ дрова уже для парохода, для котораго поставилъ двѣ—три сажени, по 1 р. 50 к. Сверхъ того, женщинами былъ воздѣланъ, засѣянъ и убранъ огородъ, доставившій запасъ

¹⁾ Въ Сургутѣ нѣтъ большихъ семей, такъ какъ женатые братья живутъ почти всегда въ раздѣлѣ.

²⁾ Здѣсь скотину держатъ не при домѣ, а за городомъ въ такъ называемыхъ загоняхъ и загородахъ. Каждый домохозяинъ имѣеть свой загонъ и хлѣвъ.

картофеля на всю зиму, да хозяинъ убилъ въ этотъ годъ нѣсколько бѣлокъ и одну выдру. Таковъ заработокъ семьи за годъ. Мы не считаемъ многочисленныхъ домашнихъ работъ, которыми женщины были заняты буквально все свободное отъ промысловыхъ занятій время. Подводя итогъ, будемъ имѣть: орѣхъ 80 р., дрова на пароходъ—3—4¹/₂ р. и 2 р. выдра = 85—86 р. 50 к. деньгами; запасъ на годъ картофеля, соленого утиного мяса, корма скотинѣ и дровъ; пухъ и перо съ утокъ и бѣличьи шкурки были спрятаны дочери въ приданое. Къ этому слѣдуетъ прибавить 18 пудовъ ржаной муки и 6 пудовъ ячной крупы, которые хозяинъ получилъ изъ казны¹⁾. Такимъ образомъ, годичный трудъ двухъ женщинъ и шестимѣсячный трудъ мужчины (во всю зиму хозяинъ проработалъ всего мѣсяца два), доставилъ годовой запасъ жизненныхъ продуктовъ, известную сумму денегъ и возможность отложить кое-что въ приданое дочери, которой всего около трехъ лѣтъ. Значительная часть денегъ ушла на чай, сахаръ, мережу, веревки, пополненіе одежды для членовъ семьи, вино и прочіе обязательные расходы, но все-таки старуха отложила немного на черный день.

Вторая знакомая намъ, болѣе зажиточная семья состоитъ изъ еще не старыхъ родителей, двухъ сыновей 22 и 18 лѣтъ и двухъ-же дочерей 20 и 13 лѣтъ; имѣетъ домъ въ двѣ комнаты съ кухней, отдѣльную избу, много надворныхъ построекъ; держитъ 5 лошадей, 4 коровы и пару свиней, домашнюю птицу, какъ и въ первомъ примѣрѣ, не считаемъ. Доходы этой семьи состояли въ слѣдующемъ: на пароходъ поставили въ годъ 20 саж. дровъ за 30 рублей, отдавали домъ въ наймы за 36 р., раза три за зиму ѣздили съ кладью въ Самаровское и вверхъ по Оби, за что получили 40 р., въ полицію продали дровъ рублей на 10—12. Стару-

¹⁾ Со времени уничтоженія казачьей команды не всѣ бывшіе казаки продолжаютъ получать казенную субсидію, а лишь тѣ изъ нихъ, кто къ означенному моменту еще состоялъ на дѣйствительной службѣ. Размѣръ пособія опредѣляется особымъ положеніемъ. Съ каждымъ годомъ число получающихъ казенную муку и крупы сокращается, и уже недалеко то время, когда эта помощь правительства вовсе прекратится.

ха ловила утокъ, пухъ и перья которыхъ продала, за сколько—не упомянемъ. Не можемъ также, къ сожалѣнію, даже приблизительно опредѣлить сумму, вырученную отъ торговли съ остяками, такъ какъ пушной товаръ, полученный отъ остяковъ и впоследствии проданный купцамъ, вымѣнивался на водку. Сыновья въ нѣсколько поѣздокъ на промыселъ добыли рыбы на годъ. Далѣе—доходъ отъ огорода, муки 36 и крупы 18 пудовъ на отца и сыновей и т. д. Ни отецъ, ни сыновья не занимаются охотой и орѣшениемъ. Вся семья принадлежитъ къ числу самыхъ работающихъ въ городѣ.

Возьмемъ еще одну семью мѣщанъ не изъ казаковъ, значительно бѣднѣе двухъ предыдущихъ. Составъ семьи таковъ: старикъ отецъ, мать—женщина среднихъ лѣтъ и двѣ взрослыхъ дочери, изъ которыхъ одна живетъ на заработкахъ въ Томскѣ. Никакими промыслами не занимаются, скотины совсѣмъ не держатъ. Хозяинъ почти ничего не дѣлаетъ, если не считать за работу, что нѣсколько разъ въ годъ сѣздитъ на сосѣдской лошади въ урманъ по дрова да изрѣдка поторговываетъ водкой съ остяками. Домъ довольно просторный—двѣ комнаты и кухня, при домѣ службы, но все это запущено и разваливается. Доходы семьи состоятъ въ платѣ за домъ—24 р. постоянныхъ и 5—8 р. временами, да дочь присылаетъ рублей 10 въ годъ. Вотъ и всѣ заработки, если не считать того, что получается съ огорода, да ничтожныхъ доходовъ отъ женскихъ рукодѣлій. Казалось-бы, на какіе-нибудь 40—50 р. трудно прожить семью изъ трехъ человѣкъ, имѣя даже собственный домъ, огородъ и дрова, тѣмъ болѣе при той дороговизнѣ, которая существуетъ въ Сургутѣ на всѣ предметы потребленія, а между тѣмъ семья живетъ довольно сносно, сравнительно, на примѣръ, съ большинствомъ тюкалинскихъ мѣщанъ: ей неизвѣстна нужда, не говоримъ уже о голодѣ, всегда всѣ сыты, одѣты, чай безъ сахару не пьютъ, что въ Сургутѣ составляетъ рѣдкость, и это при одномъ работнике, который девять десятыхъ своего времени бездѣлничаетъ и валяется на кровати. Въ данномъ случаѣ вывозитъ торговлишка съ остяками. Не смотря на ея ничтожность, она все-же достаточна, чтобы прокормить трехъ человѣкъ.

Приведенныхъ примѣровъ, думаемъ, довольно, чтобы сдѣлать

заключеніе о характерѣ зажиточности городского населенія. Объ отклоненіяхъ въ сторону бѣдности и значительнаго богатства мы не говоримъ, потому что и то, и другое составляетъ сравнительно рѣдкое исключеніе, подавляющее-же большинство принадлежитъ къ разряду среднезажиточныхъ. Источникомъ благосостоянія, по вышеприведеннымъ типическимъ примѣрамъ, служатъ промыслы, торговля и казенный паекъ. Тѣ-же самые три источника, разумѣется, въ различныхъ сочетаніяхъ, являются основой для благосостоянія городского населенія, разница только въ томъ, что одинъ совсѣмъ торговлей не занимается, а налегаетъ больше на промыслы, другой не получаетъ пайка, работаетъ настолько мало, на сколько это только возможно, и направляетъ свою энергію на эксплуатацію остяковъ при помощи торговли и т. п.

Сургутская природа такъ богата и щедра, что достаточно человѣку потратить два—три дня, чтобы обезпечить себя пищей на мѣсяцъ (рыбный промыселъ), пять—шесть недѣль, употребленныхъ на промыселъ кедровый, доставляютъ нѣсколько десятковъ рублей, которыхъ вмѣстѣ съ другими доходами будетъ достаточно для удовлетворенія нехитрыхъ потребностей обывателей въ теченіи цѣлаго года. Можетъ быть простой, черный трудъ человѣка, не обладающаго ни общими, ни техническими знаніями, не оплачивается нигдѣ въ Тобольской губерніи такъ высоко, какъ именно въ этомъ отдаленномъ уголкѣ.

Казалось-бы, какъ не работать при такихъ условіяхъ, а между тѣмъ сургутскій мѣщанинъ-казакъ не чувствуетъ къ труду особой склонности, нѣтъ у него такого отношенія къ нему, какое наблюдается повсемѣстно у крестьянъ, какъ къ чему-то обязательному, самимъ Богомъ установленному, безъ чего человѣкъ жить не можетъ, и самая жизнь теряетъ смыслъ. Сургутянинъ смотритъ на дѣло иначе: онъ работаетъ, на сколько это необходимо; познѣнже труда, наслажденіе „биться на работѣ“ ему не доступны и чужды. Его идеаль—возможно „легкая“ жизнь, онъ больше стремится къ торговлѣ, хотя-бы она и доставляла ему меньше барышей, чѣмъ промысловый трудъ, на примѣръ,—черта, на нашъ взглядъ, характерная и заслуживающая вниманія.

Сургутъ прежде всего сибирскій городъ, и это всегда слѣдуетъ помнить, когда рѣчь заходитъ о той или иной чертѣ характера его населенія. Дѣло въ томъ, что, благодаря многимъ причинамъ, толковать о которыхъ было-бы здѣсь неумѣстно, Сибирь въ значительной степени страна легкой наживы, что относится преимущественно къ городамъ. Примѣры быстрого обогащенія при помощи торговли съ инородцами и эксплуатированія ихъ—этихъ паріевъ Сибири, и другихъ паріевъ—уголовныхъ ссыльныхъ, у всѣхъ на виду; случаи, когда человѣкъ буквально изъ ничтожества, изъ кабацкаго сидѣльца или торговца телятами, въ нѣсколько лѣтъ возносился на недосыгаемую для массы высоту, превращался въ обладателя сотенъ тысячъ, такіе случаи, довольно частые, бьютъ по нервамъ простаго обывателя и разжигаютъ въ немъ самые низменные инстинкты, вызываютъ страстное, неудержимое стремленіе выбиться изъ своего темнаго существованія, влеченіе къ легкой наживѣ, торговлѣ, эксплуатаціи своего ближняго. Понятно, что трудъ отходитъ на второй, даже третій планъ. И вотъ сибирякъ-горожанинъ вообще, а сургутянинъ въ частности, разъ вкусивши прелестей наживы, начинаетъ чувствовать отвращеніе и презрѣніе къ труду, какъ-бы хорошо онъ ни оплачивался, относиться къ нему, какъ къ чему-то низменному, недостойному человѣка, стремящагося „выйти въ люди“, и въ такомъ тронутомъ человѣкѣ понятіе о трудѣ постепенно вытѣсняется и замѣняется вождельніемъ къ гешефтамъ и торговлѣ, притомъ къ самымъ отталкивающимъ ея видамъ, какъ къ самымъ выгоднымъ въ денежномъ отношеніи—къ тайной торговлѣ водкой, краденымъ золотомъ и т. п. Корчемство въ Сибири слишкомъ общеизвѣстное явленіе, чтобы о немъ стоило говорить. Для сургутянина такую *ria desideria* является мѣновая торговля съ остяками и самоѣдами; чѣмъ самому биться на промыслахъ, забнуть, мокнуть, претерпѣвать всяческія лишенія, гораздо лучше, удобнѣе и меньше безпокойствъ, если всю неприятную и опасную сторону промысла возьметъ на себя полудикій, голодный инородецъ и своей добычей обмѣняется на водку, перемѣшанную съ водой, мухоморомъ, табакомъ,—такъ или приблизительно такъ рассуждаетъ сургутянинъ и начинаетъ опе-

ризовать надъ остякомъ. Но тутъ громадному большинству горожанъ приходится переживать тяжелыя разочарованія и жестокія крушенія своихъ несложныхъ идеаловъ; рѣдко кому удается выбиться изъ общей массы и стать заправскимъ торговымъ человѣкомъ, для большинства-же это навсегда остается недосягаемой, прекрасной, бесплодно дразнящей мечтой, такъ какъ много нужно особенно благоприятныхъ условій, чтобы сургутянину удалось выйти въ люди въ его смыслѣ слова—нужны свободныя деньги, а ихъ-то именно у него и не бываетъ, хотя онъ и хорошо живетъ, но деньги у него не водятся,—онѣ неудержимо плывутъ изъ его рукъ въ руки тобольскихъ и иныхъ купцовъ; нужна выдержка, энергія, которыхъ также недостаетъ ему, и которыя замѣняются лѣнью, неподвижностью и отвращеніемъ ко всему, что требуетъ продолжительнаго, упорнаго труда и заботъ; нужны ловкость и смѣлость для торговли водкой (а торговать другими предметами какой-же интересъ!), сопряженной съ рискомъ ответственности, и ничѣмъ этимъ сургутянинъ опять-таки не обладаетъ—онъ трусливъ и не поворотливъ. Какія условія выработали такой характеръ въ городскомъ обывателѣ, это другой вопросъ, котораго мы не будемъ теперь касаться. Намъ важно было лишь отмѣтить, что именно мѣшаетъ сургутянину добиваться желаннаго имъ благополучія.

Считаемъ нелишнимъ оговориться вновь. Отмѣчая предпочтеніе, отдаваемое торговлѣ передъ другими занятіями, ихъ стремленіе къ легкой наживѣ и пр., мы имѣемъ въ виду, такъ сказать, настроеніе массы, а не фактическую сторону торговыхъ сношеній съ иностранцами, которая часто несоотвѣтствуетъ желаніямъ и настроенію населенія¹⁾.

Другую причину такого отношенія къ труду слѣдуетъ искать въ положеніи городскихъ обывателей. Большинство изъ нихъ, какъ бывшіе казаки, до сихъ поръ еще находятся подъ извѣстной опекой, получаютъ казенныя пайки муки и крупъ, а до недавняго

¹⁾ Можетъ быть, именно этимъ настроеніемъ слѣдуетъ объяснять, что сургутянинъ, побывавшій въ другихъ городахъ и тамъ познакомившійся съ иными способами наживы, охлаждаетъ къ своему городу и бѣжить изъ него.

времени, 82 года, находились на полномъ иждивеніи правительства. Почти даровое полученіе хлѣба въ теченіе длиннаго ряда поколѣній, разумѣется, не могло не отразиться самымъ пагубнымъ образомъ на нравственномъ складѣ населенія, не могло не оторвать ихъ отъ труда, соединеннаго съ заботами и неудобствами.

Во всякомъ случаѣ, ни казенная субсидія, ни періодическіе набѣги въ остяки не освобождаютъ сургутянъ отъ необходимости работать хоть сколько-нибудь—къ казенной кашѣ все-таки хочется и рыбки, нужно и деньжонокъ заработать немножко, чтобы приобрести платье, пить постоянно чай и т. д. Все это дѣлаетъ *промысловый трудъ*, какъ нимало имъ занимаются обыватели, *главнымъ источникомъ благосостоянія горожанъ, торговля-же и казенный паекъ играютъ роль подспорья.*

Иначе сургутская деревня.

Русское населеніе по своей зажиточности ничуть не уступаетъ горожанамъ, даже напротивъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, напр., въ деревняхъ, лежащихъ отъ Сургута внизъ по Оби, крестьяне живутъ гораздо богаче мѣщанъ-казаковъ, хотя это, быть можетъ, и не сразу бросится въ глаза: строй деревенской жизни, низшая культура и другія условія ступенькаютъ дѣйствительное положеніе вещей. Правда—здѣсь меньше сравнительно съ городомъ держатъ скота, но богатство выражается въ большемъ количествѣ лодокъ, сѣтей и всякихъ другихъ принадлежностей промысловъ; у крестьянина больше денегъ. Онъ не ведетъ такой торговли съ остякомъ, какъ горожанинъ, но больше продаетъ продуктовъ собственного труда—рыбы, звѣриныхъ шкуръ, птицы и проч.

Но главное характерное различіе между городскимъ жителемъ и крестьяниномъ округа въ сферѣ экономическаго благосостоянія заключается не въ этомъ, а въ самыхъ источникахъ его. Въ то время, какъ горожанинъ употребляетъ возможный *минимум* труда и выискиваетъ другіе болѣе легкіе способы существованія, деревенскій житель всецѣло поглощенъ промысловымъ трудомъ, ему, какъ говорится, дохнуть некогда: едва успѣетъ отойти время одного промысла, какъ его ждетъ уже другой, а тамъ третій, и такъ круглый годъ. *Исключительной основой существованія крестья-*

янина сургутской деревни, какъ и всякой другой деревни, является трудъ, тяжелый, полный опасности и лишений трудъ промышленника. Закинутый въ глухую лѣсную тущобу, никогда ни отъ кого не получавшій помощи—въ формѣ-ли казеннаго пайка или въ иной, поставленный лицомъ къ лицу съ дикой, суровой природой, здѣшній крестьянинъ естественно принужденъ былъ вступить съ нею въ борьбу, отвоевывая у ней право на существованіе. Понятно, онъ могъ надѣяться только на себя, на свою личную предприимчивость, энергію, силу, словомъ, на собственный трудъ. Въ силу этихъ причинъ у него развилось не такое отношеніе къ труду, какъ у горожанъ: онъ не смотритъ на него, какъ на постылую обязанность, но въ немъ только видитъ смыслъ жизни, источникъ радостей и горя, безъ труда для него непонятно самое существованіе. По той-же причинѣ въ крестьянинѣ не выработалось склонности къ торговлѣ и легкой наживѣ, какъ въ горожанинѣ, не смотря на очень близкое сосѣдство съ остяками. Мы, разумѣется, не говоримъ объ исключеніяхъ, которыя найдутся и здѣсь, какъ вездѣ.

Зажиточность русскаго населенія представляетъ рѣзкій контрастъ съ нищетой инородцевъ. Остякъ, занимаясь всѣми тѣми-же промыслами, какъ и крестьянинъ, работаетъ ничуть не меньше, — пожалуй, даже больше послѣдняго, а между тѣмъ едва-едва влачитъ свое жалкое существованіе.

Скота сургутскіе остяки не держатъ, если не считать нѣсколькихъ болѣе состоятельныхъ семей, у которыхъ имѣются олени. Кое-кто держитъ собакъ для ѣзды по р. Ваху.

Такимъ образомъ, для нихъ остается одинъ источникъ существованія—промыслы, но и тутъ, благодаря условіямъ, о которыхъ мы говорили выше, остякъ поставленъ въ крайне-незавидное положеніе: какъ ни велики его труды, и какъ ни рискуетъ онъ на промыслахъ своимъ здоровьемъ и жизнью, всѣ выгоды достаются не ему, а русскимъ сосѣдямъ и крупнымъ рыбопромышленникамъ. На себя остякъ промышляетъ рѣдко; только охота да ловля птицы не находятся непосредственно въ рукахъ русскихъ богачей. Онъ почти всегда работаетъ на частныхъ промыслахъ купцовъ,

эксплуатирующихъ самымъ возмутительно-бесовѣстнымъ образомъ ихъ трудъ. Выше мы видѣли, какъ это производится, какъ остяцкія угоды перешли въ руки тобольскихъ и самаровскихъ рыбопромышленниковъ. Все это ставитъ остяка въ положеніе, по-истинѣ, худшее, чѣмъ крѣпостная зависимость—помѣщикъ все-таки былъ заинтересованъ въ сохраненіи если не здоровья, то жизни своихъ крѣпостныхъ, тогда какъ здѣсь похоть стяжанія не знаетъ никакихъ предѣловъ, не сдерживается никакими препонами. Что за дѣло рыбопромышленнику, что, работая на него, остякъ умираетъ отъ чрезмѣрнаго труда, холода, голода? Умретъ одинъ, на его мѣсто явится другой такой-же остякъ, который также будетъ надрываться надъ работой, также голодать и мокнуть въ водѣ. И остяки умираютъ на промыслахъ тысячами отъ голода и всяческихъ лишеній. Объ ихъ бѣдствіяхъ писалось уже много разъ, и мы подробно останавливаться на этомъ не будемъ.

Благодаря крайней нищетѣ, скученности въ жилищахъ (въ одной юртѣ живетъ по нѣскольку семействъ), голодовкамъ и прочимъ неблагоприятнымъ условіямъ, среди остяцкаго населенія страшно свирѣпствуютъ сифились, лихорадки, тифъ, оспа. О медицинской помощи, конечно, и рѣчи быть не можетъ, и остяки мрутъ, какъ мухи. Къ болѣзнямъ присоединяются періодическія общія голодовки остяковъ, также уносящія много жертвъ въ могилу. Во время голодовокъ, безпомощность населенія достигаетъ крайнихъ предѣловъ. Такъ, въ послѣдній голодъ, бывшій нѣсколько лѣтъ назадъ, остяки буквально сотнями мерли съ голоду; встрѣчались юрты, всѣ жители которыхъ вымирали, въ избахъ валялись непогребенные трупы. И такія голодовки дѣло вовсе не исключительное: за послѣдніе десять лѣтъ подобный голодъ среди остяковъ былъ дважды, насколько намъ извѣстно. О причинахъ, вызывающихъ его, не можемъ ничего сказать, такъ какъ не были лично свидѣтелями, основываться же въ этомъ отношеніи на словахъ обывателей не рѣшаемся.

Чего не могутъ сдѣлать голодъ и болѣзни, то доканчиваетъ русскій кулакъ и тобольская водка. Вымираніе остяковъ—фактъ, не подлежащій никакому сомнѣнію, оно идетъ быстро, неуклонно.

Причина вымиранія—та экономическая кабала, въ которой находится остякъ, отнимающая у него буквально все, начиная съ труда и кончая жизнью, во-первыхъ, развитіе эпидемическихъ болѣзней и пьянства, во-вторыхъ.

Таково современное положеніе остяцкой части населенія Сургутскаго округа.

V.

СТЕПЕНЬ КУЛЬТУРНАГО РАЗВИТІЯ.

Жилища остяковъ и русскихъ.—Одежда и обувь.—Пища.—Вліяніе инородцевъ на русское населеніе выражается въ одеждѣ и пищѣ.—Культурное вліяніе русскихъ на инородцевъ.—Низкій уровень потребностей.—Промысловыя орудія.—Неумѣнье пользоваться находящимися подъ руками богатствами природы.

Степень культуры, насколько она выражается въ жилищахъ, одеждѣ, пищѣ, орудіяхъ труда и пр., не высока въ описываемомъ краѣ. Русская часть населенія, конечно, культурнѣе, его потребности шире, чѣмъ у сосѣднихъ остяковъ, но и для нея остается желать очень и очень многого. Болѣе близкое знакомство съ характеромъ жилищъ, качествомъ пищи и проч., яснѣе покажетъ это. Для удобства мы вездѣ будемъ разсматривать отдѣльно всѣ эти предметы по отношенію къ русскимъ и къ инородцамъ.

Всего замѣтнѣе культурность сургутянъ выражается въ жилищахъ. Постройка домовъ, какъ въ городѣ, такъ и въ деревняхъ, двухъ типовъ: пятистѣнный, состоящій изъ чистой комнаты и кухни со стѣпущей печью, причѣмъ комната обыкновенно раздѣлена перегородкой на „горницу“ и маленькую „боковушу“; другой типъ—„связной“ домъ, въ которомъ также есть чистая комната и кухня, раздѣленные между собой просторными бревенчатыми стѣнами. Къ пятистѣнному дому обыкновенно пристраивается тесовое крылечко съ чуланомъ—„казѣнкой“. Оба эти типа домовъ повсемѣстно распространены по Тобольскому округу и оттуда, несомнѣн-

но, занесены плотниками и въ Сургутъ. Сами сургутяне плотничать не умѣютъ и имъ волей-неволей всегда приходится обращаться за мастерами на-сторону, именно въ Тобольскій округъ, какъ ближайшій, и отъ нихъ-же принимать готовые образцы построекъ. Этимъ обстоятельствомъ, т.-е. заимствованіемъ, помимо выбора, чужихъ образцовъ, и объясняется тотъ фактъ, что именно въ жилищахъ сургутянъ проглядываетъ наибольшая степень культуры, меньшая степень подчиненности инородческому вліянію, нежели во всѣхъ другихъ отношеніяхъ.

Внутренняя обстановка сургутскаго дома всегда производитъ благопріятное, выгодное впечатлѣніе: достаточно свѣту, чистый, застланный половиками полъ, бѣлѣный потолокъ, стѣны или также бѣлѣныя, или же оклеены дешевыми, всегда свѣтлыми обоями. Около входной двери или въ слѣдующей комнатѣ „боковушкѣ“, за ситцевой занавѣской кровать съ периной, ситцевымъ изъ разноцвѣтныхъ лоскутковъ одѣяломъ, часто на пуху, и нѣсколькими пуховыми подушками. Мебель простая, деревянная—два—три стола, неизбѣжная „канпель“ (родъ дивана) и нѣсколько стульевъ. Таковъ видъ комнаты. Изба также раздѣлена перегородкой на двѣ части; въ одной помѣщается печка и разныя принадлежности стѣпни, въ другой обѣденный столъ, лавки вдоль стѣны; иногда кровать въ углу, также за занавѣской; стѣны выбѣлены или чисто выскоблены ножомъ.

Чистота и домовитость—вотъ первое общее впечатлѣніе, но оно несовсѣмъ соотвѣтствуетъ дѣйствительности, по крайней мѣрѣ, чистота сургутскаго дома очень обманчива: загляните за печку, и вы тамъ найдете цѣлые косяки таракановъ; отдерните кусочекъ обоевъ около кровати, шевельните постель—и мириады клоповъ вылѣзутъ изъ всѣхъ щелей; загляните въ горшокъ, въ которомъ варится похлебка, держится молоко, васъ стошнитъ отъ той неопрятности, которую тамъ найдете, хотя снаружи тотъ-же горшокъ блещетъ чистотой. И такъ все въ домѣ—снаружи чистота и блескъ, внутри—грязь и мерзость, первое для другихъ, для видимости, второе для себя.

Не смотря на то, что дома строятся изъ толстаго лѣса, нельзя

сказать, чтобы они отличались теплотой. Отчасти это объясняется плохим устройством печей, но главным образом отсутствием земляных накатовъ подъ поломъ—до этого сургутяне еще не думались. Подъ каждымъ домомъ есть подполье, гдѣ зимою сохраняются овощи.

При домѣ всегда имѣется обширный дворъ, застроенный рядомъ сараевъ, амбаровъ, погребовъ и т. п., а сади дома большой огородъ. Въ амбарахъ и сараяхъ помѣщаются разные промысловыя снасти, домашній скарбъ и проч. Скотина при домѣ не держится, а потому дворы также отличаются сравнительной чистотой и опрятностью.

За городомъ, по берегамъ рѣчки расположены такъ называемые загоны и загороди для скота. Для лошадей не дѣлается никакихъ приспособленій, могущихъ защищать ихъ отъ морозовъ и жестокихъ сургутскихъ бурановъ: весь загонъ состоитъ изъ мѣста, огороженнаго жердями. Помѣщенія для коровъ и мелкаго скота на мху изъ сосноваго лѣса. Около загородей отводится особое мѣсто, гдѣ складывается сѣно. Всѣ загоны и загороди расположены въ двухъ—трехъ мѣстахъ, образуя собою какъ-бы особые городки, кучки юртъ. Почему скотъ держать за городомъ, что сопряжено съ нѣкоторыми неудобствами для хозяевъ? Отнюдь не слѣдуетъ думать что тутъ имѣются въ виду какія-нибудь гигиеническія соображенія; дѣло объясняется гораздо проще: изъ загородей, расположенныхъ вдали отъ города, на самомъ берегу рѣчки, незачѣмъ вывозить навозъ и вообще много возиться съ навозомъ, достаточно взять лопату и выкинуть его за заборъ въ рѣчку. Сургутяне такъ и дѣлаютъ. Когда навозу накопится столько, что ни человѣку, ни скотинѣ пройти нельзя, его спроваживаютъ въ рѣчку—и просто, и удобно. А если бабамъ и приходится ежедневно терять много времени на путешествіе въ загонъ и обратно, бѣгать туда и днемъ, и ночью, во всякую погоду, то вѣдь на то она и баба, чтобы терпѣть всю жизнь всевозможныя неудобства и брать на себя какъ можно больше труда, давая этимъ возможность мужу валяться по суткамъ на печи въ полудремотномъ состояніи. Устройство загородей имѣетъ одну цѣль—освободить мужчину отъ

лишняго труда, взваливъ его въ иной формѣ на плечи женщины.

Если жилища русскихъ Сургутскаго округа и не свидѣтельствуютъ о высокой культурѣ, все-же они довольно опредѣленно указываютъ на извѣстную обеспеченность, достатокъ населенія. У инородцевъ наблюдается обратное.

Здѣсь жилища съ поразительной ясностью показываютъ, на какомъ низкомъ уровнѣ культурнаго развитія стоятъ остяки и какъ ничтожно ихъ благосостояніе.

Остякія жилища двухъ родовъ—зимнія и лѣтнія. И тѣ, и другія одинаково носятъ названіе юрты, по крайней мѣрѣ, такъ называютъ ихъ русскіе.

Зимняя юрта—это бревенчатый срубъ безъ крыши или, правильнѣе сказать, съ земляной крышей. вмѣсто окна въ стѣнѣ пробита дыра въ квадратный футъ, заткнутая пузыремъ, масляной бумагой или, еще чаще, обтесаннымъ кускомъ льда. Другая такая-же дыра нѣсколько большихъ размѣровъ изображаетъ собою дверь. Полъ бревенчатый или просто земляной. Сейчасъ у входа, нѣсколько въ сторонѣ устроенъ комелекъ—родъ очага, иначе называемый „чуваль“, на которомъ постоянно, день и ночь, горитъ огонь; дымъ выходитъ въ отверстіе, пробитое надъ чуваломъ въ потолокъ. У зажиточныхъ остяковъ къ такой юртѣ пристраиваются бревенчатыя-же сѣни.

Внутреннее убранство зимней юрты состоитъ изъ широкихъ скамеекъ въ родѣ наръ, идущихъ вдоль стѣнъ, у зажиточныхъ прикрытыхъ оленьими шкурами, у другихъ рогожами; у громаднаго-же большинства, какъ говорятъ, кромѣ ношебнаго верхняго платья, ничего нѣтъ; на этихъ скамьяхъ остяки и спятъ, и ѣдятъ. Въ такой юртѣ, имѣющей отъ двухъ до пяти аршинъ въ длину и столько-же въ ширину, помѣщается нѣсколько отдѣльныхъ семействъ. Каковы гигиеническія условія такого жилища, понятно само-собою. Кстати замѣтимъ здѣсь, что для такого совмѣстнаго жительства въ одной юртѣ не всегда требуется близкое родство между семьями—встрѣчаются юрты, въ которыхъ живутъ вмѣстѣ остяки, совершенно чужіе другъ другу.

Лѣтнія юрты, куда остяки переселяются на время рыболовства,

еще болѣе примитивнаго устройства. Это простой шалашь изъ жердей, прикрытыхъ берестой, иногда оленьими шкурами, на подобіе самоѣдскаго чума. Здѣсь нѣтъ уже ни окна, ни чувала; огонь разводится прямо на землѣ, посреди юрты, дымъ выходитъ черезъ отверстіе въ потолокъ.

Лично намъ не приходилось видѣть ни въ одной изъ посѣщенныхъ нами юртъ никакихъ признаковъ надворныхъ построекъ, и домашній скарбъ остяковъ валялся частью въ самой юртѣ, частью на улицѣ подлѣ нея. Говорятъ, впрочемъ, что болѣе зажиточные остяки имѣютъ особыя постройки, въ которыхъ держатъ промысловую добычу и всякую домашнюю рухлядь, непомящуюся въ юртѣ.

Впечатлѣніе крайней нищеты, убожества, полускотскаго состоянія производятъ на наблюдателя жилища остяковъ и сами остяки.

За исключеніемъ зимняго верхняго платья мужчинъ, одежда русскихъ сургутянъ ничѣмъ не отличается отъ обще-мѣщанской одежды, свойственной другимъ городамъ Тобольской губерніи; тѣ же бешметы у мужчинъ, и ситцевыя платья у женщинъ. Если и есть разница, то развѣ только въ еще большей нечистоплотности сургутянъ, особенно представительницъ прекраснаго пола, да въ неумѣннн щегольнуть и пустить ближнему пыль въ глаза, что зависитъ отъ грубости и неразвитости вкуса. При всемъ желаніи, сургутянинъ совершенно не умѣетъ одѣваться и всегда ухитряется придать себѣ какой-то нелѣпый, уродливый видъ. Въ этомъ особенно рѣзко проявляется отсталость сургутянъ сравнительно съ населеніемъ даже другихъ городовъ той-же губерніи.

Зимняя мужская одежда заимствована у инородцевъ—та же малица, кумышь и проч., что будемъ описывать ниже. Сургутянинъ вполне свыкъ съ этимъ костюмомъ и не расстаётся съ нимъ почти три четверти года; въ ней онъ на улицѣ, и въ ней-же является въ гости. На вечерахъ, напримѣръ, всегда можно встрѣтить пять—шесть кавалеровъ, пляшущихъ въ своихъ оленьихъ шкурахъ, не взирая на духоту и жару въ комнатѣ. Обувь—лѣтомъ бродни, зимою пимы или такъ называемые „барловики“—сапоги изъ овчины шерстью внутрь, у мужчинъ. Женщины носятъ

зимою тѣ-же пимы, а лѣтомъ чирки. Впрочемъ, въ лѣтніе праздники мужчины и женщины носятъ обыкновенную городскую обувь—сапоги и ботинки, нѣкоторые франты поверхъ сапоговъ надѣваютъ кожаныя калоши, въ которыхъ и въ комнатахъ ходятъ, и на вечерахъ пляшутъ.

Остяцкая одежда мало чѣмъ отличается отъ одежды вообще всѣхъ сѣверныхъ инородцевъ: тѣ-же звѣряныя шкуры, то шерстью вверхъ, то шерстью внизъ, облекаютъ остяка, какъ и самоѣда или якута. Незначительная разница существуетъ только въ покроѣ и матеріалѣ, изъ котораго изготовляется одежда: остяки носятъ пимы изъ оленьихъ лапокъ, а чукчи дѣлаютъ изъ бѣлой конской шкуры. Въ общихъ чертахъ остякъ одѣвается такъ: поверхъ холщевой рубахи и замшевыхъ штановъ надѣвается широкая рубаха¹⁾ изъ оленьихъ шкуръ, шерстью къ тѣлу—„малица“, подпоясываемая ремнемъ, къ которому привѣшивается ножъ; на ноги надѣваются оленьи чулки шерстью внутрь—„чижи“, на нихъ пимы шерстью вверхъ, къ которымъ въ сильные морозы еще присоединяется нѣчто въ родѣ калошъ, также шерстью вверхъ. На малицу натягивается вторая рубаха, шерстью вверхъ, съ капюшономъ сзади, съ рукавицами на концахъ рукавовъ—„кумышъ“, онъ же и „гусь“ у русскихъ. Кумышь значительно длиннѣе малицы и опускается ниже колѣнъ. Голова прикрывается оленьей шапкой съ наушниками, сшитая изъ двухъ шкурокъ—одна обращена шерстью внутрь другая наружу—и носящая названіе „треуха“. Капюшонъ кумыша надѣваютъ поверхъ треуха. У болѣе зажиточныхъ дома, а также въ сравнительно теплую погоду малицу и кумышь замѣняетъ „парка“, похожая по покрою на кумышь—рубаха, также шерстью наружу, но изъ шкурокъ оленьихъ телятъ, „неплюебъ“, у богатыхъ-же изъ „выпоротковъ“—еще не родившихся, убитыхъ вмѣстѣ съ матерью телятъ.

Женщины, вмѣсто малицы, носятъ „паницу“, родъ кафтана шерстью вверхъ; голову прикрываютъ суконнымъ платкомъ яркаго цвѣта—„вокшимъ“, обыкновенно краснымъ, спускающимся сзади

¹⁾ Вѣднота обходится и безъ рубахъ, надѣвая верхнее платье прямо на тѣло.

до пить; тѣмъ-же платкомъ прикрываютъ и лицо. Остяки часто ходятъ даже въ жестокіе зимніе морозы безъ шапки, въ лѣтнихъ кафтанахъ съ открытою голою грудью.

Многіе остяки для предохраненія глазъ отъ слишкомъ яркаго зимняго свѣта носятъ самодѣльные очки, состоящіе изъ мѣдныхъ или желѣзныхъ кружковъ, связанныхъ между собой веревочкой. Въ центрѣ каждаго кружка просверлена маленькая дырочка, черезъ которую и смотрятъ. Насколько подобныя очки достигаютъ цѣли, не знаемъ, но у большинства остяковъ глаза постоянно болятъ и гноятся.

Лѣтомъ мужчины и женщины замѣняютъ мѣховыя одежды длинными суконными кафтанами, перепоясанными ремнемъ. Лѣтняя обувь—чулки изъ грубой замши, называемые „неговаи“, чаще же всего ходятъ босикомъ.

У женщинъ иногда въ костюмѣ встрѣчаются различныя украшенія ввидѣ разноцвѣтныхъ бусъ, охватывающихъ шею, вилетенныхъ въ косы, бляхъ и разноцвѣтныхъ лоскутьевъ, подвязанныхъ къ косамъ и проч.

Остяки, повидимому, никогда не моются, не расчесываютъ волосы, почему всегда грязны до послѣдней степени, одежда также, если не больше еще, грязна, волосы всклокочены и разметаны по плечамъ; къ этому прибавьте еще рѣзкій специфическій запахъ. Вообще вѣшность и костюмъ остяка производитъ тяжелое, гнетущее впечатлѣніе.

Пища сургутянъ также не отличается изысканностью и разнообразіемъ. Рыба и кирпичный чай—ея основа, если не считать, разумѣется, хлѣба. Рыбу употребляютъ во всѣхъ видахъ, начиная съ сырой, только что пойманной (такое блюдо называется „соргамкой“), которую ѣдятъ съ солью, и кончая всякими пирогами и другими рыбными печеньями. Между прочимъ, одно изъ любимыхъ рыбныхъ лакомствъ сургутянъ—„патапка“, т.-е. сырая мерзлая рыба, которую рѣжутъ тоненькими ломтиками („струженина“) и ѣдятъ также съ солью. Говорятъ, употребленіе сырой свѣжей и мерзлой рыбы предохраняетъ отъ заболѣванія цынгой.

Обѣдъ сургутянина состоитъ обыкновенно изъ варева со щукой

и какого-нибудь рыбнаго пирога; приготовленіе, какъ того, такъ и другаго, отличается замѣчательнымъ безвкусіемъ. Иногда пирогъ замѣняется ячной кашей съ рыбнымъ жиромъ или коровьимъ масломъ. Въ скоромные дни, вмѣсто щучьей ухи, готовятъ похлебку изъ соленого утиного мяса; говядину и баранину употребляютъ рѣдко, только по большимъ праздникамъ. Многіе замѣняютъ обѣдъ чаемъ съ рыбнымъ пирогомъ или шаньгами на маслѣ или рыбьемъ жирѣ. Дѣлается это не вслѣдствіе невозможности имѣть лучшей обѣды, а по крайней лѣни, одолеваящей сургутянина, по нежеланію лишній разъ съѣздить половить рыбы. Вообще надо сознаться, что сургутяне крайне невзыскательны на счетъ пищи и съ величайшимъ апетитомъ ѣдятъ такую дрянь, которую въ другихъ мѣстахъ никто не станетъ и пробовать. Къ такой дряни мы относимъ все, что изготовляется на рыбьемъ жирѣ, который имѣетъ свойство каждому блюду придавать особый отвратительный запахъ и даже видъ; сюда-же относится и такъ называемая „загорѣлая“ рыба¹⁾, нестерпимо вонючая и отвратительнаго вида, и эта мерзость опять-таки употребляется не вслѣдствіе бѣдности, а по лѣни—за свѣжей рыбой съѣздить не охота и гнѣющую вывозить лѣнь, такъ лучше ужъ съѣсть ее, по крайности, безъ хлопотъ. Большое количество употребляемаго рыбаго жира вызывается чрезмѣрной суровостью климата и вслѣдствіе этого большей потребностью организма въ углеродистыхъ соединеніяхъ. О крайней нечистоплотности приготовленія пищи мы уже упоминали.

Остякъ еще менѣе требователенъ и менѣе брезгливъ, нежели его русскіе сосѣди—этотъ уже прямо, безъ стѣсненія ѣстъ все, что попадетъ подъ руку, выброшенную-ли гнилую рыбину, или валяющуюся въ лѣсу падаль какую-нибудь, и не только самъ ѣстъ падаль, но, какъ крайне любезный и гостепріимный хозяинъ, ею-же угощаетъ и гостей, и, чѣмъ почетнѣе гость, тѣмъ съ большей

¹⁾ Горѣлая—это зеленая съ осени и начавшая портиться весной рыба. Отъ такой рыбы идетъ сильный специфическій запахъ, буквально нестерпимый для всякаго носа, кромѣ сургутскаго. Лѣтомъ, когда такая рыба окончательно перегоритъ, ее цѣлыми массами выбрасываютъ за городъ, гдѣ ее подбираютъ голодные собаки, а бываетъ, что и остяки изъ округа.

предупредительностью онъ будетъ предлагать ее. Рыба у нихъ, какъ и у русскихъ, главная пища. Остяки также ѣдятъ „патамку“ и „саргамку“, кромѣ того, изъ сушеной и толченой рыбы „порса“—вмѣстѣ съ мукой, готовятъ лепешки, замѣняющія хлѣбъ; очень немногіе, имѣющіе оленей, прибавляютъ въ такія лепешки еще оленьей крови. Затѣмъ остяки ѣдятъ распластанную и высушенную на солнцѣ рыбу, употребляя ее и въ сыромъ, и въ вареномъ видѣ. Но самое тонкое и любимое остяцкое блюдо „ворка“—это мелкіе куски такой сушеной рыбы, разваренные въ рыбьемъ жирѣ. На рыбьемъ-же жирѣ варится мучная похлебка—„салымъ“, „поземъ“—рыбьи кишки съ жиромъ и проч. Рыбій жиръ, какъ составная часть, входитъ почти во всѣ остяцкія кушанья. Во время промысловъ, требующихъ продолжительной отлучки изъ дому, остякъ питается главнымъ образомъ порсой, которую всегда возитъ съ собой въ мѣшкѣ. Порса разваривается въ водѣ или рыбьемъ жирѣ. Остяки ѣдятъ также мясо почти всѣхъ звѣрей и птицъ, которыхъ убиваютъ въ время промысла. Въ дни особенныхъ торжествъ, напримѣръ, свадьбы, остяки бьютъ оленей, у кого они есть, конечно, и ѣдятъ сырое мясо. Намъ лично приходилось видѣть, какъ остяки, сидя вокругъ только-что убитаго еще теплаго оленя, отрѣзали куски мяса, макали ихъ въ еще дымящуюся кровь и ѣли жадно, съ наслажденіемъ. Трудно себѣ представить зрѣлище болѣе отталкивающее и отвратительное.

Отъ жестокихъ сѣверныхъ морозовъ, снѣжныхъ вьюговъ и непогоды сургутянинъ можетъ защититься, только одѣвшись въ нѣсколько звѣриныхъ шкуръ; только обильнымъ употребленіемъ рыбьяго или иного жира онъ можетъ пополнить убыль теплоты въ своемъ организмѣ. Промыслы въ изобиліи доставляютъ ему рыбу, дичь, лѣснаго звѣря—понятно, что эта пища становится основной и т. д. Въ этомъ ясно выражается полная зависимость сургутянина, всей обстановки его жизни—одежды, жилища, пищи, занятій, отъ характера внѣшней природы и климата. Это, такъ сказать, общій фонъ, общее положеніе, не заключающее въ себѣ ничего лестнаго, но и ничего особенно обиднаго для сургутянина, такъ какъ при низкомъ уровнѣ культуры каждый народъ, каждый человѣкъ обя-

зательно подчиняется внѣшней природѣ, не умѣя подчинять ее себѣ.

Но на этомъ фонѣ ясно и отчетливо вырисовывается совмѣстное существованіе рядомъ двухъ совершенно разнородныхъ по степени умственного развитія и по характеру культуры племенъ, въ теченіи вѣковъ производившихъ вліяніе и давленіе другъ на друга.

Всматриваясь именно въ эту сторону картины, прежде всего замѣчаешь поразительное вліяніе остяковъ, племени съ несомнѣнно низшей культурой, вырождающагося и вымирающаго, на представителей великорусскаго племени. Это вліяніе чувствуется во всемъ—въ одеждѣ, пищѣ, языкѣ (остяцкія слова и обороты рѣчи) и пр. Предки теперешняго русскаго населенія, понятно, не носили на своей родинѣ, въ Европейской Россіи, ни „кумыша“, ни „пимовъ“, не ѣли ни сырой только-что пойманной рыбы, ни хлѣба, замѣшаннаго на вонючей ворвани; въ ихъ рѣчи не слышалось „кумоха“ (лихорадка) и т. п. Они, предки, принадлежали, что доказывается многими данными, къ чистымъ представителямъ великорусскаго племени и несомнѣнно принесли съ собою въ край довольно высокую и своеобразную, вѣками выработанную культуру, свои порядки и обычаи. Трехсотлѣтнее существованіе въ далекой глуши, бокъ-о-бокъ съ дикарями, дало себя знать: оно стерло очень и очень многое изъ того, что принесли съ собою русскіе люди, за этотъ періодъ ихъ потомки обостячились, утратили, быть можетъ, навсегда, наиболѣе характерныя черты своей племенной физиономіи; они, представители высшей культуры, не только не подняли остяковъ до своего уровня развитія, но сами опустились почти до полудикаго состоянія инородца.

Предки современныхъ сургутянъ, конечно, были знакомы съ многими работами и ремеслами, о которыхъ въ настоящее время утратилось всякое представленіе. И случилось это не потому, чтобы потомки ушли далеко впередъ и смотрѣли на эти работы, какъ на низшую степень развитія, уже пройденную ими,—нѣтъ: процессъ шельъ, какъ разъ обратнымъ путемъ. Приведемъ примѣры.

Мы уже видѣли, что теперешній сургутянинъ не умѣетъ распилить бревна на доски и даже для этой болѣе чѣмъ нехитрой работы приглашаетъ къ себѣ постороннихъ людей. Онъ едва-едва

въ состояніи кое-какъ оболванить топоромъ кусокъ осины и придать ему форму чашки. Когда-то онъ, сургутянинъ, умѣлъ ткать полотно и сукна, чувствовалъ потребность въ хорошихъ грунтовыхъ дорогахъ и ѣздить по нимъ, былъ знакомъ съ употребленіемъ телѣгъ и пр. Но все это было, когда онъ жилъ еще въ Европейской Россіи, теперь-же ничего этого нѣтъ, и даже воспоминанія не сохранилось о немъ въ народной памяти. Одной нашей знакомой прислали родственники изъ Томской губерніи нѣсколько фунтовъ нетрепаннаго льну, и всѣ сургутскія кумушки не въ силахъ были ума приложить, что нужно сдѣлать, чтобы изъ такого льна приготовить знакомую имъ кудель. Такъ и спрятали ленъ до того счастливаго времени, когда судьба занесетъ въ Сургутъ какого-нибудь свѣдущаго человѣка, который подѣлится съ сургутянами своимъ знаніемъ и вновь научитъ ихъ дѣлать то, что когда-то они и сами знали да позабыли. Утративши потребность въ грунтовыхъ дорогахъ, они вмѣстѣ съ тѣмъ забыли, что такое телѣга и какое ея назначеніе, и до 80 года, когда привезена была первая телѣга, и лѣтомъ ѣздили на дровняхъ; теперь въ городѣ уже четыре телѣги. Когда мы уѣзжали изъ Сургута, насъ многіе знакомые просили прислать „то, на чемъ хлѣбъ растетъ“, т.-е. хлѣбныхъ колосьевъ. „Всю жизнь хлѣбъ ѣдимъ, говорили они, а не знаемъ, изъ чего онъ дѣлается!“ Можно было бы привести еще много примѣровъ, но, думаемъ, и этихъ достаточно для подтвержденія нашего положенія, что сургутяне въ культурномъ отношеніи пошли назадъ, въ сторону остяковъ. Въ разсмотрѣніе причинъ такого, во всякомъ случаѣ печальнаго, явленія теперь мы не будемъ входить, намъ нужно было только отмѣтить фактъ вліянія инородческой культуры на русскую.

Каково-же было обратное вліяніе русскихъ пришельцевъ на аборигеновъ страны—остяковъ? Въ чемъ выразилось ихъ культурное вліяніе? Перебирая въ умѣ все видѣнное нами, соединяя отдѣльныя черты въ одно цѣлое, сопоставляя и сравнивая между собой факты, мы приходимъ къ слѣдующему, въ высшей степени печальному, выводу: все культурное вліяніе русскихъ колонистовъ на инородцевъ состоитъ въ томъ, что они привили остякамъ двѣ

страшныя болѣзни—пьянство и сифилисъ. При самомъ искреннемъ и сильномъ желаніи подмѣтить хоть малѣйшее доказательство инаго вліянія, намъ не удалось это сдѣлать. Культура остяковъ не только не повысилась, а даже понизилась со времени прихода русскихъ: благодаря все увеличивающейся нищетѣ, потребности суживались и сокращались, а вмѣстѣ съ тѣмъ упрощались и формы жизни остяковъ. Вообще, въ смыслѣ понятнаго культурнаго движенія остяки не отстали отъ своихъ властителей. Разсмотрѣнными выше жилища, пища, одежда остяковъ даютъ понятіе, на какой низкой ступени стоятъ они въ настоящее время; другія стороны ихъ жизни только подтверждаютъ это. Промысловыя орудія остяка крайне грубы: охотится онъ чаще всего съ лукомъ, большимъ и малымъ, ружья, да и то кремневая, начинаютъ входить въ употребленіе только въ послѣдніе 10—20 лѣтъ; канаты и веревки, употребляемые для неводовъ, до сихъ поръ приготовляются изъ оленьихъ жилъ, корней кедра, моржевыхъ и оленьихъ ремней; юрта освѣщается только огнемъ камелька, рыбій жиръ съ этой цѣлью употребляютъ лишь богачи, и т. д. и т. д.

Въ отношеніи промысловыхъ орудій русской сургутянинъ недалеко ушелъ отъ остяка: позаимствовавъ у этого послѣдняго невода, слопцы и проч., онъ не сдѣлалъ въ нихъ никакихъ усовершенствованій или измѣненій, за исключеніемъ развѣ пеньковыхъ веревокъ и канатовъ въ неводахъ; если онъ не охотится съ лукомъ, то не ушелъ и дальше кремневки (только нѣкоторые горожане имѣютъ пистонныя ружья) и т. д.

Русскій пришлецъ, перезабывши все, что зналъ когда-то, ничему не научилъ остяка, да и самъ тоже ничему не научился за триста лѣтъ своей жизни въ этомъ краѣ. Всѣ знанія, имѣющіяся у него—знаніе тайги, звѣря, птицы и проч.,—все это выработано не имъ, а остякомъ и позаимствовано у послѣдняго. Однородность промысловыхъ снарядовъ, пріемовъ охоты и т. п. убѣждаетъ насъ въ этомъ. Самъ сургутянинъ ничего не придумалъ и не знаетъ ничего такого, чего не зналъ-бы полудикій остякъ; живя среди тайги, онъ не умѣетъ извлекать изъ нея иной пользы, кромѣ той, извлекать которую научили его остяки. Въ Сургутскомъ краѣ, какъ

рыболовномъ, потребляется большое количество смолы и дегтя, нужныхъ для смоленія лодокъ, снастей и т. п. При такомъ обиліи дѣла гонка смолы и дегтя почти ничего не стоила-бы населенію, но никто изъ мѣстныхъ жителей не умѣетъ гнать деготь и рыбаки покупаютъ, по рублю и дороже за ведро, привозный изъ Самарова, гдѣ этимъ занимаются крестьяне. И нельзя сказать, чтобы населеніе не сознавало всей выгоды домашняго производства—сургутяне хорошо разсчитываютъ, но все дѣло разбивается объ ихъ невѣжество, лѣнь и инертность. То-же можно сказать и о различныхъ подѣлкахъ изъ дерева, выдѣлки кожи и проч.

Сургутянинъ не умѣетъ извлекать изъ окружающихъ условій всей возможной выгоды, не умѣетъ и не хочетъ взяться ни за какое новое, незнакомое ему дѣло, какихъ-бы барышей оно ни сулило, предпочитая за все, что не дается промыслами, платить громадныя деньги, и въ этомъ отношеніи онъ самый засворузлый рутинеръ и консерваторъ.

VI.

РАЗВИТІЕ СУРГУТЯНЪ И ИХЪ ПРАВЫ.

Уровень умственнаго развитія.—Грамотность; отношеніе къ ней населенія.—Суевѣріе населенія; примѣры.—Религіозность и характеръ ея.—Нравственный уровень населенія; отсутствіе преступленій, пьянство.—Отношенія сургутянъ между собой и къ чуждымъ элементамъ—пріѣзжимъ русскимъ и инородцамъ.—Семейный бытъ сургутянъ; положеніе въ семьѣ женщинъ и дѣтей.—Отношенія половъ между собой.—Развлеченія.

Въ умственномъ отношеніи сургутянинъ стоитъ очень низко. Онъ неграмотенъ, къ школѣ относится безучастно, а къ обученію грамотѣ дѣвочекъ даже прямо отрицательно, видя въ этомъ порчу нравовъ и развращеніе. Впрочемъ, въ данномъ случаѣ нельзя все объяснять невѣжествомъ сургутянъ, такъ какъ въ выработкѣ такого взгляда на школу и грамотность имѣла большое вліяніе сама школа съ ея формальнымъ, холоднымъ отношеніемъ къ дѣлу, съ

ея казеннымъ, мертвящимъ духомъ. За все время существованія школы въ Сургутѣ, только одинъ учитель сумѣлъ вызвать къ себѣ симпатію и уваженіе въ населеніи своимъ простымъ и теплымъ отношеніемъ къ дѣлу обученія и развитія сургутскихъ ребятшекъ, всѣ-же остальные или не оставили по себѣ никакого воспоминанія, или самое плачевное. Отчего-бы это не зависѣло, но существуетъ фактъ, что населеніе мало интересуется школой и не признаетъ за ней серьезнаго значенія. Къ сожалѣнію, мы ничего не можемъ сказать о распространенности грамотности въ округѣ, такъ какъ всего округа намъ объѣзжать не приходилось, а были мы только въ нѣкоторыхъ поселеніяхъ, лежащихъ между Сургутомъ и Самаровымъ, но думаемъ, можно заключить, что въ округѣ грамотность процвѣтаетъ еще меньше, чѣмъ въ городѣ. Про остяковъ, разумѣется, и говорить нечего—у нихъ даже своей азбуки не существуетъ.

Сургутянинъ не только безграмотенъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и до послѣдней степени суевѣренъ. Различнымъ водянымъ, домовымъ, баннымъ и прочимъ представителямъ нечистой силы, въ которыхъ онъ вѣритъ и которыхъ боится, счету нѣтъ. Мы ихъ перечислять не будемъ, упомянемъ лишь объ одномъ изъ нихъ—„сусѣдкѣ“, которому населеніе приписываетъ важное значеніе. Намъ не удалось опредѣлить, что именно подразумевается подъ этимъ прозвищемъ и какое мѣсто занимаетъ „сусѣдка“ въ ряду другихъ нечистыхъ силъ. Мѣстопробываніе его вездѣ—онъ и въ банѣ, и въ домѣ живетъ, но главная его резиденція за печкой, на голбцѣ. Повидимому, сургутяне думаютъ, что у каждаго человѣка есть свой сусѣдка, сопровождающій его всюду съ цѣлью устранять отъ него всякія напасти и бѣды. Несчастье съ человѣкомъ случается лишь потому, что сусѣдка, разгнѣвавшись за что-либо, оставляетъ его на время или на-всегда. Кошмаръ также объясняется гнѣвомъ сусѣдки—„сусѣдка душитъ“, говорятъ сургутяне. Какая судьба постигаетъ сусѣдку по смерти протежируемаго имъ человѣка, намъ не могли объяснить сургутянки, эти специалистки по части демонологіи. Но это только одна сторона характера сусѣдки; въ то-же время онъ является существомъ злобнымъ, причиняющимъ по-

стоянно неприятности. Нѣкоторыя женщины имѣютъ даръ обращаться по временамъ въ сусѣдку, чтобы въ такомъ видѣ проникать въ жилища своихъ враговъ и вредить имъ. Къ такимъ женщинамъ населеніе наружно относится съ глубокимъ почтеніемъ и уваженіемъ, въ душѣ-же боятся и ненавидятъ ихъ. Намъ указывали на такихъ женщинъ. Существуетъ цѣлый рядъ примѣтъ, по которымъ можно узнать, какая именно женщина обладаетъ способностью превращенія и время, когда такое превращеніе совершается. Обращаясь въ сусѣдку, женщина принимаетъ обыкновенно видъ сороки, птицы, очень распространенной въ Сургутѣ, поэтому бить сороку надо умѣючи, безъ промаха, въ противномъ случаѣ сусѣдка отомститъ за себя. Болѣе точныхъ опредѣленій и разъясненій нѣкоторыхъ противорѣчивыхъ чертъ въ характерѣ сусѣдки намъ получить не удалось. Судя-же по аналогіи, можно думать, что сусѣдка ничто иное, какъ видоизмѣненіе общерусскаго „дѣдушки“, „домоваго“, и т. п., и представляетъ лишь обломокъ когда-то господствовавшего въ народѣ поклоненія предкамъ и вѣры въ покровительство ихъ духовъ своимъ потомкамъ и враждебнаго отношенія къ чужимъ.

На всякій шагъ, для каждаго дѣла существуетъ десятокъ примѣтъ и предзнаменованій. Покойники также служатъ предметомъ суевѣрнаго поклоненія. По мнѣнію мѣстныхъ жителей, умершіе посѣщаютъ своихъ родственниковъ и невидимо присутствуютъ при всѣхъ важныхъ домашнихъ событіяхъ, почему сургутяне вообще ко всѣмъ покойникамъ относятся съ глубокимъ уваженіемъ, исключая лишь самоубійцъ. Исходя изъ того убѣжденія, что самоубійца осужденъ вѣчно ходить по землѣ, не зная покоя, и во время своихъ путешествій строить людямъ всевозможныя каверзы, сургутяне принимаютъ, для огражденія себя отъ козней подобнаго рода, различныя мѣры, изъ которыхъ самой дѣйствительной считается переломать такому покойнику руки и ноги и тѣмъ лишить его возможности бродить по бѣлу свѣту; такъ именно поступили съ однимъ казакомъ, лѣтъ 10—12 назадъ повѣсившимся: послѣ всевозможныхъ издѣвательствъ надъ трупомъ, ему переломали руки и ноги и зарыли въ навозныхъ кучахъ близъ рѣчки.

Во всѣхъ трудныхъ случаяхъ жизни, напримѣръ, при серьезной болѣзни, которой не въ силахъ помочь своя лекарка, сургутяне обращаются къ остяцкимъ знахарямъ, и тѣ имъ шаманятъ. Эти знахари пользуются широкой и громкой популярностью въ округѣ. Лично намъ не случалось встрѣчаться съ ними, и потому мы не можемъ сказать ничего о приемахъ и средствахъ ихъ леченія, кромѣ того, что однимъ изъ самыхъ дѣйствительныхъ средствъ считается заклятіе шаманомъ больнаго.

Насколько мы могли замѣтить, внѣшней, обрядовой сторонѣ религіи мѣстные жители придаютъ большое значеніе: они усердно посѣщаютъ церковь, строго соблюдаютъ посты и т. д. Что-же касается самой сущности религіи и ея догматовъ, о нихъ имѣется очень отдаленное, смутное представленіе; напримѣръ, для большинства сургутянъ рѣшительно непонятна идея о единомъ Богѣ, они всегда смѣшиваютъ всѣхъ угодниковъ съ самимъ Богомъ—спросите сургутянина, кто такой Николай Чудотворецъ или Георгій, и онъ, не задумываясь, отвѣтитъ, что и тотъ, и другой Богъ. Также мало понимаютъ они и значеніе иконъ: для нихъ Богъ и икона—одно и то же. Намъ не разъ приходилось объяснять знакомымъ различіе между Богомъ и святыми и значеніе иконы по догматамъ православія и всегда насъ слушали съ видимымъ недоумѣніемъ, а разъ даже прямо заявили, что думать такъ можетъ только еретикъ. При дикости и нелѣпости своихъ религіозныхъ понятій, сургутянинъ вдобавокъ еще до крайности нетерпимъ во всѣхъ религіозныхъ вопросахъ, и всякое мнѣніе, не согласное съ его взглядами, вызываетъ въ немъ злобу и раздраженіе.

Степени и характера религіозности остяковъ мы не будемъ касаться, ибо лично не наблюдали ихъ съ этой стороны, говорить же съ чужихъ словъ объ этомъ предметѣ считаемъ неумѣстнымъ.

На вопросъ объ уровнѣ нравственнаго развитія сургутянъ мы затрудняемся категорически отвѣтить. Такія понятія, какъ нравственность, очень растяжимы, и каждый придаетъ имъ свой собственный смыслъ, который считаетъ наиболѣе истиннымъ. Если подѣ нравственностью понимать *сознательное* отношеніе къ добру и злу, приложеніе къ своимъ и чужимъ поступкамъ извѣстнаго,

определеннаго нравственнаго критерія, способность сознательно отрекаться от своихъ интересовъ и выгодъ въ пользу другихъ, то, конечно, о нравственности сургутянъ не можетъ быть и рѣчи, ибо для этого они не обладаютъ самымъ главнымъ, безусловно необходимымъ *conditio sine qua non*—*сознательнымъ отношеніемъ къ себѣ и другимъ*. Если-же мѣриломъ брать количество преступлений, совершаемыхъ населеніемъ, то сургутяне окажутся людьми въ высшей степени нравственными, такъ какъ среди нихъ воровство очень рѣдко, о грабежахъ, убійствахъ, поджогахъ и понятія не имѣютъ. Между этими двумя крайними выводами возможенъ цѣлый рядъ другихъ, занимающихъ средину.

Сургутянинъ не грабитъ и не убиваетъ—таковъ фактъ, но жестоко ошибся-бы тотъ, кто предположилъ-бы, что подкладка этого факта нравственная. Конечно, сургутянинъ знаетъ, что убивать грѣхъ, но удерживаетъ его отъ преступленія не это соображеніе, а просто ненужность, безцѣльность подобнаго дѣйствія, такъ какъ при наличности тѣхъ условій, среди которыхъ живетъ, онъ имѣетъ возможность всѣ существующія у него потребности удовлетворять, не прибѣгая ни къ грабежу, ни къ убійству, его жизнь слишкомъ проста, чтобы его могли соблазнять такіе во всякомъ случаѣ рискованные поступки. Другое дѣло—надувательство, обманъ; сургутянинъ также прекрасно знаетъ, что надувать ближняго значитъ совершать пакость, знаетъ это по личному опыту—не даромъ-же онъ всегда такъ сердится и такъ нехорошо ругается, когда его принадуетъ пріятель сосѣдъ,—и, не смотря на такое сознаніе, при первомъ удобномъ случаѣ надуетъ своего ближняго, онъ перестанетъ быть самимъ собой, если не сдѣлаетъ этого—упустить случай провести кого-нибудь—значитъ заявить себя окончательнымъ дуракомъ. Вообще, надувательство и обманъ въ большомъ ходу въ Сургутѣ, и все это дѣлается съ замѣчательной простотой и откровенностью—обманувши своего сосѣда, онъ идетъ хвастаться этимъ, какъ подвигомъ.

Гостепрѣимство считается обыкновенно однимъ изъ признаковъ высокой нравственности населенія. Гостепрѣимны-ли сургутяне? И да, и нѣтъ. Пріѣдетъ къ нимъ пріѣзжій русскій человѣкъ, въ

которомъ они могутъ быть такъ или иначе заинтересованы, и они радушно примутъ гостя, напоятъ его чаемъ, пожалуй, даже угостятъ шаньгой съ рыбимъ жиромъ. Но приди къ тому-же сургутянину остякъ, и онъ не всегда пуститъ его даже въ комнату, очень рѣдко дастъ ѣсть, не иначе, какъ по просьбѣ остяка, и никогда не посадитъ послѣдняго ѣсть вмѣстѣ съ собой. Или такой фактъ. Остановился у города пароходъ, переполненный переселенцами, ѣхавшими изъ Россіи въ глубь Сибири на новыя мѣста. Переселенцы, изморенные, въ лохмотьяхъ, съ грудными ребятами на рукахъ, разбрелись по городу просить хлѣба Христа-ради. Съ грустью должны сознаться, что очень немногіе подали хлѣба, большинство-же ограничилось глумленіемъ надъ лаптями и лохмотьями просившихъ. Очевидно, накормить странника—правило, котораго не имѣется въ нравственномъ кодексѣ сургутянъ. Не имѣется тамъ и другаго правила—не оставлять въ опасности ближняго. Въ декабрьскій морозъ на улицѣ валяется пьяный остякъ, ему грозитъ опасность замерзнуть, и никто изъ проходившихъ мимо сургутянъ и не подумалъ поднять его: велика важность, если и замерзнетъ остякъ!

Наконецъ, сургутянинъ любитъ выпить; правда, эта любовь не переходитъ въ пьянство, какъ у остяка, за водку готоваго продать и душу, и тѣло, но безъ вина ему и праздникъ не въ праздникъ, и веселье не въ веселье. По этому поводу намъ припоминается одна сургутская масляница, во время которой во всемъ городѣ не было ни капли водки. Всѣ ходили мрачно, опутивъ головы, у всѣхъ былъ такой грустный и подавленный видъ, точно ихъ гнететъ какое-то страшное горе. На вопросъ о причинѣ грусти въ праздничное время, они отвѣчали: „Что и за масляница, коли она сухая!“ Женщины также не прочь выпить, тѣмъ не менѣе, повторяемъ, пьянства, въ обычномъ смыслѣ этого слова, нѣтъ въ Сургутѣ.

Что касается нравственной фізіономіи остяковъ, то въ этомъ отношеніи намъ приходится ограничиться о нихъ отзывами самихъ сургутянъ. По ихъ словамъ, остякъ „очень ужъ простъ“, т.-е. черзчуръ ужъ честенъ и довѣрчивъ: онъ не украдетъ и не обманетъ ни своего брата, ни русскаго торговца, у котораго находится

въ кабаль. Остякъ—человѣкъ грубый, крайне жестокой, вспыльчивый и раздражительный, къ тому-же и пьяница, зато онъ работящъ („здоровъ, собака, работать!“), предупредителенъ, всегда дѣлится съ нуждающимся и оказываетъ помощь ближнему.

Отношенія сургутянъ другъ къ другу, если не считать обычныхъ обмановъ и подвоховъ, довольно сносныя и мирныя. Тѣхъ безобразныхъ столкновений, ссоръ и дракъ, съ которыми встрѣчаешься въ каждомъ городѣ и даже большинствѣ деревень Тобольской губ., здѣсь не увидишь. Бываютъ, конечно, и здѣсь недоразумѣнія, но они носятъ сравнительно мирный характеръ и какъ-то быстро улаживаются. Очень возможно, что это явленіе надо объяснять тѣмъ, что большинство сургутянъ—казаки, и потому имъ нечужды извѣстныя товарищескія обязательства другъ къ другу; также и чувство дисциплины имѣетъ, вѣроятно, свое значеніе.

Отношеніе къ пришлому русскому люду или безразличное, когда человѣкъ не занимаетъ вліятельнаго поста, или-же заискивающее, когда сургутянинъ чувствуетъ въ немъ нужду или находится въ зависимости отъ него. Совершенно обратное наблюдается по отношенію къ инородцамъ. Изобидѣтъ инородца, остяка или самоѣда, сургутянинъ считаетъ такимъ простымъ и естественнымъ дѣломъ, о которомъ и разговаривать не стоитъ. Для него инородецъ существо низшее, „собака“, имъ всѣ гнушаются, считая его поганымъ. По отношенію къ остяку все дозволительно, всякій самый жестокой и безобразный поступокъ съ нимъ ни въ комъ не вызываетъ ни гнѣва, ни порицанія. Въ Сургутѣ не рѣдкость видѣть, какъ на улицѣ издѣваются надъ остякомъ, какъ мальчишки запускаютъ въ него льдинами, травятъ собаками и т. п. Мы знали одного казака, у котораго битые остяковъ положительно обратилось въ какую-то манію, и который, встрѣчая остяка, непременно бьетъ его, причемъ норовитъ ударить такъ, чтобы тотъ сразу сталъ головой въ снѣгъ. Или такая, на примѣръ, картина: ѣдетъ утромъ изъ города запоздавшій на ярмаркѣ самоѣдъ, оставшій отъ товарищей; безъ всякаго повода къ нему на нарти вскакиваетъ парень и сильно, съ ожесточеніемъ начинаетъ бить его

въ спину; самоѣдъ молчитъ, только пригибаетъ голову да погоняетъ оленей; выѣхавши за околицу, парень соскочилъ съ нарти, самоѣдъ-же, отъѣхавши подальше, обернулся по направленію къ городу и погрозилъ кулакомъ. Всѣ, видѣвшіе эту сцену, остались много довольны даровымъ зрѣлищемъ и хвалили парня за удалъ и смѣлость.

Даже смерть остяка не сдерживаетъ сургутянина, и онъ продолжаетъ смотрѣть на остяка, какъ на тварь, только теперь эта тварь стала еще падалью. Не смотря на религіозное почтеніе къ покойникамъ вообще, они позволяютъ себѣ издѣвательства и глумленіе надъ трупомъ остяка. Вотъ характерная для Сургута и его жителей сценка, свидѣтелемъ которой намъ пришлось быть. Шумно, съ гикомъ несутся по улицѣ дровни съ поставленнымъ на нихъ гробомъ, верхомъ на которомъ сидятъ два молодыхъ казака. При поворотѣ въ переулочекъ дровни раскатываются, ударяются объ уголь дома, и казаки вмѣстѣ съ гробомъ вылетаютъ вонъ изъ дровней, причемъ гробъ раскрылся и изъ него выпалъ на снѣгъ трупъ остяка. Съ хохотомъ и остротами, съ приправой восклицанія: „изви тебя, остяцкая морда!“ и т. п., парни уложили покойника въ гробъ и поѣхали дальше. Пока парни возились съ трупомъ, около нихъ собралась порядочная кучка народу, среди которой не нашлось ни одного человѣка, кто возмущился-бы подобнымъ безобразіемъ, за то многіе приняли живѣйшее участіе въ немъ. Впослѣдствіи мы узнали, что это везли изъ больницы трупъ остяка въ церковь для погребенія. Нельзя сказать, чтобы всѣ сургутяне и всегда относились такимъ образомъ къ инородцамъ. Бывали случаи, что даже въ торговцахъ, всю жизнь притѣснявшихъ и обиравшихъ инородцевъ, вдругъ начинала говорить совѣсть, и они круто измѣняли свои отношенія къ нимъ. Такъ было, на примѣръ, съ однимъ изъ самыхъ богатыхъ сургутянъ. Сорокъ лѣтъ торговалъ онъ съ инородцами, буквально грабилъ ихъ и такимъ путемъ нажилъ себѣ большое состояніе; его собратья и все населеніе считало его самымъ ловкимъ, оборотистымъ человѣкомъ, умѣющимъ всякое дѣло обдѣлать. Однажды, на ярмаркѣ ему особенно повезло—говорятъ „сразу зашибъ тысячъ пятнадцать“, но не радовала его на

этотъ разъ удача, онъ вдругъ затосковалъ. Сорокъ лѣтъ онъ не зналъ, что такое совѣсть, сорокъ лѣтъ она въ немъ спала, а тутъ вдругъ пробудилась и стала грызть его душу. Ему припомнилось все, что онъ продѣлывалъ съ инородцами, каждый обманъ, каждое надувательство. Всякому встрѣчному онъ каялся въ своихъ прегрѣшеніяхъ, говорилъ, что торговля загубила его душу, что ему не будетъ мѣста на томъ свѣтѣ и т. д. Ему видѣлись загубленные имъ, ограбленные жертвы. Торговлю онъ бросилъ, сталъ молиться Богу и такъ прожилъ еще года два, постепенно хирѣя и угасая; передъ смертью сдѣлалъ такое завѣщаніе: онъ, какъ великій грѣшникъ, недостоевъ лежать на кладбищѣ вмѣстѣ съ другими, а потому пусть его похоронятъ въ кладбищенскихъ воротахъ, чтобы каждый проходящій, даже послѣдній остякъ попиралъ его прахъ ногами. Завѣщаніе было въ точности исполнено. И подобный случай пробужденія совѣсти въ людяхъ, повидимому, законренѣлыхъ и руководящихся только низменными инстинктами похоти и наживы, не единственный въ Сургутѣ. Къ слову сказать, такіе факты доказываютъ съ очевидностью, что въ душѣ сургутянина таится много хорошихъ задатковъ, при благопріятныхъ условіяхъ могущихъ развернуться и придать ему совершенно иной нравственный обликъ.

Инородцы отлично сознаютъ, какъ враждебно и презрительно относятся къ нимъ русскіе, и въ свою очередь платятъ имъ тѣмъ же, хотя наружно и высказываютъ глубочайшее уваженіе. Вслѣдствіе именно такого характера взаимныхъ отношеній, самоѣды никогда не въѣзжаютъ въ городъ иначе, какъ партіями, да и то вечеромъ, когда горожане уже разбрѣдутся по домамъ, и улицы пусты; за то и сургутянинъ не всякій рѣшится пойти безъ ножа или ружья въ самоѣдское становище. По этой-же причинѣ и торговля въ ярмаркѣ производится ночью, т. е., повидимому, въ самое неудобное время. Остяки бывають въ городѣ и днемъ, и даже въ одиночку, хотя все-таки предпочитаютъ ходить партіями.

Семейный бытъ сургутянъ простъ и патриархаленъ. Мужъ — глава дома, и ему безпрекословно и покорно подчиняются все. Власть поддерживается при помощи кулака, отъ котораго въ семьѣ

никто не избавленъ, а женщины, пожалуй, даже чаще другихъ испытываютъ на себѣ его дѣйствіе, такъ-какъ больше находятся дома. Вообще, въ семейномъ быту сургутянинъ суровый и жестокой деспотъ, не терпящій противорѣчій, а тѣмъ менѣе ослушаній. Положеніе женщины очень тяжело: все домашнія и многія другія работы лежатъ на ней, и она съ утра до ночи не имѣетъ отдыха; въ ея жизнь не проникаетъ ни одного луча свѣта, могущаго хоть сколько-нибудь скрасить ее. Взрослыя дѣти поставлены нѣсколько лучше: сыновья, находясь большей частью внѣ дома, ведутъ сравнительно независимую жизнь; дѣвушки-же вполне раздѣляютъ участь матери.

Отношенія половъ между собой, говоря относительно, свободны и просты, и сургутская молодежь не отличается пуританской строгостью. Дѣвушка, имѣющая дѣтей—явленіе, совсѣмъ нерѣдкое, и это обстоятельство ничуть не мѣшаетъ ей выйти замужъ. „Извѣстно, дѣло молодое, дѣвичье“, говорятъ по этому поводу сургутяне—„вѣнецъ все прикроетъ“. Но разъ дѣвушка вышла замужъ всякой свободѣ отношеній конецъ, и рѣдко можно встрѣтить замужнюю женщину, которая „гуляла-бы на сторонѣ“. Это считается однимъ изъ тяжкихъ грѣховъ, и такая женщина пользуется общимъ презрѣніемъ. Проституціи въ собственномъ смыслѣ не существуетъ; хотя въ полиціи каждая дѣвушка, имѣющая дѣтей, и считается проституткой, но сургутяне, не придаютъ этому никакого значенія, развѣ только кто-нибудь подсмѣется надъ такой дѣвушкой, но и то добродушно.

Общественныя увеселенія въ Сургутѣ въ большомъ ходу. Зимой, въ свободное время, постоянно собираются вечерки, на которыхъ поютъ пѣсни и пляшутъ. Танцы неуклюжи и нелѣпы—въ нихъ часто подражаютъ движеніямъ различныхъ животныхъ и птицъ. На Рождественскихъ праздникахъ молодежь, какъ и въ другихъ городахъ, маскируется и толпами ходитъ изъ одного дома въ другой, причѣмъ разыгрываются маскированными цѣлыя сцены, изъ которыхъ наибольшей популярностью пользуются „Царь Максимилианъ“ и „Лѣнвивый баринъ“, Богъ вѣсть когда и кѣмъ занесенныя въ Сургутъ.

VII.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Причины возникновенія Сургута.—Что дала краю русская колонизація.—Условія развитія края.

На предыдущихъ страницахъ мы старались съ различныхъ сторонъ обрисовать народную жизнь, ея условія и формы въ Сургутскомъ краѣ. Въ общемъ получается невеселая картина: куда-бы ни взглянули, вездѣ представляется убожество, на всемъ лежитъ печать какой-то фальши, ненужности.

Въ самомъ дѣлѣ, какія условія загнали горсточку русскихъ въ лѣсную трущобу, населенную дикарями? Чѣмъ прельстила русскихъ людей вѣчно мерзлая, пустынная тундра? Мы думаемъ, въ самыхъ условіяхъ возникновенія Сургута слѣдуетъ искать разгадки того, что современнаго наблюдателя часто приводитъ въ крайнее недоумѣніе.

Сургуть не выросъ естественнымъ путемъ, изъ народныхъ потребностей, онъ явился вполне искусственнымъ созданіемъ, продуктомъ административно-военныхъ соображеній. Мѣстныя условія ничѣмъ не оправдывали его возникновенія и ничего не могли дать для поддержанія его, и правительству пришлось, создавши городъ еще и содержать его на свой счетъ. Дикари, для обузданія строптивости которыхъ понадобилось образование казачьяго поселенія, давно были не только усмирены, но и доведены до покорности домашняго животнаго; въ казачьей командѣ давно миновала надобность, а казна продолжала тратить и тратить деньги на Сургуть—кормила его населеніе, одѣвала и платила ему хоть немного. Когда, много лѣтъ спустя, для всѣхъ стало очевиднымъ, что Сургуть вовсе не „грозный острогъ“, а просто „пустое мѣсто“, его стали населять новымъ элементомъ—каторжниками, отбывшими срокъ наказанія, а деньги все-таки тратились и тратились. Наконецъ, въ 60-хъ годахъ была прекращена туда уголовная ссылка, а въ 80-хъ—уничтожена казачья команда, и начали постепенно уменьшаться размѣры правительственной помощи насе-

ленію, пройдетъ еще десятокъ—другой лѣтъ, и населеніе будетъ вполне предоставлено собственнымъ силамъ и участи. Не смотря на всѣ затраты, на всѣ усилія сдѣлать изъ Сургута какой-то центръ, онъ какъ былъ, такъ и остался пустымъ мѣстомъ до-днесь.

Что-же дала краю такая колонизація? Ничего въ смыслѣ положительномъ. Будучи поставлено сразу въ условія, совершенно не похожія на тѣ, въ которыхъ оно жило прежде, населеніе, естественно, не могло сразу приспособиться къ новымъ требованіямъ жизни. Благодаря самому положенію своему въ качествѣ завоевателей, да еще живущихъ на счетъ казны, казаки навсегда остались чуждыми мѣстному населенію и его интересамъ. Притомъ-же и оторванность отъ остальнаго міра оказала свое вліяніе, и населеніе постепенно начало утрачивать основныя черты прежняго образа жизни и характера. Казенное содержаніе давало возможность жить, не работая или работая возможно мало, сосѣдство „очень ужъ простаго дикаря—съ одной стороны, и досугъ, который дѣлать некуда—съ другой, все это измѣняло казака, постепенно прививало ему тѣ несимпатичныя черты, которыя замѣчаются въ немъ теперь—лѣность, жадность къ деньгамъ, презрѣніе къ труду. Подъ вліяніемъ такой обстановки, потребности все болѣе и болѣе сокращались, земледѣльческія занятія оставлены—ихъ замѣнили промыслы, общеніе съ инородцами привило новыя черты, и населеніе обострилось и утратило многое изъ того, что принесло съ собой—его культура была побѣждена культурой остяковъ. Такимъ образомъ, сами сургутяне не только ничего не выиграли отъ занятія края, а, напротивъ, утратили даже то, что имѣли раньше.

Еще меньше выиграло отъ этой колонизаціи коренное населеніе края—остяки. Выше мы уже видѣли, въ какомъ состояніи живетъ теперь остякъ, а между тѣмъ, по немногимъ, дошедшимъ до насъ, историческимъ даннымъ, это племя, въ моментъ появленія русскихъ на сѣнѣ, представляло собою сильный, богатый, хорошо живущій народъ; его культура въ то время была выше теперешней. И все это принесено въ жертву русской колонизаціи: вмѣсто сильнаго и богатаго племени, осталось нѣсколько тысячъ нищихъ, спустившихся почти до скотскаго существованія, оборван-

ныхъ, пьяныхъ, страдающихъ сифилисомъ и тому подобными болѣзнями.

По-истинѣ грустные результаты! Стоило-ли ради нихъ колонизовать край? Намъ могутъ возразить, что это неизбежный результатъ *всякой* колонизаціи: всегда высшая культура, побѣждая низшую, уничтожаетъ представителей послѣдней путемъ слиянія двухъ племенъ, или путемъ постепеннаго вымиранія низшей расы—таковъ законъ природы. Пусть будетъ такъ, но вѣдь въ данномъ случаѣ передъ нами явленіе совершенно иного рода: представители *высшей* культуры побѣждены представителями *низшей* и въ значительной степени восприняли ее: это во-первыхъ; а во-вторыхъ, мы видимъ рядомъ двухъ колонистовъ: городского сургутянина и деревенскаго, почему они представляютъ собою два различныхъ типа? Почему деревенскій, хотя медленно, съ трудомъ, но все-таки подчиняетъ себѣ природу и отвоевываетъ у ней все больше простора для существованія по собственному выбору, а горожанинъ, наоборотъ, все болѣе и болѣе подчиняется ей, отказываясь отъ всего того, что не соотвѣтствуетъ вполнѣ внѣшнимъ условіямъ?

Темно прошлое сургутскаго края, неприглядно и его настоящее. Что-же ждетъ его въ будущемъ? Сольется-ли русскій съ остякомъ, и ихъ развитіе пойдетъ совмѣстно, или остякъ окончательно вымретъ, уступивъ ему свое мѣсто? Трудно, конечно, заглядывать въ будущее народа вообще, а тѣмъ болѣе народа, о которомъ такъ мало еще собрано фактическихъ данныхъ, тѣмъ не менѣе мы рѣшаемся высказаться объ этомъ предметѣ. Принимая во-вниманіе все, что извѣстно намъ объ этомъ краѣ, мы приходимъ къ печальнымъ выводамъ.

Сургутянинъ¹⁾ уже и теперь жалуется, что жить становится все труднѣе—казенная помощь скоро совсѣмъ прекратится, доходность промысловъ уменьшается съ каждымъ годомъ. Такимъ образомъ, хотя населеніе пока еще и живетъ богато, но въ недалекомъ будущемъ его ждетъ кризисъ, исходъ котораго очень сомни-

¹⁾ Здѣсь мы беремъ въ расчетъ только городское населеніе, такъ какъ нѣсколько сотъ крестьянъ, разбросанныхъ по округу на тысячи верстъ, врядъ-ли могутъ играть серьезную роль въ жизни края.

теленъ. Надѣяться на торговлю съ инородцами также не придется—съ нихъ уже и теперь мало что можно взять, а съ уменьшеніемъ доходовъ отъ промысловъ и вовсе ничего не возьмешь. Придется и русскимъ, и остякамъ прискивать новые источники существованія, которые болѣе удовлетворяли-бы ихъ, нежели промыслы. Надѣяться на усилѣхъ такихъ поисковъ очень трудно—ужь если теперь они не умѣютъ пользоваться окружающими ихъ природными богатствами, то тогда, когда предпріятія крупныхъ рыбопромышленниковъ и иныхъ представителей капитала еще больше разовьются, имъ и совсѣмъ не по силамъ будетъ справиться съ этой задачей. Придется подчиниться теченію событій, т.-е. подвергнуться медленному вымиранію—мы имѣемъ въ виду не однихъ остяковъ, но и русскихъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ замретъ и край: капиталъ, исполнивъ свое назначеніе и быстро ограбивъ внѣшнюю природу, уйдетъ въ другое, болѣе подходящее мѣсто.

Таково, по нашему мнѣнію, вѣроятное будущее края. Предотвратить его возможно только двумя путями: измѣненіемъ внѣшнихъ условій народной жизни, развитіемъ среди русскаго и остяцкаго населенія края знаній въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова—умственныхъ и нравственныхъ, тогда, обогащенный знаніями, имѣя основой своей жизни такія формы, какъ община и артель, сургутянинъ съумѣетъ выбиться на прямой путь прогресса; или-же надо вызвать новый притокъ колонистовъ, но на этотъ разъ вольныхъ, богатыхъ энергіей и знаніемъ; такіе колонисты могли-бы оживить край, вдохнуть въ него душу. Иного выхода мы не видимъ, а такъ какъ ни на внезапное развитіе, ни на потокъ колонизаціоннаго движенія въ ближайшемъ будущемъ рассчитывать нельзя, то будущее описаннаго нами края, по нашему мнѣнію,—это медленное, мучительное вымираніе.

С. Швецовъ.

ЗЕМЛЕТРЯСЕНІЯ ВЪ Г. ВЪРНОМЪ

СЕМИРЪЧЕНСКОЙ ОБЛАСТИ.

(СООБЩЕНІЕ, СДѢЛАННОЕ ВЪ ПУБЛИЧНОМЪ СОБРАНІИ ОТДѢЛА 3-го АВГУСТА 1887 г.)

Оставляя совершенно въ сторонѣ теоретическія соображенія о причинахъ землетрясеній, господствующихъ въ наукѣ, и различныя апріорныя предположенія, впадающія въ большинствѣ случаевъ въ область гипотезъ, и полагая, что одно фактическое изложеніе событій, повергающихъ въ ужасъ массы людей и животныхъ и наводящихъ панической страхъ, само по себѣ можетъ составить интересъ для сообщенія, перейдемъ прямо къ обзору землетрясеній.

Примѣчаніе. Свѣдѣнія о землетрясеніяхъ заимствованы нами съ Вѣрненской метеорологической станціи, — изъ различныхъ корреспонденцій „Туркест. Вѣд.“ и отъ одного изъ старожиловъ г. Вѣрнаго П. М. Зенкова.

КРАТКІЙ ОБЗОРЪ ЗЕМЛЕТРЯСЕНІЙ ВЪ Г. ВЪРНОМЪ
ЗА ПОСЛѢДНІЕ 20 ЛѢТЪ (1868—1887 г.).

ПЕРЕЧЕНЬ ЗЕМЛЕТРЯСЕНІЙ.

- 1) Въ 1868 г., 17-го августа, около 12 ч дня довольно сильное, чувствовалось одновременно и въ Ташкентѣ.
- 2) Въ 1871 г., 19-го іюня, въ 5 ч 35' утра два послѣдовательныхъ толчка съ подземнымъ гуломъ.
- 3) Въ 1872 г., 14-го іюля, въ 5 ч вечера слабое, но довольно продолжительное.

- 4) Въ 1872 г., 20-го декабря, въ 7 h утра слабое, но продолжительное.
- 5) Въ 1874 г., 6-го января, въ 8 h утра довольно сильное, одновременно чувствовалось въ Караколѣ и Кульджѣ.
- 6) Въ 1874 г., 7-го мая, въ 10 h вечера легкое.
- 7) Въ 1878 г., 2-го іюня, въ 11 h утра легкое.
- 8) Въ 1878 г., 14-го сентября, въ 7 h 9' утра въ видѣ толчковъ продолжительностью до 2".
- 9) Въ 1878 г., 17-го ноября, въ 5 h 30' утра нѣсколько послѣдовательныхъ толчковъ.
- 10) Въ 1879 г., 24-го декабря, въ 11 h вечера легкое съ подземнымъ гуломъ.
- 11) Въ 1880 г., 20-го ноября, въ 4 h 15' утра сильное, продолжительностью до 15" съ ударами и подземнымъ гуломъ.
- 12) Въ 1881 г., 26-го января, въ 1 h 55' дня легкое.
- 13) Въ 1881 г., 29-го января, въ 11 h 20' дня легкое, продолжительностью до 3" съ подземнымъ гуломъ, отвѣсъ качался съ NW на SO.
- 14) Въ 1881 г., 29-го января, въ 4 h утра легкое.
- 15) Въ 1881 г., 31-го января, въ 11 h вечера довольно легкое.
- 16) Въ 1881 г., 4-го февраля, въ 4 h 36' утра легкое.
- 17) Въ 1881 г., 26-го февраля, въ 4 h 30' утра легкое съ подземнымъ гуломъ, продолжительностью до 1,5", отвѣсъ качался съ W на O.
- 18) Въ 1881 г., 23-го ноября, въ 4 h утра легкое, безъ подземнаго гула, продолжительностью до 2".
- 19) Въ 1882 г., 13-го ноября, въ 3 h 30' утра легкое съ подземнымъ гуломъ, продолжительностью до 3", отвѣсъ качался съ W на O.
- 20) Въ 1883 г., 7-го февраля, въ 5 h 30' утра легкое съ подземнымъ гуломъ, продолжительностью до 3".

- 21) Въ 1883 г., 23-го марта, въ 10 h 40' утра легкое съ подземнымъ гуломъ, продолжительностью до 3", отвѣсъ качался съ W на O.
- 22) Въ 1883 г., 27-го декабря, въ 7 h утра легкое, продолжительностью до 2".
- 23) Въ 1883 г., 28-го декабря, въ 2 h 25' утра довольно сильное съ подземнымъ гуломъ, продолжительностью до 7", отвѣсъ качался съ SW на NO.
- 24) Въ 1884 г., 7-го января, въ 3 h утра легкое.
- 25) Въ 1884 г., 17-го февраля, въ 4 h 45' утра легкое съ подземнымъ гуломъ, продолжительностью до 3", отвѣсъ качался съ NW на SO.
- 26) Въ 1884 г., 1-го марта, въ 10 h 7' утра довольно сильное, въ видѣ нѣсколькихъ толчковъ, продолжительностью до 7", отвѣсъ качался съ W на O, одновременно чувствовалось въ Караколѣ и по берегамъ оз. Иссыкъ-куля.
- 27) Въ 1885 г., 22-го іюня, въ 3 h утра сильное съ подземнымъ гуломъ, продолжительностью до 37", въ направленіи съ W на O, одновременно съ землетрясеніемъ въ с. Бѣловодскомъ, Сукулукъ и Карабалтахъ.
- 28) Въ 1887 г., 28-го мая, въ 4 h 30' утра въ видѣ трехъ послѣдовательныхъ весьма сильныхъ колебаній съ продолжительностью до 2', въ направленіи съ SW на NO.
- Т. обр. съ 1868 по 1888 гг. для Вѣрнаго отмѣчено 28 землетрясеній. Въ дѣйствительности же, надо полагать, что число землетрясеній много больше, такъ какъ мелкія колебанія почвы не замѣчаются и могутъ быть констатированы только при помощи механически-дѣйствующихъ приборовъ.
- Слѣдовательно землетрясенія въ Вѣрномъ не составляютъ рѣдкаго явленія, а, напротивъ, наблюдались довольно часто. Среднимъ числомъ въ каждые пять лѣтъ семь землетрясеній, или другими словами чаще, чѣмъ по одному въ годъ.

Распределение землетрясений по отдельным годам
было далеко неравномерно, что видно изъ слѣдующей таблицы:

года.	число земл.	года.	число земл.
1868	1	1878	3
—69	0	—79	1
—70	0	—80	1
—71	1	—81	7
—72	2	—82	1
—73	0	—83	3
—74	2	—84	3
—75	0	—85	1
—76	0	—86	0
—77	0	—87	1

Изъ данной таблицы видно, что землетрясенія несравненно чаще повторялись въ года послѣдняго десятилѣтїа, чѣмъ перваго. Изъ 28-ми землетрясеній 22 или 78,6% приходятся на послѣднее десятилѣтїе и только 6, или 21,4% — на первое.

Въ первомъ десятилѣтїи лѣтъ свободныхъ отъ землетрясеній 6, а во второмъ одинъ 1886 годъ, предшествующій послѣднему землетрясенію.

Видимое учащеніе землетрясеній за послѣдніе года составляетъ фактъ, достойный замѣчанія.

По времени года землетрясенія наблюдались преимущественно зимою, почти въ три раза рѣже лѣтомъ и весьма рѣдко весною. Осень свободна отъ землетрясеній. Изъ 28-ми землетрясеній 19 или 67,8% приходятся на зиму, 2 или 7,2% — на весну и 7 или 25,0% — на лѣто.

Примѣчаніе. Для Вѣрнаго зимними мѣсяцами должны считаться, по ихъ средней температурѣ, ноябрь, декабрь, январь и февраль; весенними: мартъ и апрѣль; лѣтними: май, іюнь, іюль и августъ, и осенними: сентябрь и октябрь.

По мѣсяцамъ года землетрясенія слѣдовали въ такомъ порядкѣ:

въ январѣ	6	въ іюлѣ	2
„ февралѣ	4	„ августѣ	1
„ мартѣ	2	„ сентябрѣ	0
„ апрѣлѣ	0	„ октябрѣ	0
„ маѣ	2	„ ноябрѣ	5
„ іюнѣ	2	„ декабрѣ	4

Изъ таблицы видно, что землетрясенія наблюдались по преимуществу съ ноября по февраль и совершенно не наблюдались въ апрѣлѣ, сентябрѣ и октябрѣ.

Въ распределеніи числа землетрясеній *по времени сутокъ* замѣчается нѣкоторая періодичность повторенія, что видно изъ слѣдующей таблицы:

часы.	число земл.	часы.	число земл.
12 ночи	0	12 дня	2
1 „	0	1 „	0
2 „	0	2 „	1
3 „	2	3 „	0
4 „	4	4 „	0
5 „	5	5 „	1
6 утра	3	6 вечера	0
7 „	2	7 „	0
8 „	2	8 „	0
9 „	0	9 „	0
10 „	0	10 „	1
11 „	3	11 „	2

Изъ таблицы видно, что землетрясенія наблюдались по преимуществу съ 3-хъ и до 9 часовъ утра; изъ 28-ми землетрясеній 18 или 64,2% приходятся на эти часы; къ полудню наблюдалось второе учащеніе землетрясеній, изъ 28-ми пять или 17,8% приходятся на 11-й и 12-й часы дня. Затѣмъ по одному землетрясенію наблюдалось во 2-мъ и 5-мъ дня, случаи исключительные, со-

ставляющіе 7,7‰; къ полуночи наблюдается третье учащеніе, изъ 28-ми 3 или 10,7‰ приходятся на 10-й и 11 часы ночи.

Свободными отъ землетрясеній оказываются часы 12-й, 1-й и 2-й ночи, 9 и 10-й утра, 1, 3 и 4-й дня и 6, 7, 8 и 9-й вечера, что въ сложности составитъ какъ разъ половину сутокъ.

Продолжительность землетрясеній указана только для половины бывшихъ землетрясеній и колебалась отъ 2' до 1,5 минут. Вообще же слѣдуетъ замѣтить, что землетрясенія послѣднихъ лѣтъ были значительно продолжительнѣе прежнихъ.

Направленіе землетрясеній изъ 28-ми указано только для девяти и притомъ западное направленіе, параллельное массиву Запѣйскаго-алатау, а именно: 5 разъ съ W на O и по 2 раза съ NW на SO и съ SW на NO.

На основаніи данныхъ наблюденій, хотя и немногочисленныхъ, можно предположить, что западное направленіе, параллельное горному хребту, есть преобладающее.

Разрушительная сила землетрясеній до послѣдняго времени проявлялась слишкомъ слабо, почти незамѣтно. Такъ, изъ 28-ми землетрясеній 21 или 75,0‰ были такъ слабы, что разрушительное вліяніе ихъ на зданія видимымъ образомъ не проявлялось и только 6 землетрясеній или 21,4‰ сопровождалось незначительными трещинами штукатурки, а иногда и стѣнъ каменныхъ зданій.

Изъ 6-ти сильныхъ землетрясеній 2 приходятся на первое и 4 сильныхъ и одно разрушительное землетрясенія на послѣднее десятилѣтіе.

Т. обр. проявленіе сейсмическихъ силъ въ Вѣрномъ сказалось не только болѣе частыми, но и болѣе сильными землетрясеніями послѣдняго времени, а въ настоящемъ году закончилось уже прямо сейсмическою бурей.

Промежутки времени между сильными землетрясеніями съ теченіемъ времени рѣзко уменьшились. Такъ, между первыми тремя сильными землетрясеніями промежутокъ былъ 5 лѣтъ и нѣсколько мѣсяцевъ, изъ нихъ по три года были совершенно свободны отъ землетрясеній, слабыхъ же колебаній почвы въ первый промежутокъ наблюдалось 3, а во второмъ 4. Между третьимъ и четвертымъ землетрясеніями прошло два года и слабыхъ колебаній за это же время наблюдалось семь. Между четвертымъ и пятымъ промежутокъ два мѣсяца и наблюдалось два слабыхъ колебанія. Между пятымъ и шестымъ прошло годъ и четыре мѣсяца, слабыхъ колебаній не наблюдалось. Между шестымъ и послѣднимъ, майскимъ землетрясеніемъ прошло годъ и десять мѣсяцевъ, слабыхъ колебаній не наблюдалось.

Изъ явленій, сопутствующихъ землетрясеніямъ, отмѣчался только подземный гулъ, который и отмѣченъ въ 12-ти изъ 28-ми и, за исключеніемъ послѣдняго землетрясенія, неизвѣстно, предшествовали ли подземный гулъ землетрясеніямъ, или сопровождалъ ихъ.

Во времени наступленія землетрясеній въ Вѣрномъ замѣчаются крайне близкія числа. Такъ, 17, 19, 13 ноября 1878, 1880 и 1882 г.; 4 и 6 февраля 1881 и 1883 гг.; 20, 24 и 27 декабря 1872, 1879 и 1883 гг.; 6 и 7 января 1874 и 1884 гг. и т. д.

Кончивъ т. обр. краткій обзоръ прежнихъ землетрясеній въ Вѣрномъ, перейдемъ къ очерку послѣдняго майскаго землетрясенія, составившаго въ лѣтописи Вѣрнаго общественное бѣдствіе, и сообщимъ факты и явленія, которые могли быть доступны обыкновенному наблюдателю и отмѣтимъ изъ предшествовавшихъ и сопутствующихъ землетрясенію явленій тѣ, которыя по весьма вѣроятной, хотя и отдаленной связи съ землетрясеніемъ, или, наконецъ, по своей необычайной рѣдкости заслуживаютъ вниманія.

ОЧЕРКЪ ЗЕМЛЕТРЯСЕНІЯ, БЫВШАГО ВЪ ВЪРНОМЪ
28-ГО МАЯ 1887 Г.

Изъ явленій, предшествовавшихъ землетрясенію, могутъ быть отмѣчены слѣдующія:

1) Въ теченіе предъидущаго 1886 г. и весною настоящаго года въ Вѣрномъ и ближайшихъ окрестностяхъ Заилійскаго-алатау выпало небывалое количество атмосферныхъ осадковъ. Къ сожалѣнію въ настоящую минуту, мы не можемъ привести цифровыхъ данныхъ; но во всякомъ случаѣ обиліе осадковъ за указанное время неподлежитъ сомнѣнію.

2) Весною нынѣшняго года, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ почвенная вода въ нижней, сѣверной части города выступила на поверхность земли, затопивъ по многимъ улицамъ подвалы и нижніе этажи домовъ. Такое необычайно-высокое стояніе почвенной воды наблюдалось сначала апрѣля до десятыхъ чиселъ мая, когда уровень воды сталъ рѣзко понижаться и въ половинѣ мая затопленные улицы уже обсохли и уровень почвенной воды къ этому времени достигъ не только своего обычнаго стоянія на глубинѣ отъ 1 до 3-хъ аршинъ, но напротивъ наблюдалось большое пониженіе уровня противъ обычнаго стоянія. Приведенныя показанія основаны на личныхъ наблюденіяхъ.

3) Показанія ртутнаго барометра въ дни предъ землетрясеніемъ были рѣзко непостоянны, амплитуда колебаній простиралась до 20-ти и болѣе миллиметровъ. Послѣ же землетрясенія барометръ стоялъ низко и мало колебался.

4) Въ виду необычайности и главное въ виду страннаго совпаденія съ землетрясеніемъ приведу и слѣдующее явленіе: вечеромъ 27-го мая, т.-е. наканунѣ землетрясенія солнце въ Вѣрномъ закатилось при явленіи весьма рѣзкаго и интенсивнаго окрашиванія западной части неба въ багрово-красный цвѣтъ, солнце имѣло видъ раскаленнаго до красна желѣза и лучей совершенно не давало, что весьма обыкновенному явленію придавало какой-то

зловѣщій видъ. Явленіе это было замѣчено многими, такъ было поразительно и истолковано въ смыслѣ наступленія бурной погоды, чему, какъ видѣли, не противорѣчили и показанія барометра.

5) Вечеръ и ночь на 28-е мая прошли повидимому спокойно, хотя нѣкоторые изъ жителей около 11 ч. вечера и замѣтили легкія колебанія почвы, сопровождавшіяся однако же звономъ стеклянной посуды и потрескиваніями въ деревянныхъ домахъ, но значенія этимъ колебаніямъ не придавали. Вы видѣли, какъ часты слабыя колебанія почвы въ Вѣрномъ.

Разсказываютъ даже и о звуковыхъ явленіяхъ, раздававшихся еще съ вечера 27-го мая въ ближайшихъ къ Вѣрному горахъ. Пасѣчникъ карагайлнскаго ущелья подъ влияніемъ звуковъ, раздававшихся въ горахъ и напоминавшихъ собою глухіе стоны, вывелъ семью изъ дома, вытащилъ часть имущества и, какъ оказалось потомъ, не напрасно. Утромъ 28-го мая пасѣка и домъ были разрушены и погребены подъ осыпями горныхъ склоновъ.

Не безынтересенъ въ данномъ случаѣ и слѣдующій, получившій въ Вѣрномъ большую извѣстность, разсказъ. У вдовы казачки въ Мал. станицѣ былъ сынъ нѣмой отъ рожденія, обыкновеннымъ занятіемъ котораго была игра на дудочкѣ. Наканунѣ землетрясенія мальчикъ сдѣлался скучнымъ, бросилъ дудочку и былъ неотступно при матери, постоянно потрясалъ руками, издавалъ звуки, напоминающіе громъ, и къ вечеру вытащилъ мать изъ избы, настоятельно не позволяя ей тамъ спать. Видимая прихоть мальчика спасла жизнь матери! Что мудренаго, что нѣмой мальчикъ владѣлъ сильно развитымъ слухомъ. Физиологія органовъ чувствъ даетъ множество примѣровъ того, что нѣмые владѣютъ особенно развитымъ чувствомъ слуха, слѣпые осязаніемъ и т. п.

Не могу пройти молчаніемъ и слѣдующаго явленія, обратившаго мое вниманіе среди другихъ явленій врачебной практики.

Нервно-больные люди въ дни предшествующіе землетрясенію

испытывали какое-то, непонятно-мучительное, тоскливое состояние духа, обусловленное м. б. и рѣзкими колебаніями атмосфернаго давленія. Но, во всякомъ случаѣ, не даромъ же сказалъ Молешоттъ, что „человѣкъ съ міромъ окружающихъ его явленій связанъ тысячами нитей“. И что удивительнаго, что нервно-больные, какъ болѣе воспримчивые и чуткіе къ внѣшнимъ раздраженіямъ и испытывали нѣчто особенное, что и давало знать о предстоящемъ страшномъ явленіи природы.

Изъ міра животныхъ замѣчено два случая, что, наканунѣ землетрясенія, кошки перетаскивали маленькихъ котятъ изъ кухонь наружу.

Кромѣ того въ дни послѣдующихъ многочисленныхъ колебаній почвы было кѣмъ-то замѣчено, что голуби за нѣсколько секундъ до колебанія, каждый разъ, взлетаютъ съ крышъ зданій и стаями носятся въ воздухѣ, пока не прекратится колебаніе почвы.

Наблюденіе это было много разъ провѣрено лично нами съ часами въ рукахъ и каждый разъ мы имѣли случай убѣдиться, что тревога голубей была ненапрасна. Обыкновенно черезъ 10—15" послѣ взлета голубей наступало колебаніе почвы.

Во всякомъ же случаѣ существованіе слабыхъ колебаній почвы еще наканунѣ сильнаго землетрясенія и сопровождавшихся весьма слабыми подземными звуковыми явленіями вполне возможно. При помощи механически дѣйствующихъ приборовъ наблюдается иногда, что сильному землетрясенію предшествуетъ рядъ слабыхъ колебаній, не чувствуемыхъ обыкновенно людьми.

Сотрясенія почвы утромъ 28-го мая и предшествующій подземный гулъ.

Въ 4 h 30' утра 28-го мая спавшее населеніе Вѣрнаго было разбужено потрясающимъ подземнымъ гуломъ, напоминающимъ сильные раскаты грома. Гулъ прокатился подъ городомъ въ направленіи съ SW на NO, сопровождался общимъ, весьма замѣт-

нымъ, дрожаніемъ предметовъ и былъ слышенъ въ теченіе 7". Многие изъ жителей выскочили изъ домовъ, но наступившая вслѣдъ затѣмъ тишина подѣйствовала такъ успокоительно на дремавшія еще чувства, что многие вернулись и успѣли снова заснуть. Зловѣщее спокойствіе почвы продолжалось не болѣе 15', какъ земля снова дрогнула. Казалось, опрокидывались цѣлые дома, окружающее будто ожило и двинулось, мебель падала. Раздался трескъ разрушающихся зданій, полетѣли отовсюду кирпичи, доски, захлопали двери, трещали балки и падали потолки, обрушивались разомъ цѣлые стѣны и увлекали своимъ паденіемъ крыши зданій. Панической, неудержимый страхъ овладѣлъ жителями. Все, кто могъ, бѣжали стремглавъ изъ-подъ разрушающихся зданій. Родители забывали дѣтей. Бѣжавшими руководилъ инстинктъ самосохраненія. Забывалось все дорогое въ жизни. Многие во время бѣгства отбрасывали къ стѣнамъ обрушивающихся зданій, многие падали и тутъ же заживо погребались подъ грудями обрушивающагося мусора. Стоны, плачь, раздирающіе крики о помощи, отчаяніе и великій ужасъ совершившагося наполняли душу каждаго.

Среди невообразимой паники вдругъ наступаетъ моментъ спокойствія. Спасенные чудомъ видятъ окружающія ихъ развалины и столбъ пыли, высоко поднявшійся въ спокойномъ утреннемъ воздухѣ, свидѣтельствовалъ о мѣстѣ разразившейся катастрофы. Многие не доставало. Но, спокойствіе было слишкомъ кратковременно, чтобы люди могли придти въ себя отъ ужаса. Земля снова заколебалась, послѣдовалъ рядъ волнообразныхъ колебаній почвы, разрушеніе зданій возобновилось съ новою неудержимою силою и подъ грудями мусора погребались новыя жертвы. Еще минута и бѣдствіе, пронесшись подъ Вѣрнымъ въ теченіе 2', оставило по себѣ страшное воспоминаніе.

Т. обр., утромъ 28-го мая подъ г. Вѣрнымъ въ направленіи съ SW на NO, въ 4 h 30', прошла первая слабая сейсмаль-

ная волна, сопровождавшаяся весьма сильным подземным гулом съ продолжительностью до 7". Во время прохождения волны наблюдалось только дрожание предметов. Черезъ 15', т.-е. въ 4 h 45' прошла вторая главная волна, въ томъ же направленіи, продолжительностью до 1". Колебания почвы происходили не только въ вертикальномъ и горизонтальномъ направленіяхъ, но наблюдались и круго-вращательныя. Спустя 20" послѣдовала цѣлая рядъ волнообразныхъ колебаній почвы продолжительностью до 1, и въ прежнемъ направленіи. Во время прохождения сейсмальныхъ волнъ испытывалось состояніе подобное тому, когда стоишь въ колеблющейся лодкѣ. У многихъ наблюдалось состояніе подобное морской болѣзни. Колебания почвы были такъ значительно-сильны, что громадныя деревья то наклонялись, то выпрямлялись, какъ-бы отъ сильнаго вѣтра.

Общая продолжительность землетрясенія была не болѣе 2'.

ЖЕРТВЫ КАТАСТРОФЫ.

Изъ официальныхъ свѣдѣній губернатора области видно, что за время землетрясенія погибло 328 челов., изъ нихъ 199 дѣтей и 129 взрослыхъ. Нужно думать, что настоящія свѣдѣнія далеко еще неполны. Кромѣ того, болѣе 500 челов. получили различныя увѣчья. Масса же населенія, удрученная постигшимъ ея бѣдствіемъ, разумѣется и не думала о врачебной помощи, забывая свои физическія страданія подъ вліяніемъ нравственныхъ потрясеній, которыя иногда сопровождалась острымъ помѣшательствомъ. Были случаи, что совершенно здоровые, крѣпкіе мужчины приходили въ лазаретъ и просили о принятіи ихъ, „они чувствовали, что близки къ помѣшательству“. Потрясенія, сопровождавшіяся болѣе легкимъ разстройствомъ нервной системы, нужно считать почти всеобщими. Населеніе въ 28,000 челов. въ первые дни землетрясенія представляло толпу почти обезумѣвшую и нравственно потрясенную общимъ бѣдствіемъ.

Вліяніе сейсмальныхъ волнъ на зданія и другіе предметы земной поверхности.

Разрушительное вліяніе колебаній почвы отразилось преимущественно на каменныхъ зданіяхъ и неизмѣримо слабѣе на деревянныхъ. Разрушено 1938 каменныхъ зданій и 839 деревянныхъ требуютъ исправленія.

Разсматривая груды мусора, развалины и уцѣлѣвшія части зданій, невольно замѣчаешь, что среди видимаго хаоса развалинъ существуетъ нѣкоторый порядокъ происшедшаго разрушенія. Такъ, зданія ветхія, или недавней постройки оказываются разрушенными до основанія, какъ напр. зданіе гауптвахты и церковь Св. Покрова и нѣкоторыя частныя дома въ SW-ной части города. У большинства же зданій оказываются разрушенными стѣны, расположенныя въ направленіи съ W на O, т.-е. параллельно горному массиву. Стѣны же противоположнаго направленія, идущія перпендикулярно горному массиву, дали только трещины по діагоналямъ.

Подобное разрушеніе зданій совершенно понятно. Такъ, стѣны параллельныя горамъ и слѣдовательно перпендикулярныя направленію сейсмальныхъ волнъ сотрясались сразу по всей своей длинѣ, тогда какъ стѣны противоположнаго направленія, параллельныя длинѣ волнъ, сотрясались по частямъ, почему и давали трещины. Но, такъ какъ направленіе волнъ пересѣкало стѣны зданій подъ извѣстнымъ угломъ, то происходило и угловое разрушеніе стѣнъ, расположенныхъ параллельно горамъ. Мусоръ и кирпичные обломки ложились преимущественно по южной сторонѣ зданій, обращенной къ горамъ, — частью же по сѣверной, восточная и западная стороны зданій почти свободны отъ мусора. Очевидно, что большая часть мусора по южной сторонѣ зданій произошла отъ паденія стѣнъ въ силу инерціи, въ направленіи противоположномъ и близкомъ съ направленіемъ сейсмальныхъ волнъ,

тогда какъ другая меньшая часть мусора, лежащая по сѣверной сторонѣ зданій, въ направленіи сейсмальныхъ волнъ, могла произойти отъ условій, лежащихъ въ самыхъ зданіяхъ, хотя-бы въ томъ поддерживаніи, какое оказывали стѣны, идущія съ S на N, на сѣверныя стѣны въ моментъ ихъ разрушенія. Больше высокія зданія, какъ-то храмы, разрушались сильнѣе, чѣмъ зданія болѣе низкія, очевидно, въ силу большого размаха первыхъ. Въ зданіяхъ многэтажныхъ стѣны и потолки болѣею частію обрушивались на высоту одного этажа. Крыши обрушивались полностью только въ исключительныхъ случаяхъ, обыкновенно же онѣ остались наклоненными, спущенными и мѣстами осѣвшими и разорванными. Особенно быстро и скоро обрушивались части пристроенныя къ зданіямъ, какъ-то крыльца, галереи и т. п. Кирпичныя печи или давали трещины, или же разрушались полностью, смотря по тому, у какой стѣны зданія были расположены, круглыя печи, обшитыя желѣзомъ, сохранились на мѣстѣ и были совершенно безопасны для людей, разрушеніе въ нихъ было внутреннее. Кресты храмовъ пали въ направленіи западномъ, или же остались наклоненными туда же. Верхняя часть татарской мечети черезъ все зданіе была сброшена также въ западномъ направленіи.

Разрушительное вліяніе колебаній почвы на деревянныя зданія, какъ я уже сказалъ, отразилось неизмѣримо слабѣе, незначительными сдвигами верхнихъ угловъ у домовъ высокихъ, причемъ мѣстами были сколоты наружныя выступы бревенъ.

Что касается мелкихъ домашнихъ предметовъ, какъ-то: мебель, зеркала, лампы, посуда и т. п., то они были разбиты, сброшены, сдвинуты, или перевернуты.

Физико-географическія измѣненія рельефа ближайшихъ горныхъ ущелій.

Говоря о разрушительномъ дѣйствіи колебаній почвы на зданія, невозможно пройти молчаніемъ тѣ физико-географическія из-

мѣненія потрясенной мѣстности, которыя являются слѣдствіемъ волнообразныхъ колебаній почвы и изученіе которыхъ можетъ дать ключъ къ уразумѣнію дѣятельности сейсмическихъ силъ въ давно-прошедшія времена.

Измѣненія внѣшняго вида земной поверхности извѣстны пока только въ ближайшихъ къ Вѣрному ущельяхъ Заилійскаго алатау, по сѣверному его склону.

Примѣчаніе. Свѣдѣнія сообщаемыя ниже заимствованы изъ рапорта капитана генеральнаго штаба Галкина Степному генералъ-губернатору отъ 4 іюля. Капитанъ Галкинъ былъ командированъ въ окрестности Вѣрнаго для собиранія свѣдѣній о бывшемъ землетрясеніи.

Для болѣе нагляднаго представленія той мѣстности горъ, гдѣ произошли повидимому наибольшія измѣненія рельефа, прилагается планъ, на которомъ нанесены, какъ кроки мѣстности, такъ и самыя измѣненія рельефа, ближайшихъ къ Вѣрному ущелій, происшедшія за время послѣдняго землетрясенія.

На этомъ планѣ Вы можете видѣть, что сѣверный склонъ Заилійскаго-алатау, у подошвы котораго расположенъ Вѣрный, изрѣзанъ цѣлымъ рядомъ ущелій, поросшихъ по дну и склонамъ листовымъ, преимущественно яблоннымъ лѣсомъ, по дну ущелій низвергаются въ долину горныя рѣки, снабжающія прилегающую долину водою. Почти каждое изъ ущелій, поднимаясь вверхъ, достигаетъ предѣловъ хвойнаго лѣса, растущаго въ Заилійскомъ-алатау на высотѣ отъ 5000 ф.

Вотъ эти-то горныя ущелья, преимущественно ихъ склоны, и послужили мѣстомъ, гдѣ произошли наибольшія измѣненія вида земной поверхности.

Начнемъ съ ближайшаго къ Вѣрному ущелья *р. Малой Алматинки*, противъ выхода котораго расположенъ и самый городъ. Явные слѣды землетрясенія замѣчаются уже на высотѣ 1300 mt. надъ уровнемъ моря (опредѣленіе высоты взято по дну

ущелья), или 570 mt. отъ Вѣрнаго. Это осыпи склона, обращеннаго къ NO. Изъ мокраго ущелья, которое открывается въ ущелье р. Малой Алматинки, выдвинулась громадная, песчано-глинистая осыпь, достигающая толщи отъ 4 до 5 саж. Осыпь эта, придвигаясь къ руслу р. Малой Алматинки, разрушила и погребла въ своей толщѣ ферму на дачѣ губернатора, ледникъ, стерла совершенно каменную ограду саженой высоты, уничтожила окружающій садъ, перешла на правый берегъ рѣки и, запрудивъ т. обр. рѣчку, остановилась. Точно такія же осыпи спустились на дно главнаго ущелья и изъ другихъ боковыхъ ущелій и все со стороны склоновъ, обращенныхъ къ NO и также запрудили рѣчку въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Отчего воды въ рѣкѣ не было до 2 h дня, когда были размыты надвинувшіяся плотины осыпей, сразу хлынула масса грязной воды. Утромъ 29-го мая р. Малая Алматинка вошла въ свое обычное русло, продолжая размывать надвигавшіяся осыпи песку и глины, вода въ рѣкѣ представляла жидкую грязь, употреблять которую не было возможности.

Чѣмъ выше по ущелью, тѣмъ осыпи становятся все болѣе и болѣе. На высотѣ 1450 mt. онѣ достигаютъ наибольшей толщи. Выше 1450 mt. сразу становятся меньше и на высотѣ 2700 mt. замѣчаются мѣстами небольшіе каменные завалы, а выше 3000 mt. никакихъ слѣдовъ бывшаго землетрясенія не видно. Осыпи и обвалы въ ущельѣ р. Малой Алматинки произошли со склоновъ, обращенныхъ къ NO и завалили дно ущелья по лѣвому берегу рѣки. Этотъ же склонъ главнаго и боковыхъ ущелій изборозженъ трещинами, идущими параллельно дну главнаго и боковыхъ ущелій и достигающими ширины одного аршина, спустя болѣе чѣмъ мѣсяць послѣ ихъ происхожденія. Нужно думать, что въ день землетрясенія 28-го мая онѣ были несравненно шире.

Надъ скоростью движенія осыпи изъ мокраго ущелья производились даже наблюденія.

Первое извѣстіе о движеніи осыпи стало извѣстно въ городѣ

вечеромъ 28-го мая. Скорость движенія осыпи въ ночь съ 28 на 29-е мая была около 15-ти шаговъ въ часъ, утромъ 29-го мая 10 шаговъ, въ полдень 3 шага, а къ вечеру 29-го мая движеніе осыпи повидимому остановилось.

Въ ущельяхъ, расположенныхъ къ западу отъ ущелья р. Малой Алматинки, какъ-то: *Джеманъ-су*, *р. Большой Алматинки*, *Карагайлинскомъ*, *Уй-джайляу*, *Тасты-булака* разрушенія носятъ тотъ же характеръ, но только въ большихъ размѣрахъ. По мѣрѣ приближенія къ *Аксайскому ущелью*, лежащему къ западу отъ ущелья Тасты-булакъ и въ 15-ти верстахъ отъ Вѣрнаго, степень разрушенія склоновъ горныхъ ущелій замѣтно увеличивается. Въ ущельяхъ Тасты-булакъ, Уй-джайляу и Карагайлинскомъ разрушены оба склона и здѣсь, какъ и въ ущельѣ р. Малой алматинки, склоны обращенные къ NO разрушены несравненно сильнѣе, чѣмъ противоположные имъ склоны. Замѣтны также учащеніе трещинъ и ихъ значительные размѣры. Вблизи Аксайскаго ущелья и въ немъ трещины достигаютъ двухъ и болѣе аршинъ. Кромѣ того по мѣрѣ приближенія къ Аксайскому ущелью линия верхняго предѣла разрушенія достигаетъ все болѣе и болѣе высоты. Слѣды же разрушеній въ самомъ Аксайскомъ ущельѣ достигаютъ грандіозныхъ размѣровъ. Еще въ долину противъ выхода ущелья находятся многочисленныя трещины земли, занимающія огромное пространство. *Размѣры и направленіе трещинъ* не одинаковы, равно и ихъ форма. Есть трещины линейной формы на нѣсколько верстъ, идущія параллельно ущелью Аксаю. Существованіе такихъ трещинъ можетъ, повидимому, указывать на то, что самыя ущелья обязаны своимъ происхожденіемъ въ давно-прошедшія времена также внезапнымъ потрясеніямъ мѣстности и разрывамъ почвы по линиямъ наименьшаго сопротивленія верхнихъ слоевъ. Трещины болѣе короткія, но за то болѣе широкія, располагаются рядами, образуя незамкнутые concentрическіе круги, расположенные въ направленіи приближающемся

къ параллельному относительно горныхъ очертаній. Нѣкоторыя изъ такихъ трещинъ достигали ширины отъ 2-хъ и болѣе арш. Во время землетрясенія и образованія трещинъ изъ нихъ выбрасывался мелкій песокъ и вода.

При самомъ входѣ въ Аксайское ущелье завалы его дна сразу достигаютъ громаднхъ размѣровъ, трещинами изборождены оба склона. Въ 2-хъ верстахъ отъ входа въ ущелье дно его совершенно загромождено обвалами и осыпями съ боковъ. Чѣмъ выше по ущелью, тѣмъ осыпи и обвалы достигаютъ все большихъ и большихъ размѣровъ. На 4-й верствѣ отъ входа дно ущелья засыпано осыпями, достигающими толщи отъ 20-ти до 25-ти сажень и усѣяно обломками лѣса, растущаго выше по ущелью. Вѣковыя деревья разбиты въ щепы и сброшены внизъ по ущелью. На высотѣ 1500 mt. находится участокъ земли въ нѣсколько кв. арш. со сложенными на немъ дровами, мѣсто это и дрова находились въ 250 саж. выше по ущелью и въ моментъ катастрофы было сдвинуто вмѣстѣ съ дровами внизъ. На высотѣ 1600 mt. разрушеніе было самое ужасное. Здѣсь на днѣ ущелья стояла пасѣка Бекбаева. Немного выше пасѣки находилась небольшая боковая ложбина аржаръ. Лощина эта круто поднималась вверхъ и была покрыта вѣковымъ еловымъ лѣсомъ. Въ настоящее время лощины и лѣса не существуетъ. Огромный обвалъ въ 150 сажень толщи занимаетъ мѣсто лощины. Обвалъ этотъ распространился и до другой аржарской щели, лежащей далеко выше пасѣки и съ ужасающею силою спустился по лощинѣ аржаръ на дно ущелья, загромоздивъ его во всю ширину плотиною въ 100 сажень ширины, заваливъ пасѣку Бекбаева съ жившими въ ней толщею земли въ 40 саж. Сила сотрясенія была такъ велика, что ульи со дна ущелья оказались выброшенными на противоположный аржару склонъ на высоту 20 саж. Образовавшаяся так. обр. на днѣ ущелья плотина совершенно преградила теченіе рѣки Аксаи. Подобныя же плотины находились выше и ниже пасѣки и

по ущелью образовался рядъ временныхъ озеръ, или прудовъ.

Въ Куликовскомъ боковомъ ущельѣ, лежащемъ версты на три выше пасѣки, слѣды разрушенія ничтожны. Еще выше, на горахъ Тюбэ-карагай видны лишь только небольшіе обвалы.

Т. обр. землетрясеніе съ наибольшою силою проявилось въ окрестностяхъ пасѣки, на высотѣ 1600 mt. надъ уровнемъ, на площади въ формѣ овала, длинная ось котораго, длиною около четырехъ верствъ, идетъ въ направленіи съ юго-запада на сѣверо-востокъ, меньшая ось овала длиною около трехъ верствъ.

Данную мѣстность можно считать *центромъ* бывшаго землетрясенія.

Въ ущельяхъ, расположенныхъ къ западу отъ Аксайскаго, слѣды разрушеній замѣтно уменьшаются.

Теченіе горныхъ рѣкъ въ названныхъ ущельяхъ, образовавшимися по дну ихъ плотинами, было совершенно остановлено. Въ рѣкахъ Большой и Малой Алматинкахъ теченіе воды было приостановлено всего лишь на нѣсколько часовъ, тогда какъ въ ущельяхъ ближайшихъ къ Аксайскому и въ самомъ Аксайскомъ ущельѣ теченіе воды въ рѣкахъ приостановилось до утра 30-го мая. Вечеромъ 29-го мая изъ ущелій показалась грязь, которая весьма медленно спускалась въ ниже лежащую долину. Утромъ 30-го мая изъ ущелій сразу хлынула масса воды и жидкой грязи, затопляя и уничтожая на своемъ пути пашни, сады и огороды. Грязь изъ Аксайскаго ущелья продвинулась по долинѣ верствъ на семь, затопивъ и почтовый трактъ въ Ташкентъ.

Данное обстоятельство произвело страшнѣйшую панику среди киргизъ, кочевавшихъ у подножія горъ. Они бросили свои аулы и съ крикомъ „вода идетъ!“ прискакали въ городъ.

Извѣстіе это съ быстротою молніи распространилось по городу и произвело страшнѣйшую панику среди жителей и безъ того уже напуганныхъ. По улицамъ разрушеннаго города въ страшномъ испугѣ неслись по направленію къ предгоріямъ толпы обезумѣв-

ших жителей. Многие, не будучи въ состояніи бѣжать, забрались на деревья. Каждый ждалъ,—вотъ, вотъ хлынетъ вода! Прошли минуты тяжелаго, мучительнаго ожиданія гибели, но воды все не было. Требовалось успокоеніе, разъясненіе причинъ тревоги. И вотъ чье-то досужее предположеніе о намѣреніи киргизъ воспользоваться минутами бѣгства жителей для грабежа выросло до убѣжденія. Готовилась расправа. Были уже случаи, что ни въ чемъ неповинныхъ и столь же напуганныхъ киргизъ вязали, били и представляли по начальству.

Вотъ въ эту-то по-истинѣ критическую минуту появленіе на улицахъ города военнаго губернатора области Алексѣя Яковлевича Фриде было какъ нельзя болѣе кстати. Его спокойныя, но настоятельно убѣдительныя слова о безопасности жителей города прекратили готовившуюся расправу и населеніе понемногу успокоилось.

Грязь, излившаяся изъ ущелій въ долину, послужила также поводомъ къ предположенію, что с. Кескелень затоплено и что на мѣстѣ его расположенія появилось озеро.

Не осталась безъ наружнаго измѣненія и почва въ самомъ городѣ, особенно въ сѣверной его части, какъ болѣе низменной. Почва во многихъ мѣстахъ изрѣзана трещинами, хотя и далеко меньшими, чѣмъ на Аксаѣ, тѣмъ не менѣе были трещины до полуаршина. Форма и направленіе трещинъ подобны аксайскимъ. Многія трещины скрываются подъ стѣнами зданій. Рассказываютъ, что во время землетрясенія изъ трещинъ, находящихся въ крѣпости, фонтаномъ била вода, что весьма немудрено, такъ какъ крѣпость расположена почти на болотѣ.

Сфера распространенія измѣненій внѣшняго вида земной поверхности.

Измѣненія вида земной поверхности съ болѣею вѣроятностью надо полагать произошли далеко на большемъ пространствѣ, чѣмъ

то извѣстно въ настоящее время. Такъ, въ одной изъ телеграммъ военнаго губернатора области сообщается слѣдующій, крайне интересный въ данномъ отношеніи фактъ. У почтовой ст. Чулпакъ-атинской береговая полоса озера Иссыкъ-куля, шириною отъ 10-ти до 12-ти саж., осѣла фута на три. Извѣстно также, что и на противоположномъ станціи берегу залива Иссыкъ-куля полоса земли въ 15 саж. ширины, поросшая кустарникомъ, осѣла и покрылась водою, изъ которой едва видѣются верхушки кустарника.

Данный фактъ, хотя и единичный пока, говоритъ за то, что измѣненіе рельефа земной поверхности во время настоящаго землетрясенія произошло далеко за предѣлами окрестностей Вѣрнаго, что, по всей вѣроятности, и будетъ подтверждено дальнѣйшими извѣстіями.

Сфера распространенія разрушительнаго дѣйствія и чувствительнаго сотрясенія почвы.

Сфера разрушительнаго дѣйствія настоящаго землетрясенія ограничивается повидимому предѣлами рѣкъ Чу и Или, особенно же рѣзко оно проявилось въ окрестности Вѣрнаго, на пространствѣ верстъ 60-ти. Въ селеніяхъ окрестныхъ къ Вѣрному также замѣчается разрушеніе каменныхъ зданій, но далеко въ меньшей степени. Пострадали селенія: Маловодное, Казанско-богородское, Кескелень, Зайцевское и друг.

Сфера чувствительнаго сотрясенія почвы была несравненно обширнѣе, чѣмъ сфера разрушительнаго дѣйствія. Колебанія почвы утромъ 28 мая ощущались въ Караколѣ, Нарынѣ, Капалѣ, Джарвентѣ, Маломъ-аягузѣ и Ташкентѣ.

Характеръ сотрясеній почвы послѣ 28 мая и ихъ продолжительность повторенія.

Въ теченіи нѣсколькихъ дней послѣ утреннихъ сотрясеній 28 мая почва колебалась почти непрерывно.

Паническій страхъ, вызванный первыми сотрясеніями, поддерживался. Многіе изъ жителей, чувствуя постоянныя колебанія почвы, бредили уже проваломъ.

Не дѣлая перечисленія безчисленному ряду колебаній почвы, остановлюсь на одномъ весьма замѣчательномъ колебаніи, повторившемся ровно черезъ 12 ч послѣ перваго колебанія.

Въ 4 ч 30' вечера 28 мая произошло весьма сильное колебаніе почвы, выразившееся совершенно горизонтальнымъ дерганьемъ земли сначала въ направленіи съ юга на сѣверъ, смѣнившееся такимъ же обратнымъ дерганьемъ съ сѣвера на югъ. Продолжительность колебанія не превышала 4". Сила даннаго сотрясенія была такова, что взрослые люди, стоящіе на ногахъ, пали сначала въ направленіи противоположномъ колебанію, а потомъ въ сторону колебанія.

Всѣ послѣдующія колебанія почвы повторялись въ разное время и съ крайне различною силою. Всего чаще колебанія почвы наблюдались въ часы ранняго утра, рѣже около полудня и полуночи. За цѣлымъ рядомъ слабыхъ колебаній всегда слѣдовало болѣе сильное. Направленіе колебаній было неодинаково. Они слѣдовали то съ W на O, параллельно горному хребту, то съ S на N, въ направленіи перпендикулярномъ къ горамъ, а чаще всего колебанія почвы слѣдовали съ SN на NO. Колебанія послѣдняго направленія были рѣшительно преобладающими. Значительная часть колебаній сопровождалась подземнымъ гуломъ, особенно въ первые дни землетрясенія. Подземный гулъ сначала землетрясенія напоминалъ отдаленныя, орудійныя выстрѣлы, а въ послѣднее время отличался *металлическимъ отпѣнкомъ*. Явленіе, которое стоитъ объясненія.

Наблюдаемый нынѣ въ Вѣрномъ цѣлый рядъ послѣдовательныхъ колебаній, слѣдующій за первыми весьма сильными колебаніями, подтверждаетъ тотъ замѣчательный и малоразъясненный теоретически фактъ, что земля разъ взволнованная сильными сотрясеніями,

приходитъ въ спокойное состояніе не вдругъ, а черезъ длинный рядъ колебаній постепенно ослабѣвающихъ и дѣлающихся все болѣе и болѣе рѣдкими.

Данное явленіе наблюдается *очень часто*, особенно послѣ сильныхъ землетрясеній. Во время сильнаго землетрясенія въ с. Бѣловодскомъ въ 1885 году колебанія почвы ощущались спустя восемь мѣсяцевъ послѣ перваго сильнаго сотрясенія. Изъ исторіи землетрясеній извѣстны и болѣе продолжительныя періоды повторенія колебаній до полутора и болѣе лѣтъ.

Надо думать, что колебанія почвы, наблюдаемыя и нынѣ въ Вѣрномъ, будутъ продолжаться и еще въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ.

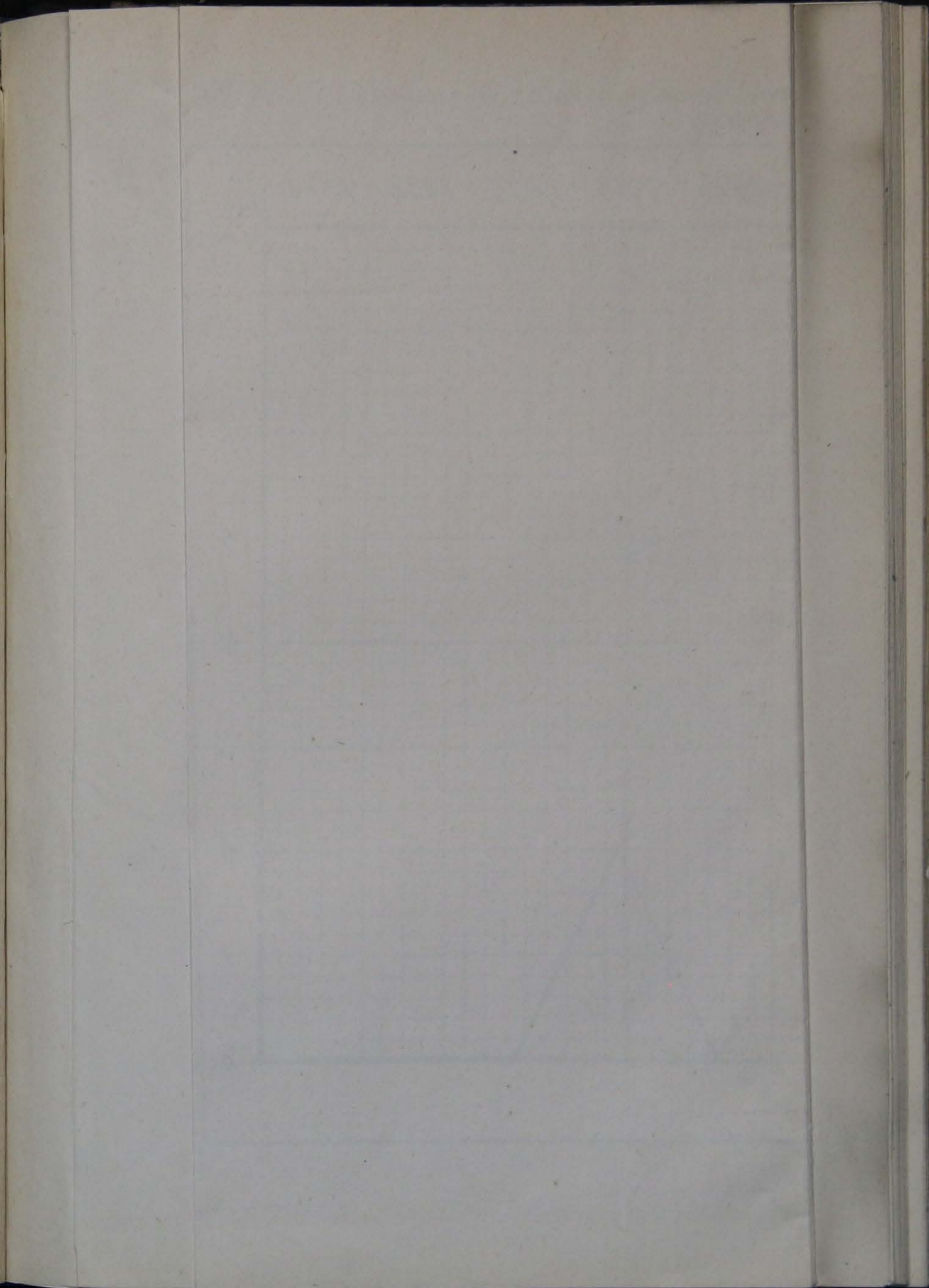
Но во всякомъ случаѣ изъ этого не вытекаетъ еще настоятельная необходимость переносить городъ на другое болѣе безопасное мѣсто. Да и гдѣ же оно и кто его укажетъ?. Наука въ этомъ отношеніи бессильна. У нея нѣтъ статистическихъ данныхъ. Отдавать же судьбу такого центра, какъ Вѣрный, имѣющаго въ срединной Азіи громадное значеніе, какъ въ политическомъ, такъ и экономическомъ отношеніяхъ, на волю гипотезъ и предположеній не слѣдовало-бы. Лучше вспомнить исторію и послѣдовать весьма поучительному примѣру города Лимы.

П. Вершининъ.

Г. Вѣрный
1887 г.

In the year 1851, the population of the
 United States was 23,800,000. In 1860, it
 had increased to 39,300,000. In 1870,
 it was 53,000,000. In 1880, it was
 62,000,000. In 1890, it was 76,000,000.
 In 1900, it was 92,000,000. In 1910,
 it was 103,000,000. In 1920, it was
 122,000,000. In 1930, it was 132,000,000.
 In 1940, it was 137,000,000. In 1950,
 it was 152,000,000. In 1960, it was
 180,000,000. In 1970, it was 203,000,000.
 In 1980, it was 226,000,000. In 1990,
 it was 250,000,000. In 2000, it was
 281,000,000. In 2010, it was 307,000,000.
 In 2020, it was 331,000,000.

The population of the United States
 has increased rapidly since 1850. This
 is due to a number of factors, including
 immigration, a high birth rate, and
 a long life expectancy. The population
 is expected to continue to grow, reaching
 approximately 400 million by the year
 2050.

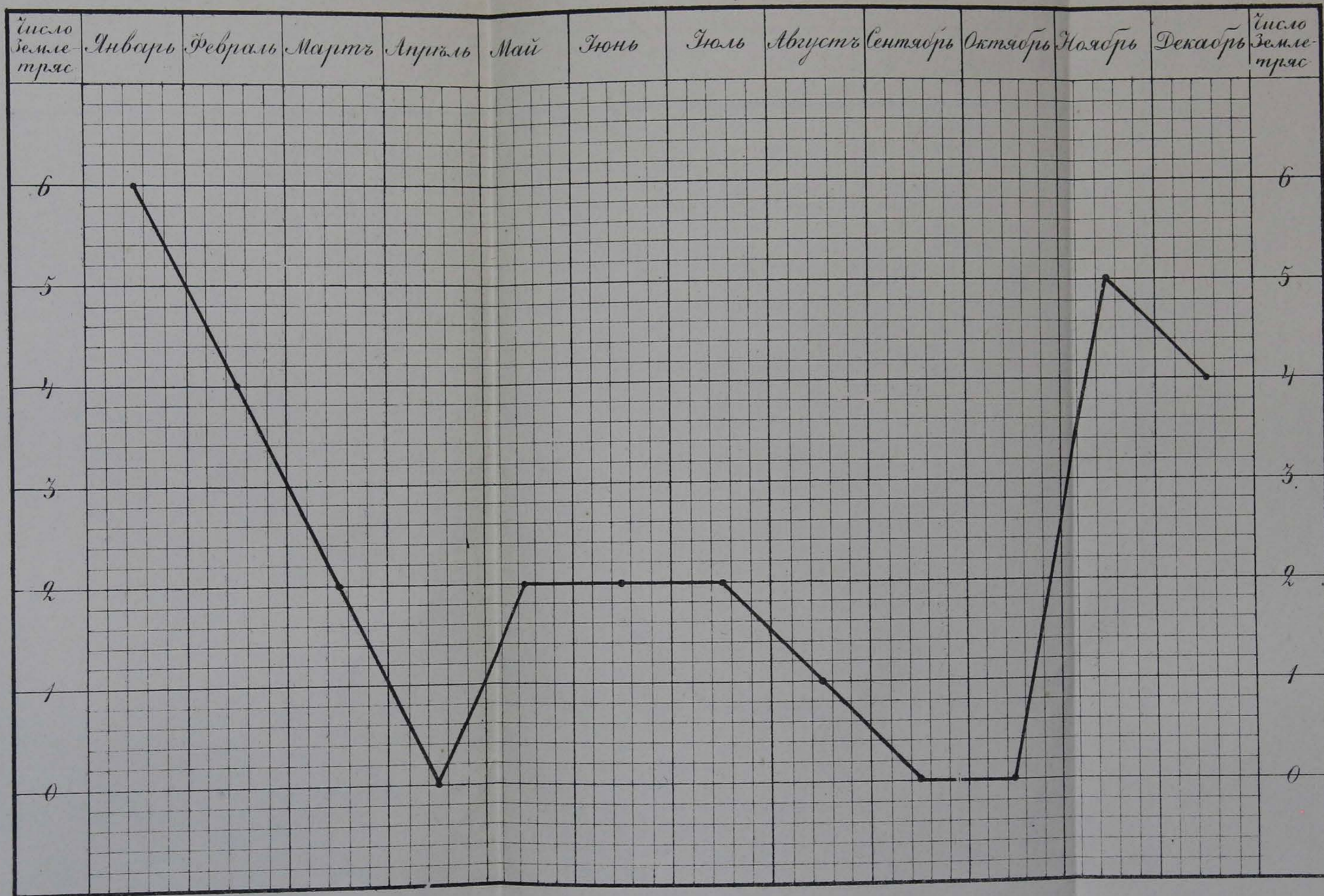

Графическое изображение числа землетрясений по годамъ
(1878—1887гг.)

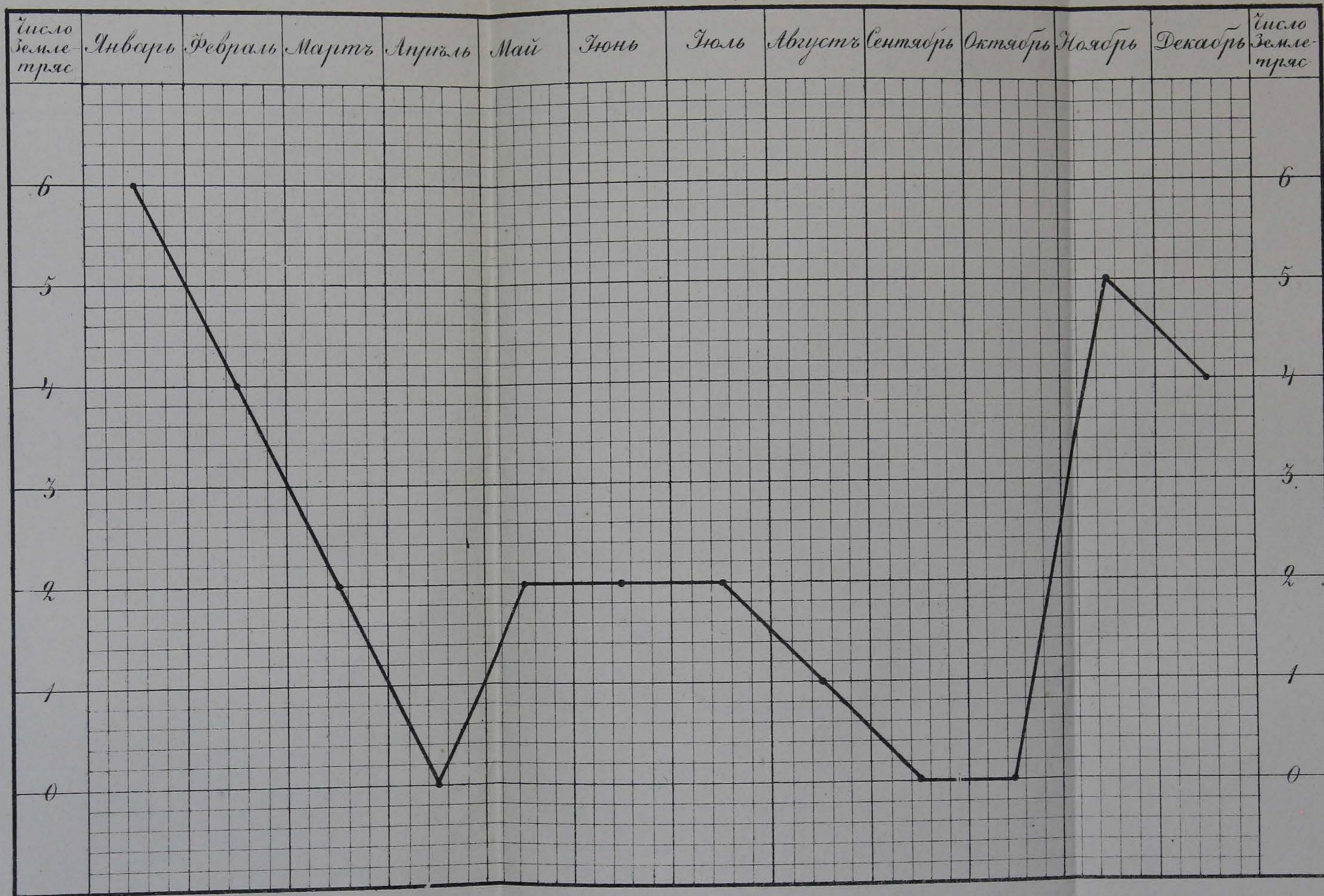
III II

Графическое изображение числа землетрясений по месяцам года.

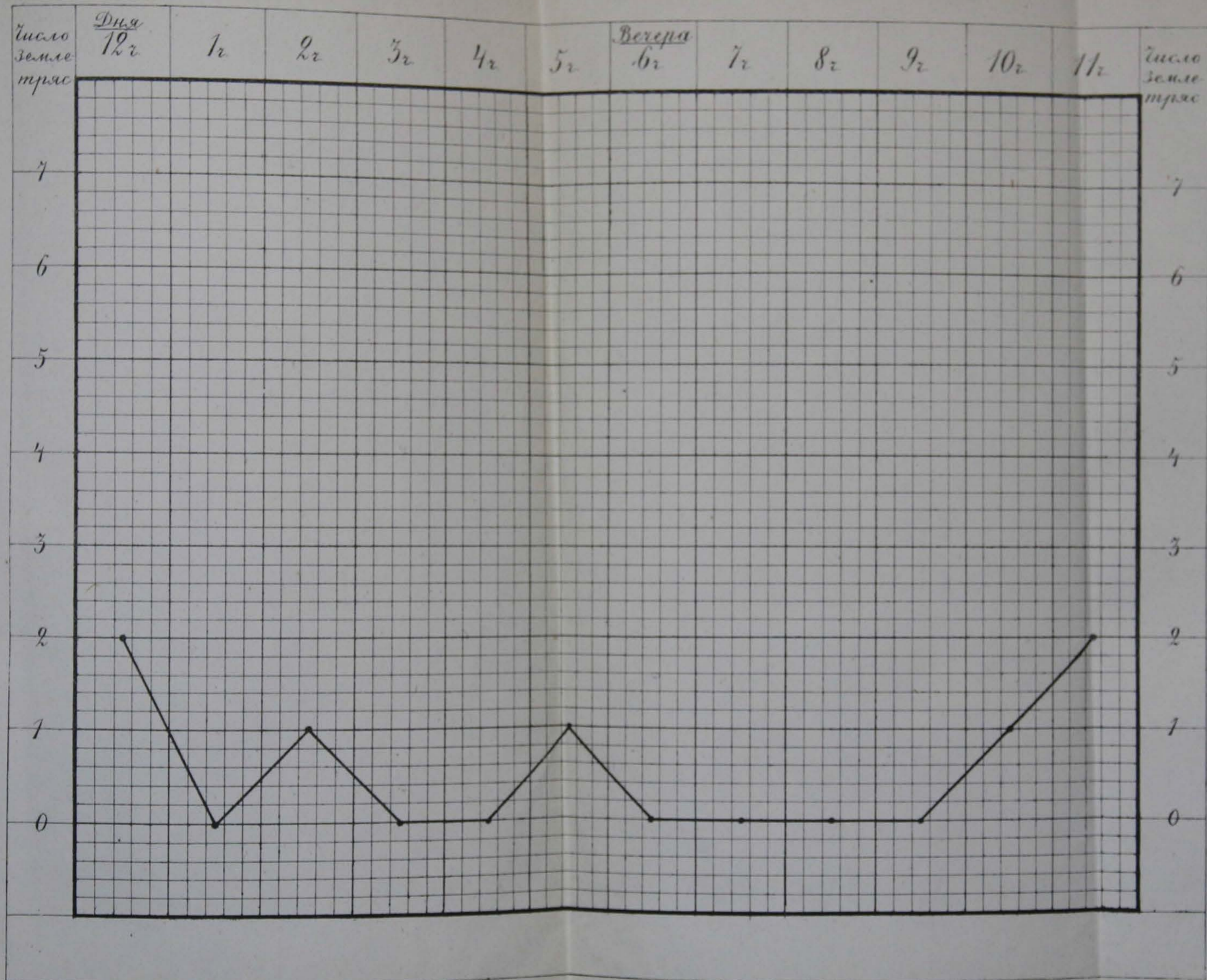

Графическое изображение числа землетрясений по месяцам года.

Графическое изображение числа землетрясений по времени суток

III.V

МОЛИТВЕННЫЙ СЕАНСЪ ОРДЕНА ДЖАГРИЕ-КАДРИЕ ВЪ ТАШКЕНТЪ.

Въ древней Индіи встрѣчаемъ уже мечту, что отшельникъ можетъ, посредствомъ умерщвленія плоти и тѣлесныхъ истязаній, освободиться отъ оковъ матеріальнаго міра и приобрѣсти такимъ образомъ сверхъ-естественное могущество, равное могуществу боговъ.

У евреевъ, идея о чудодѣйственной силѣ пророковъ была общераспространена. Въ Палестинѣ существовали въ тѣ времена школы пророческихъ учениковъ, гдѣ и употребляли музыку и танцы, какъ средства вызвать возбужденіе мыслительныхъ способностей,—возбужденіе, считавшееся необходимымъ для того, чтобы вдохновеніе овладѣло душою.

Исламъ ничего не измѣнилъ въ этомъ строѣ идей, и даже самъ Мухаммедъ пользовался нервными припадками, которымъ онъ подвергался съ дѣтства, какъ неоспоримымъ доказательствомъ своего пророческаго посланничества. Аскетизмъ, который существовалъ въ Азіи во все время и который приобрѣлъ во многихъ христіанскихъ сектахъ чрезвычайное развитіе, не претерпѣлъ, однако, никакого стѣсненія и репрессивныхъ мѣръ со стороны новой религіи: напротивъ, покровительствуемый и защищаемый исламомъ, онъ получилъ полную свободу. Подъ вліяніемъ идей, явившихся изъ Индіи и Персіи, арабскій аскетизмъ превратился, въ короткое время, въ систему мистической и теозофической философіи, которая, будучи обогащена еще нео-платоническими доктринами, осталась съ этого времени важнѣйшимъ, преимущественнымъ элементомъ мусульманской цивилизаціи.

Религіозные ордена не замедлили образовываться, и, съ XII вѣка нашего лѣтосчисленія, исламъ былъ, въ этомъ отношеніи, поистинѣ, изумительно плодovitъ. Правда, эти религіозные ордена не организованы съ такою же правильностію, они не подчинены

столь-же строгой дисциплинѣ, какъ монашескіе ордена христіанскихъ странъ, однако, они превосходятъ послѣднихъ въ числѣ, а также,—по крайней мѣрѣ въ современную эпоху—и во вліяніи на умъ народныхъ массъ. Сотни религіозныхъ корпорацій образовались на Востокѣ въ послѣдніе десять вѣковъ и все еще продолжаютъ плодиться новыя¹⁾. Всѣ эти духовные становятся, болѣе или менѣе, апостолами мистическихъ идей. Каждый орденъ имѣетъ свои мистеріи и особенныя упражненія, приводящія въ *религіозное изступленіе*, посредствомъ котораго прозелиты полагаютъ приобрести возможность хотя мелькомъ прозрѣть тайны невидимаго міра²⁾.

Къ числу орденовъ, послѣдователи которыхъ сумасбродно стремятся понять, путемъ физическаго возбужденія, искусственно достигнутаго, загадку жизни и міра, принадлежатъ ордена *джагрие*, *накшбендіе* и др.³⁾. Дикое моленіе прозелитовъ *джагрие*, зрителемъ котораго приходилось мнѣ быть нѣсколько разъ и въ теченіе многихъ часовъ, я и намѣренъ вкратцѣ описать⁴⁾.

¹⁾ Орденовъ болѣе важныхъ считается сорокъ. Отличаются они между собою особенностями обрядовъ и иногда костюма. Въ большинствѣ случаевъ ордена носятъ названія основателей, напр. Кадри, Накшбендіе. . . .

²⁾ Spirit. orient. въ Journal Asiatique 1869.

³⁾ Эти ордена носятъ названіе *сулюкъ* (мн. ч. отъ араб. *силкъ*)—толковъ. Важнѣйшихъ сулюковъ въ Ташкентѣ, по количеству прозелитовъ етыре: 1) *Хуфіе*, 2) *Джагрие*, 3) *Чиштіе* и 4) *Кадрие* или *Ишкіе*. Основателемъ перваго считается халифъ Абу-бекръ, втораго—Омаръ, третьяго—Османъ, и четвертаго—Муртеза-Али. Собственно главныхъ совершенно противоположныхъ только два: *Хуфіе*—скрытные, тайно прославляющіе Бога, и *Джагрие*—явные, громкогласно прославляющіе. Къ *джагрие*, такимъ образомъ, относятся вѣтви: Кадрие, Накшбендіе и проч. Основателемъ Кадрие былъ шейхъ Сеидъ-Абдуль—Кадри Гиляни (изъ Гиляна), прозванный Хазрети-Гаусуль-ачзамъ.

⁴⁾ Моленіе ихъ происходитъ каждый день въ различныхъ мѣстахъ: по понедѣльникамъ—въ азійскомъ городѣ, у базара, въ мехкемѣ (мечети) Ходжа-Ахралъ (или Ахраръ)-вали, съ 8 часовъ утра до часу или двухъ полудни; по четвергамъ—въ теченіе всей ночи, отъ 9 часовъ вечера до 5 или 6 утра, въ мечети Ишанъ-Сахибъ-ходжа, находящейся въ Кашгарскомъ махаллѣ, у урдинскаго базара, а также въ Шейхантаурскомъ мехкемѣ; въ ночь съ воскресенья на понедѣльникъ—въ мечети Ишанъ-ходжа въ Арпапая махаллѣ.

Моленіе, которое технически называется *тесбахъ* (прославленіе), или *зикиръ* (зикры), начинается вслѣдъ по окончаніи намаза (вечеромъ, на примѣръ, послѣ *намазы-хуфтень*). Прозелиты въ числѣ 10 или 15 человекъ садятся въ кругъ или кольцо (*халькэ*) передъ *кыблэ*, причемъ *пиръ* или *ишанъ*, подъ руководствомъ и председательствомъ котораго происходитъ моленіе, помѣщается во главѣ халькэ (*дэръ сэри халькэ*) у самого кыблэ, обратившись къ нему спиной.

Остальные прозелиты образуютъ второй, третій кругъ, словомъ, всѣ разсаживаются концентрическими кольцами.

Для удобства и свободы тѣлдвиженій, которыя составляютъ важнѣйшую сторону моленія, снимаются чалмы и лишніе халаты. На головахъ остаются только *топты* (тюбетейки), у пира или ишана—бѣлая топты.

Начинается сеансъ болѣе или менѣе стройнымъ и гармоничнымъ пѣніемъ на разныхъ мотивахъ слѣдующихъ стиховъ:

1) *Хасби рабби джалль-алла*: защита моя—мой Господь, да возвеличится Аллахъ! (повторяется трижды; характерный зикръ кадрие).

2) *Мо фи калъби гейралла*: кромѣ Бога ничего нѣтъ въ моемъ сердцѣ (трижды; зикръ кадрие).

3) *Нухи-наби джалль-алла*: Ной пророкъ—да возвеличится Аллахъ! (кадрие).

4) *Энталь-ходи энталь-хакъ; лейсаль-хода иллялла*: ты—путеводитель, ты—истина; нѣтъ путеводителя кромѣ Бога! (кадрие).

5) *Нури Мухаммедъ салль-алла*: свѣтъ мой—Мухаммедъ, да благословитъ Господь!⁵⁾ (11 разъ повторяется).

6) *Ла илоа иллъ-алла*: Нѣтъ божества кромѣ Аллаха! Этотъ послѣдній стихъ произносится уже гортанными звуками и сопровождается тѣлдвиженіями, именно: при звукѣ *ла* правобѣрная голова нагибается въ лѣвую сторону къ сердцу, при словѣ *илоа* отбрасывается назадъ, затѣмъ къ правому плечу и внизъ, со словами *илль алла* (*на иллъ* сильное гортанное удареніе) она съ силою и яростію преклоняется на лѣвую сторону къ сердцу, какъ-бы направляя всѣ помянутые звуки прямо въ сердце.

⁵⁾ Подразумѣваются слова: *аллийи ва салляма*: его и привѣтствуетъ!

Иное толкованіе этого тѣлодвиженія: молящійся садится, ноги впереди, согнутыя въ колѣняхъ, правый носокъ подѣ лѣвое колѣно, изнутри, руки положены на колѣна. Произнося *зикръ*, голову пригибаетъ къ лѣвой рукѣ, лежащей на колѣнѣ, потомъ отбрасываетъ за правое плечо, отбидываетъ назадъ, дѣлаетъ собою окружность къ лѣвому плечу и вновь къ лѣвой рукѣ. Такимъ образомъ, получается изображеніе слова *ла* (лямъ-элифъ)—*нѣтъ* и вмѣстѣ съ тѣмъ внѣдряется оно въ сердце.

Съ такими тѣлодвиженіями *зикръ*⁶⁾: *ла илоа илль алла* повторяется неисчислимое количество разъ въ теченіе четверти часа, иногда и дольше. Этому дикому завыванію аккомпанируютъ, стоя у халькэ, нѣсколько *хафизовъ*⁷⁾, хатыбовъ или *диванэ* (сарты говорятъ *дувана*) пронзительнымъ пѣніемъ стиховъ Корана, или *аятовъ*.

За изрыганіемъ *зикра*: *ла илоа илль алла*, продолжительность котораго зависитъ отъ изрыганія его 111 разъ, слѣдуетъ произношеніе *зикра илль алла*: кромѣ Бога!, который повторяется тоже 111 разъ. Тѣло при этомъ нагибается впередъ и назадъ: при словѣ *илль*, произносимомъ всегда съ особеннымъ удареніемъ, наклоняется впередъ, со словомъ *алла* приводится въ вертикальное положеніе. Сперва *зикръ* этотъ произносится медленно и тѣло нагибается къ землѣ на большой уголъ, затѣмъ произношеніе учащается, гортанныя завыванія принимаютъ сокращенный размѣръ

⁶⁾ Въ обширномъ смыслѣ *зикръ* (или *зикиръ*, какъ выговариваютъ здѣсь сарты), при духовныхъ упражненіяхъ, значитъ повтореніе различныхъ качествъ Бога (которыхъ насчитывается до 1001), въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ сряду. Болѣе употребительны слѣдующія выраженія: *ла илоа илль алла*: нѣтъ Божества кромѣ Аллаха, *я алла*: о, Боже!, *я хуа* или *хуа*: о, Онъ вездѣсущій, *я хакъ*: о, всенстинный!, *я хей*: о, живый!, *я куюмъ*: о, всепостоянный!, *я капаръ*: о, воздаятель! Въ тѣсномъ смыслѣ, *зикръ* означаетъ какое-нибудь отдѣльное изъ вышеприведенныхъ выраженій. Моленіе прозелитовъ *джагіе* также называется въ народѣ *зикиръ*, ибо оно состоитъ болѣею частію въ произнесеніи *зиковъ*. Собственно у *джагіе* характерный *зикръ* гу-алла! я хей Аллагу! Этотъ элементарный *зикръ* разнообразится ритмомъ, который бываетъ единичный—екъ-зарбъ (гу), двойной—ду-зарбъ (гу-гууу), тройной—сэ-зарбъ (гу-гу-гууу), четверной—чаръ-зарбъ (хай-гу-алла-гу).

⁷⁾ *Хафизъ*—тотъ же Кары, т.-е. знающій коранъ наизусть.

и туловище наклоняется все на меньшій и меньшій уголъ, сообразуясь въ тактѣ съ *зикромъ*, и, наконецъ, движется въ вертикальномъ направленіи сверху внизъ.

Зикръ илль-алла смѣняется другимъ славословіемъ: *хейй алла хейй*—живъ Аллахъ, безсмертенъ!, которые, такъ же, какъ и *илль алла*, произносятся сперва медленно съ преклоненіемъ туловища къ землѣ; затѣмъ произношеніе учащается и тѣлодвиженія, въ кадансѣ славословію, принимаютъ болѣе и болѣе вертикальное положеніе. По мѣрѣ воодушевленія, тѣлодвиженія превращаются въ подпрыгиваніе туловища на мѣстѣ въ вертикальномъ положеніи. Экстазь увеличивается. Халькэ суживается, прозелиты схватываются со своихъ мѣстъ, цѣпляются другъ за друга и всей массой движутся по мечети, подпрыгивая и изрыгая *зикръ хейй алла хейй*. Хафизы продолжаютъ между тѣмъ, что есть мочи, пронзительно выкрикивать запасъ *аятовъ*.

Послѣ болѣе или менѣе продолжительнаго движенія по мечети, вся группа становится въ большой кругъ передъ киблэ въ полъ-оборота и расшатываютъ туловища сперва справа налѣво произнося все тотъ-же *зикръ хейй алла хейй*, или повторяя первое слово: т.-е. *хейй хейй алла хейй*, затѣмъ—впередъ и назадъ.

Къ центру круга выступаютъ, наконецъ, нѣсколько *диванэ*; изступленіе ихъ возрастаетъ, они начинаютъ дигую восторженную пляску (*ракъ*) подѣ аккомпаниментъ *зикра*⁸⁾. Какое-то состояніе безумія овладѣваетъ всѣми ихъ мыслями, всею энергіею. Въ безпамятствѣ бросаются они другъ на друга, теребятъ одинъ другаго въ религиозномъ восторгѣ и вообще неистовствуютъ елико возможно⁹⁾.

⁸⁾ Пляска ихъ походитъ нѣсколько на пляску дервишей ордена Накшбенди.

Особенно неприятно видѣть ее ночью: при усиленныхъ тѣлодвиженіяхъ, модельщикамъ становится жарко; не стѣняясь, снимаютъ они халаты и остаются въ рубашкахъ. Правовѣрные головы, лишившись, при восторженномъ движеніи, своихъ тюрбетеекъ, досыта непривычнымъ для европейскаго глаза блескомъ.

⁹⁾ Орденъ *джагіе* получилъ свое названіе по тѣмъ неистовымъ и ненатуральнымъ крикамъ, которыми выражаются душевные чувства прозелитовъ: арабскій глаголъ *джагара* значитъ *говорить громко*; такимъ образомъ, *джагіе* означаетъ—говорящій громко. (Моленіе этого ордена также называется

Наконецъ, утомленные физически до крайней степени, прозелиты усаживаются въ *халкэ*, окончивъ танцы и зикръ, притихаютъ и погружаются въ созерцаніе, во время котораго ишанъ совершаетъ молитву. За молитвой слѣдуетъ патетическая импровизація хафиза; содержаніе ея составляютъ трогательные эпизоды изъ жизни Мухаммеда—мустафы, Хуссейна, напоминаніе о смертности человека, о загробной жизни, адѣ, огнѣ геенны и проч. Во время этой проповѣди, которую хафизъ выкрикиваетъ съ возможнѣйшимъ напряженіемъ и сопровождаетъ разнообразнѣйшими жестами, слушатели заявляютъ свое сочувствіе криками *ай, оооо, хаккэ* (правда), *ээ... ой-ой... вай-вай... ба-ба-ба... уй-уй... охк-охк...* многие плачутъ, рыдаютъ, припадаютъ къ землѣ, бьютъ себя въ грудь кулаками, судорожно передергиваютъ туловищемъ; *диванэ* издають гортанныя упражненія: *и ххрр, и ххрр...*, или *гай, гай...*

За импровизаціей перваго хафиза, представляющей въ сущности наборъ словъ, выступаетъ на сцену второй, третій. Затѣмъ слѣдуетъ молитва ишана, прерываемая по временамъ довольно стройными припѣвами прозелитовъ: *я хейй, я алла: о, безсмертный, о, Боже!, аллагу-экберъ*: великъ Аллахъ! или безмолвнымъ *текбиромъ* (т.-е. произнесеніемъ мысленно словъ аллагу-экберъ и проведеніемъ обѣими руками по щекамъ и бородѣ) или словами: *Аминъ* и *Бисмилляли-ррахмани-ррахими*—во имя Бога милостиваго и милосердаго.

Послѣ молитвы этой снова начинаются благочестивыя гортанно-желудочныя изрыганія циковъ: 1) *ла илога илль-алла*, 2) *илль-алла*, 3) *хейй, хейй алла, хейй*, 4) *хуа аллагу* (онъ - Аллахъ!), сопровождаемыя вышеописанными тѣлодвиженіями и кривляніями, которыя переходятъ, наконецъ, въ блужданіе по мечети группой и пляску, въ которой танцующіе размахиваютъ руками въ темпъ завыванію. Утомившись, всѣ садятся въ кругъ, въ центрѣ котораго расхолодившійся и далекій до усюженія *диванэ* вертится съ изумительной быстротой, ходитъ въ кругу съ плачемъ, садится,

джагромэ). Орденъ *хуфие* рѣзко отличается отъ *джагриэ* тѣмъ, что зикры произносятся *скрытно, тайно* въ сердцѣ, сопровождаясь также тѣлодвиженіями. Моленіе хуфитовъ происходитъ, слѣдовательно, безмолвно.

коверкается, мечется во всѣ стороны... Между тѣмъ, хафизы продолжаютъ свое дѣло выкрикиванія¹⁰⁾ стиховъ алкорана, а *джагри* хрипливо испускаютъ зикры, поддерживая, такимъ образомъ, раздирающій душу *ensemble*. Дальнѣйшій ходъ моленія представляетъ повтореніе въ томъ или другомъ порядкѣ описанныхъ уже дѣйствій: пляски, произнесенія зикровъ стоя или сидя, молитвы ишана, рѣчей хафизовъ, пѣнія (иногда мелодичнаго) молящихся, танцевъ *диванэ* и проч.

Сеансъ этотъ заканчивается обыкновеннымъ намазомъ, происходящимъ въ урочные часы. Порядокъ и программа моленія, которое представляетъ во многомъ личину, дышетъ напускнымъ, искусственнымъ, зависятъ иногда отъ распорядительности ишана, руководящаго собраніемъ. Во время ночнаго зикра, напримѣръ, въ мечети Ишанъ-Сахиба, гдѣ я роздалъ небольшіе сляу, ишанъ, чтобы сдѣлать моленіе не скучнымъ, исключалъ импровизаціи, а побуждалъ больше къ движенію и крику, группировалъ молельщиковъ, понукалъ толчками хладнокровныхъ и индифферентистовъ къ участию въ зикрѣ и проч.¹¹⁾

Зрителей-мусульманъ при ночномъ моленіи бываетъ весьма немного; дневные-же сеансы посѣщаются ими съ охотою, такъ какъ это моленіе, представляющее душеспасительное *темаша*¹²⁾, даетъ удобный случай убить множество свободнаго у лѣнливыхъ азійцевъ времени. Днемъ мечети бываютъ переполнены этими зѣваками.

Въ такихъ-то грубыхъ формахъ, въ такихъ-то неестественныхъ крикахъ, передать которые въ точности не хватаетъ умѣнья,

¹⁰⁾ Чтобы не слышать собственнаго оглушительно-пронзительнаго крика, хафизъ обыкновенно прикладываетъ ладони къ ушамъ. Если же дать ему небольшой *сляу*, то этотъ крикъ достигаетъ апогея и положительно заглушаетъ зикры полсотни прозелитовъ. Деньги, въ количествѣ нѣсколькихъ копѣекъ, даютъ многіе и изъ присутствующихъ мусульманъ, вѣроятно, на чай, такъ какъ хафизы обильно смачиваютъ имъ во время моленія пересохшую отъ крика глотку.

¹¹⁾ Какъ только прозелиты наэлектризовывались религіознымъ изступленіемъ, ишанъ, вѣ себя отъ удовольствія, съ сверкающимъ взоромъ обращался ко мнѣ съ вопросомъ: *ахши ма*—«хорошо-ли».

¹²⁾ Зрѣлище.

изливаютъ правобрующіе свои чувства Аллаху, и признаютъ этотъ способъ однимъ изъ путей (*сутокъ*) къ созерцанію сокровеннаго!

По лицу Семирѣчья эти святоши, руководители джагровъ или зикровъ называются *хазретами*. Они проживаютъ въ селеніяхъ и городахъ, въ такъ называемыхъ *ханка* (скитъ или пустынь), гдѣ совершаются въ опредѣленные дни и часы, преимущественно по пятницамъ, зикры.

О происхожденіи *громкаго зикра* (джагръ) находимъ нѣкоторыя извѣстія у мусульманскихъ писателей.

Въ книгѣ *Амару арбаа* (4 потока), соч. Ахмедъ Саида изъ Медины, сообщается: Хасанъ Чашти, умершій 633 г. въ Индустанѣ, говоритъ: Алій обратился къ пророку, прося показать ему ближайшіе пути къ Богу, а также превосходнѣйшіе и легчайшіе для рабовъ Божіихъ. Пророкъ сказалъ: необходимъ многократный зикръ въ уединеніи. Алій спросилъ: какіе зикры дѣлать? Пророкъ сказалъ: зажмурь глаза твои и слушай. Потомъ сказалъ: „ля иллага иль алла“ трижды. Алій слышалъ и послѣ того сказалъ: „ля-иллага иль алла“ трижды. Пророкъ слышалъ. Послѣ того Алій научилъ этому зикру Хасана Басри, Хасанъ научилъ Абду Вахида бенъ Заидъ....

Въ книгѣ *Рамахагъ*, сочиненіи ученика ходжи Ахрара, Фахреддина, сына Хусейнъ Ваиза 893 г., жившаго въ Самаркандѣ, находимъ: ходжа Махмудъ Анджиръ Фагнави, изъ числа превосходнѣйшихъ спутниковъ ходжа Арифа, въ средѣ этихъ спутниковъ былъ назначенъ преемникомъ ходжа Арифа. Мѣсто рожденія его Анджиръ Фагнави—деревня въ бухарскихъ владѣніяхъ, въ округѣ Вабкани, большаго селенія, заключающаго въ себѣ нѣсколько селеній и пахатныхъ полей, въ разстояніи 3 фарсаховъ отъ города. Жилъ въ Вабкани, могила его тамъ-же; ремесломъ штукатурщикъ, этимъ и кормился.

Когда ходжа получилъ назначеніе на руководство (иршадъ), то, примѣняясь ко времени и состоянію своихъ послѣдователей

(т.-е. замѣтивъ, что ритуаль Хуфіѳ не производитъ на нихъ надлежащаго дѣйствія) онъ изобрѣлъ *зикръ громкій* (альяніе). Въ первый разъ онъ употребилъ этотъ зикръ во время смертной болѣзни учителя (ходжа Ахрара), предъ самой смертью его на холмѣ Реугери. Тогда ходжа Ахраръ сказалъ: вотъ время, которое, мнѣ указано, т.-е. что втайнѣ имъ получено указаніе, что наступаетъ время, когда послѣдователи его, сообразно ихъ состоянію, должны произносить громкій зикръ (джагръ). Когда ходжа Ахраръ умеръ, то ходжа Махмудъ въ мечети, которая у воротъ Вабкани, занялся громкимъ зикромъ.

Доказательство: Мауляна Хафизеддинъ, великій ученый своего времени, прадѣдъ ходжа Магомета Парса, по указанію ученѣйшаго (Уста Улемовъ) Шамсуль-Эйюма Хальваи въ Бухарѣ, спросилъ у ходжа Махмуда, въ присутствіи многихъ ученыхъ своего времени: съ какой цѣлью онъ произноситъ громкій зикръ? Ходжа отвѣчалъ: чтобы спящіе проснулись и нерадивые были увѣдомлены, обратили-бы лицо на дорогу и стали-бы на путь шаріата и тариката, побуждались-бы къ моленію, ключу добродѣтели и источнику счастья. Хафизеддинъ сказалъ: эта цѣль правильна и такъ поступать вамъ дозволяется. Тогда-же у ходжа Махмуда спросили: кому полезенъ этотъ зикръ? Онъ отвѣчалъ: тому, чей языкъ чистъ отъ лжи и осужденія, чье горло чисто отъ запрещенной пищи, чье сердце чисто отъ тщеславія и сокровенное чисто отъ обращенія къ чему-либо, кромѣ Бога.

Время жизни ходжа Махмуда не нашель, но ученикъ его ходжа Али умеръ 721 г.

Группа *Джагриѳе*, отъ которой идетъ ходжа Арифъ съ Ахметомъ Ясави, такова: ходжа Юсупъ Хамадани умеръ 535 г. въ Мервѣ, гдѣ его могила. Его ученики: ходжа Ахметъ Ясави, ходжа Абдулла Бораки, ходжа Хасанъ Андали, ходжа Абдухалыкъ Гишдувани. Ученики ходжа Абдухалыка: ходжа Ахметъ Садыкъ, *ходжа Арифъ*, ходжа Авлія Кебиръ, ходжа Авлія Гарибъ....

С М Ъ С Ъ.

ИТОГИ ИЗСЛѢДОВАНІЯ ОМСКОЙ ФЛОРЫ.

Результатомъ работъ по изученію Омской флоры, работъ Килломана, Колоколова и Гольде, является накопленіе сырого матеріала, опредѣленіе сосудистыхъ растений, живущихъ на данной мѣстности. Этимъ, да еще указаніями на мѣстообитаніе и распространенность каждаго вида, что сдѣлалъ г. Килломанъ, ограничиваются данныя по интересующему насъ вопросу. Задача—далеко не рѣшена. Не говоря уже о томъ, что мы ничего не знаемъ о массѣ растений споровыхъ, ожидающихъ изслѣдователя-спеціалиста, мы не имѣемъ еще ни полного, обстоятельнаго списка сосудистыхъ, такъ какъ статьямъ выше названныхъ натуралистовъ еще не подведено итога въ печати, ни свѣдѣній о времени цвѣтенія опредѣленныхъ растений края. Вотъ задачи, стоящія на первой очереди. Изслѣдованіе ниспихъ споровыхъ и опредѣленіе срока цвѣтенія каждаго изъ сѣмянныхъ растений Омской флоры—суть работы, требующія немалаго времени, и ожидать ихъ въ настоящее время еще рано. Но уже теперь является вполне умѣстной и осуществимою задача составленія списка сосудистыхъ растений и подведенія итога тому, что добыто. Близко познакомившись со статьями по Омской флорѣ, сдѣлавъ нѣкоторыя наблюденія и самымъ тщательнымъ образомъ разсмотрѣвъ гербарій К. Л. Гольде (благодаря любезному содѣйствію члена Географическаго Отдѣла В. А. Левендинскаго, разрѣшившаго мнѣ пользованіе этимъ гербаріемъ), я 1) составилъ списокъ сосудистыхъ растений края, 2) имѣлъ возможность получить любопытныя и важныя статистическія данныя, ярко характеризующія мѣстную растительность,—данныя, которыя я считаю долгомъ теперь-же предложить вниманію лицъ, интересующихся изученіемъ мѣстной флоры. Вотъ эти данныя:

Общее число сосудистыхъ растений г. Омска и его окрестностей,

района въ 152 версты отъ N. къ S. и 111 версть отъ O. къ W., есть 532 вида; въ томъ числѣ сѣмянныхъ или явнобрачныхъ, цвѣтковыхъ, растений—526 видовъ и высшихъ споровыхъ, тайнобрачныхъ, именно—хвощей и папоротниковъ—6. Ничтожное число послѣднихъ растений объясняется отсутствіемъ лѣсовъ, степною природою страны. Изъ этихъ 6 видовъ 5 принадлежатъ роду *Equisetum* и 1 *Pteris*. Самымъ распространеннымъ и обильнымъ по числу особей оказывается *Equisetum limosum* L., обитающій по болотамъ.

526 видовъ явнобрачныхъ растений принадлежатъ 67 семействамъ, изъ которыхъ 51 относится къ классу двудольныхъ, 1 къ классу голосѣмянныхъ и 15—къ классу однодольныхъ. Общее число видовъ изъ класса двудольныхъ есть 422, изъ класса голосѣмянныхъ 1, изъ класса однодольныхъ 103 вида. Значительное преобладаніе двусѣмянодольныхъ растений объясняется географическою широтою изслѣдуемой мѣстности и ея континентальнымъ положеніемъ, ея отдаленностью отъ берега моря. Это преобладаніе было-бы еще болѣе значительнымъ, если-бы мѣстныя условія, а именно—обиліе болотъ, не содѣйствовали появленію и развитію массы односѣмянодольныхъ, особенно изъ семействъ осоковыхъ и ситниковыхъ (*Cyperaceae* et *Juncaceae*).

Разсмотрѣвши, въ какомъ отношеніи другъ къ другу и къ общему числу видовъ флоры цвѣтковыхъ находятся вышеупомянутыя главнѣйшія группы растений, я получилъ слѣдующія цифры:

- 1) отношеніе числа двудольныхъ ко всей флорѣ $= \frac{1}{1,24}$
- 2) отношеніе числа однодольныхъ ко всей флорѣ $= \frac{1}{5,10}$
- 3) отношеніе однодольныхъ къ двудольнымъ $= \frac{1}{4,09}$

Такимъ образомъ, оказывается, что число односѣмянодольныхъ растений въ Омской флорѣ весьма значительно. Преобладающими по числу видовъ и числу особей являются изъ нихъ семейства *Gramineae* (злаки)—36 видовъ и *Cyperaceae* (осоки)—27 видовъ. Изъ общаго числа семействъ односѣмянодольныхъ растений мѣстной флоры (15) болѣе половины, а именно—8 семействъ, живутъ исключительно только на сырыхъ, болотистыхъ пространствахъ; изъ 103 видовъ односѣмянодольныхъ болѣе половины, именно—53 вида, свойственны только сырмъ, болотистымъ участкамъ поверхности.

Изъ злаковъ нашихъ сухихъ луговъ наиболѣе богатыми по числу особей являются хорошая кормовая трава *Festuca ovina* L. и пырей *Triticum repens* L.

Переходя затѣмъ къ числу кустарниковъ и вообще древесныхъ породъ нашей флоры и къ отношенію этого числа къ таковому-же всѣхъ вообще видовъ нашихъ цвѣтковыхъ растений, я скажу, что нашелъ слѣдующія цифры:

Число кустарниковъ¹⁾ и древесныхъ породъ = 32.

Отношеніе его къ числу видовъ всей флоры $= \frac{1}{16,43}$.

Оказывается, мы не богаты кустарниками.

Изъ деревьевъ первое мѣсто по числу особей принадлежитъ березѣ, затѣмъ—соснѣ; изъ кустарниковъ—ивѣ, и именно роду *Salix*. Къ числу мѣстныхъ древесныхъ породъ я присоединяю не указываемый изслѣдователями *Populus alba*, тополь серебристый: 1) его начинаютъ усиленно разводить въ городѣ; 2) я замѣтилъ нѣсколько молодыхъ экземпляровъ его на склонѣ сырого оврага въ Загородной рошѣ, за бывшимъ вокзаломъ. Между мелкими кустарниками нашей степной мѣстности слѣдуетъ отмѣтить весьма распространенный на сухихъ лугахъ таволожникъ—*Spiraea hypericifolia* L. var. *latifolia* и 4 вида *Rosae*.

По безотносительному числу видовъ семейства Омской флоры располагаются въ слѣдующемъ порядкѣ:

Compositae (сложноцвѣтныя)—66 видовъ, *Cruciferae* (крестоцвѣтныя)—36 видовъ, *Gramineae* (злаки)—36 видовъ, *Papilionaceae* (мотыльковыя)—32 вида, *Caryophylleae* (гвоздичныя)—27 видовъ, *Cyperaceae* (осоковыя)—27 видовъ, *Rosaceae* (розоцвѣтныя)—26 видовъ, *Scrophularineae* (норичниковыя)—24 вида, *Ranunculaceae* (лютиковыя)—23 вида, *Umbelliferae* (зонтичныя)—21 видъ, *Chenopodeae* (маревыя)—21 видъ, *Polygoneae* (гречишныя)—17 видовъ, *Labiatae* (губоцвѣтныя)—16 видовъ, *Boraginaceae* (бурачниковыя)—11 видовъ, *Salicineae* (ивовыя)—10 видовъ, *Plantagineae* (попутниковыя)—7 видовъ, *Primulaceae* (скороспѣлковыя)—6 видовъ, *Potameae* (крестовыя)—6 видовъ, *Gentianeae* (горечавковыя)—5 видовъ, *Liliaceae* (лилейныя)—5 видовъ, *Violariceae* (фіалковыя),

¹⁾ Безъ видовъ *Pyrolae* и *Thaurogum*.

Malvaceae (мальвовыя), Geraniaceae (журавельниковыя), Rubiaceae (мареновыя), Rutaceae (грушанковыя), Convolvulaceae (вьюновыя), Orchideae (орхидныя) и Juncaceae (ситниковыя)—по 4 вида; Rosaceae (яблочныя), Haloragaceae (сланолягодниковыя), Caprifoliaceae (жимолостныя), Campanulaceae (колокольчиковыя), Solanaceae (паслёновыя), Plumbaginaceae (свинцовниковыя), Urticeae (крапивныя), Turficeae (рогозовыя), Lemnaceae (ряски), Alismaceae (частушныя), Iridaceae (касатиковыя) и Asparagaceae (спаржевыя)—по 3 вида; Nymphaeaceae (нимфейныя), Polygaleae (истодовыя), Onagraceae (кипрейныя), Lythraceae (подбережниковыя), Grossulariaceae (смородинныя), Asclepiadeae (ластовневныя), Euphorbiaceae (молочайныя), Juncaginaceae (ситниковидныя), Hydrocharitaceae (водокрасовыя)—по 2 вида и, наконецъ, прочія, т.-е.: Fumariaceae (дымниковыя), Frankeniaceae, Droseraceae (росянковыя), Tiliaceae (липовыя), Rhamnaceae (крушиновыя), Crassulaceae (толстянковыя), Cornaceae (деренныя), Valerianaceae (мауновыя), Dipsacaceae (ворсянковыя), Lentibulariaceae (пузырчатыя), Amaranthaceae (амарантовыя), Santalaceae (сандальныя), Ceratophylleae (роголистныя), Callitrichaceae (болотниковыя), Betulaceae (березовыя), Coniferae (хвойныя), Aroideae (аронниковыя) и Butomeae (сусаковыя)—по одному виду.

Отношеніе числа видовъ каждаго изъ наиболѣе богатыхъ семействъ къ общему числу видовъ флоры, а слѣдовательно и мѣсто, точно занимаемое каждымъ изъ этихъ семействъ среди другихъ, показываетъ слѣдующая таблица:

Названіе семействъ	Число видовъ семейства.	Отношеніе числа видовъ семейства къ числу видовъ всей флоры.	Мѣсто занимаемое семействомъ по числу видовъ.
Compositae	66	$\frac{1}{7,96}$	1
Cruciferae	36	$\frac{1}{14,61}$	2
Gramineae	36	$\frac{1}{14,61}$	
Papilionaceae	32	$\frac{1}{16,43}$	3
Caryophylleae	27	$\frac{1}{19,48}$	4

Названіе семействъ	Число видовъ семейства.	Отношеніе числа видовъ семейства къ числу видовъ всей флоры.	Мѣсто занимаемое семействомъ по числу видовъ.
Cyperaceae	27	$\frac{1}{19,48}$	4
Rosaceae	26	$\frac{1}{20,23}$	5
Scrophulariaceae	24	$\frac{1}{21,91}$	6
Ranunculaceae	23	$\frac{1}{22,86}$	7
Umbelliferae	21	$\frac{1}{25,04}$	8
Chenopodeae	21	$\frac{1}{25,04}$	
Polygonaceae	17	$\frac{1}{30,94}$	9
Labiatae	16	$\frac{1}{32,87}$	10
Boraginaceae	11	$\frac{1}{47,81}$	11

Разсматривая эту таблицу, нельзя не замѣтить, что наша растительность довольно своеобразна. Обиліе крестоцвѣтныхъ, а особенно *маревыхъ* бросается въ глаза и составляетъ черту весьма примѣчательную. Что касается послѣдняго обстоятельства, т.-е. высокаго мѣста, занимаемаго по числу видовъ семействомъ маревыхъ (Chenopodeae), то мы легко объяснимъ себѣ его raison d'être, если вспомнимъ о солончакахъ нашего края. И, въ самомъ дѣлѣ, такія растенія, какъ: *Salicornia herbacea* L., *Schoberia maritima* C. A. Mey., *Salsola collina* Pall., *Chenopodium ficifolium* Sm., *Chenopodium rubrum* L., *Atriplex patula* L., *Atriplex littoralis* L., *Obione pedunculata* Moq. T. суть, какъ извѣстно, растенія именно солончаковыя—и всѣ эти растенія входятъ въ семейство маревыхъ, увеличивая собою число его мѣстныхъ представителей. Чтобы не возвращаться потомъ къ растеніямъ солончаковъ, я перечислю представителей изъ другихъ семействъ, живущихъ, по сдѣланнымъ наблюденіямъ, вмѣстѣ съ указанными маревыми. Это суть: *Glaux maritima* и *Triglochin maritimum* (во множествѣ покрывающія по-

верхность солончаковъ), а затѣмъ—*Aster tripolium*, *Artemisia Lercheana*, *Saussurea amara*, *Statice Gmelini*, *Plantago maritima*, *Glyceria distans* и (немного) *Lepidium crassifolium*.

Изъ представителей богатаго семейства *Compositae* (сложноцвѣтныя) наиболѣе выдаются по числу видовъ роды: *Artemisia* (12 видовъ съ разновидностями!), *Aster*, *Senecio*, *Sonchus* и *Crepis* (по 4 вида); а по числу особей—*Aster dracunculoides* и въ особенности *Artemisia*. Окрестности г. Омска—настоящее царство полыни; часто весьма значительные участки сплошь покрыты сѣроватыми кустиками *Artemisiae glaucae* и серебристыми коврами *Artemisiae frigidae*. Въ семействѣ *Cruciferae* (крестоцвѣтныя) наиболѣе богаты видами роды: *Lepidium* и *Sisymbrium*, а числомъ особей: *Sisymbrium Loeselii*, *S. Sophia*, *Berteroa (Alyssum L.) incana*, *Erysimum cheirantoides*. О злакахъ сказано выше. Въ семействѣ *Papilionaceae* (мотыльковыя) первое мѣсто по числу видовъ занимаютъ роды: *Astragalus* (8 видовъ), *Trifolium* и *Lathyrus*; а по числу особей выдаются: *Trifolium pratense*, *Tr. repens*, *astragalus uliginosus*, *Vicia cracca* (последнее разсѣянно). Въ семействѣ *Carophylleae* (гвоздичныя) на первомъ мѣстѣ по числу видовъ должны быть поставлены роды: *Silene* (8 вид.), *Stellaria* (5 вид.) и *Arenaria*. Первый изъ этихъ родовъ особенно бросается въ глаза и по числу особей. Въ семействѣ *Cyperaceae* (осоковыя) роду *Carex* принадлежатъ 20 видовъ; роду *Scirpus*—4 вида. Большинство представителей этого семейства живутъ по сырмъ мѣстамъ и болотамъ. Въ семействѣ *Rosaceae* (розоцвѣтныя) самымъ богатымъ родомъ является *Potentilla* (насчитывается 9 видовъ), а затѣмъ—*Rosa*. По числу особей первое мѣсто занимаетъ *Potentilla anserina*. Въ семействѣ *Scrophulariaceae* (норичниковыя) 11 видовъ относится къ роду *Veronica*; растеніямъ, принадлежащимъ къ этому роду, живется у насъ очень и очень недурно, что обнаруживается и въ числѣ особей. Между представителями этого семейства есть у насъ и чужездныя, именно—*Orobanchae* (2 вида), занимающія, впрочемъ, по числу особей, самое последнее мѣсто; одинъ изъ видовъ *Orobanchae* кормится на счетъ мотыльковыхъ, другой былъ найденъ на полыни. Въ семействѣ

Ranunculaceae (лютиковыя) наиболѣе богатыми являются роды: *Ranunculus* (10 видовъ) и *Thalictrum*. Всѣ виды *Ranunculus* у насъ богаты особями и почти всѣ обитаютъ по сырмъ мѣстамъ. Особи *Thalictrum* часто разсѣяны повсюду. Въ семействѣ *Umbeliferae* (зонтичныя) числомъ особей, по указанію изслѣдователей, выдаются 2 вида: *Seseli athamantoides (Libanotis sibirica)* и *Peucedanum officinale*; послѣдній, дѣйствительно, образуетъ густыя группы. Въ семействѣ *Chenopodeae* (маревыя) на первое мѣсто слѣдуетъ поставить родъ *Chenopodium*, имѣющій 7 видовъ и весьма обильный особями.

Въ семействѣ *Polygonaceae* (гречишныя) выдаются роды *Polygonum* (9 видовъ) и *Rumex* (6 видовъ). Первое мѣсто по числу особей принадлежитъ, конечно, видамъ *Polygonum aviculare* и *Rumex confertus Willd.* Въ семействѣ *Labiatae* (губоцвѣтныя) по числу особей замѣчательны виды *Leonurus glaucescens* и *Thymus serpyllum*—оба образуютъ густыя группы. 6 изъ 16 видовъ свойственны сырмъ мѣстамъ. Въ семействѣ *Boraginaceae* (бурачниковыя) особями выдаются роды: *Myosotis*, имѣющій 4 вида, *Echinopspermum* и *Lithospermum*.

Изъ семействъ, бѣдныхъ видами, но зато богатыхъ числомъ особей, слѣдуетъ отмѣтить: *Violariaceae* (фіалковыя), *Malvaceae* (мальвовыя), *Rubiaceae* (мареновыя), *Primulaceae* (скороспѣлковыя), *Solalaceae* (пасленовыя; особенно—*Hyoscyamus niger*), *Plantagineae* (попутниковыя), *Amaranthaceae* (амарантовыя), *Urticeae* (крапивныя), *Betulineae* (березовыя), *Argideae* (аронниковыя), *Lemnaceae* (ряски), *Potameae* (рдестовыя), *Juncagineae* (ситниковидныя), *Asparagaceae* (спаржевыя) и *Juncaceae* (ситниковыя). Наконецъ, къ числу наиболѣе бѣдныхъ семействъ относятся у насъ (по числу особей): *Crassulaceae* (толстянковыя), *Cornaceae* (деренныя), *Santalaceae* (сандальныя) и особенно—*Orchideae* (орхидныя). Послѣднихъ встрѣчается очень мало, гораздо меньше, чѣмъ въ соотвѣтствующихъ широтахъ Европейской Россіи и на востокѣ, гдѣ на примѣръ въ Минусинской флорѣ насчитывается 10 видовъ. Наши виды орхидныхъ (*Orchis latifolia*, *Gymnadenia conopsea*, *Cypripedium guttatum*

и *C. calceolus*) суть ничто иное, какъ печальные свидѣтели прежняго обилія лѣсовъ; отсутствіемъ послѣднихъ прямо и объясняется бѣдность Омской флоры представителями прекраснаго семейства орхидныхъ.

Очень возможно, что послѣдующія, болѣе точныя, изысканія увеличатъ число видовъ нашей флоры цвѣтковыхъ, но общій характеръ ея, очевидно, вполне опредѣляется и изъ того, что уже добыто.

М. Сіазовъ.

26-го сентября 1888 года.

О м с к ъ.

З А М Ъ Т К А.

Въ 1-мъ выпускѣ VIII книжки „Записокъ“ Западно-Сибирскаго Отдѣла Русскаго Географическаго Общества, въ статьѣ о заносимыхъ въ Сибирь растеніяхъ, принадлежащей К. Л. Гольде, содержатся, между прочимъ, указанія на растенія *Trifolium arvense* и *Anthemis tinctoria* L., какъ на новыя для Сибири и найденныя только въ Приуральѣ (около Екатеринбурга). Но относительно *Anthemis* въ той-же статьѣ есть указаніе, что это растеніе найдено было еще въ прошломъ столѣтіи.

Считая вопросъ о занесеніи въ Сибирь растеній изъ другихъ мѣстностей еще далекимъ отъ разрѣшенія (по скудости доселѣ бывшихъ изслѣдованій), пишущій эти строки считаетъ, однако-же, долгомъ констатировать слѣдующіе факты: оба названныя растенія были найдены имъ цвѣтущими въ окрестностяхъ г. Ялуторовска, во 2-й половинѣ іюля 1884 года; первое (въ очень небольшомъ количествѣ, разсѣянн) между березовыми кустами, по дорогѣ изъ названнаго города въ Омскъ, второе (1 экземпляръ)—на пашнѣ, около березовой рощи. При этомъ пользуюсь случаемъ заявить, что ни у г. Килломана, ни у г. Гольде я не нашелъ другихъ видовъ *Люцерны* (*Medicago* L.) кромѣ *M. lupulina* и *M. falcata*. Между тѣмъ, въ Казачьемъ скверѣ, а также по садамъ и огородамъ Омска нерѣдко встрѣчается 3-й видъ этого растенія—съ темномалиновыми цвѣтками, гладкими улиткообразными бобами, вѣтвистымъ стеблемъ, съ продолговато-обратно-яйцевидными тройчатыми листьями, зазубренными близъ верхушки и обанчивающимися однимъ острымъ зубчикомъ (на самомъ верху),—словомъ, съ признаками *Medicago sativa* L. Какъ извѣстно, эта кормовая трава нерѣдко встрѣчается и одичавшею. Фактъ нерѣдкаго нахождения этого растенія въ городѣ служитъ, по моему мнѣнію, доказательствомъ, что растеніе это уже успѣло акклиматизироваться у

нась. А отсутствіе указаній можно объяснить или тѣмъ обстоятельствомъ, что это растеніе занесено къ намъ сравнительно недавно или—простой случайностью.

Въ первый разъ я нашелъ это растеніе въ скверѣ въ началѣ августа 1887 года. Цвѣтетъ оно очень долго—начиная съ іюля (включительно) и кончая сентябремъ.

М. Сіязовъ.

15-го сентября 1888 г.
О м с к ъ.

НАБЛЮДЕНІЯ НАДЪ ПОЯВЛЕНІЕМЪ РАСТЕНІЙ, ЗАНОСИМЫХЪ ВЪ Г. ОМСКЪ И ЕГО ОКРЕСТНОСТИ ИЗЪ ДРУГИХЪ МѢСТЪ.

II.

Подъ этимъ заглавіемъ помѣщена въ „Запискахъ“ Западно-Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, а именно въ 1-мъ выпускѣ VIII кн., моя первая статья, въ которой я упомянулъ, что было-бы весьма интересно производить наблюденія надъ появленіемъ въ Омскѣ растеній другихъ странъ и слѣдить затѣмъ, которыя изъ этихъ растеній распространяются настолько, чтобы со временемъ могли войти въ составъ Омской флоры.

Объщавъ пополнить со временемъ, сдѣланныя мною въ продолженіи 2-хъ лѣтъ, наблюденія, я слѣдилъ также и въ 1886 году за появленіемъ новыхъ растеній и за распространеніемъ тѣхъ, о наблюденіи которыхъ я уже сообщилъ въ первой моей статьѣ.

Изъ новыхъ растеній, появившихся около г. Омска и найденныхъ мною въ 1886 году, слѣдующія:

1) *Вечерница сибирская* (*Hesperis sibirica* L.). Это многолѣтнее растеніе, которое у Ледебура¹⁾ числится разновидностью вечерницы или т. н. ночной, вечерней фіалки, встрѣчается вѣроятно довольно часто въ Сибири, но гдѣ именно съ точностью сказать нельзя, потому что, какъ я уже упомянулъ, она считается только разновидностью и неизвѣстно, къ которой изъ разновидностей относится указаніе, что вечерница встрѣчается на Уралѣ, Алтай при Байкалѣ, въ Дауріи. Я встрѣчалъ сибирскую вечерницу на откосѣ по лѣвому берегу р. Оми, между кустарниками, 28-го іюня 1886 г., въ полномъ цвѣтѣ и на томъ-же мѣстѣ, 2-го августа того-же года, еще цвѣтущею и съ развитыми, но незрѣлыми плодами.

2) *Ясколка луговая* (*Cerastium arvense* L.). Небольшая группа этого растенія найдена мною въ $\frac{1}{2}$ верстѣ отъ Интендантскаго

¹⁾ Flora Rossica. I, стр. 172.

селада, по дорогѣ, идущей параллельно почтовой дорогѣ въ Семипалатинскѣ, ближе къ Иртышу. Желая убѣдиться не встрѣтятся ли по-близости еще нѣсколько экземпляровъ этого растенія, я осмотрѣлъ совмѣстно съ бывшимъ со мною на экскурсіи д-мъ Соломинимъ мѣстность, примѣрно въ нѣсколько квадратныхъ верстѣ, но болѣе нигдѣ его не встрѣтили. Хотя ясколка луговая только въ этомъ году найдена около Омска въ первый разъ, но все-таки она принадлежитъ въ другихъ мѣстностяхъ къ очень распространеннымъ растеніямъ, такъ какъ встрѣчается по всей Европейской и Азіатской Россіи по поемнымъ лугамъ, выгонамъ и на степяхъ. Такъ какъ это растеніе многолѣтнее, то можно предполагать, что оно современемъ будетъ довольно распространено около Омска.

3) *Мальва красивая* (*Malva pulchella* Bernh.). Единственное мѣстонахождение этого однолѣтняго растенія—Прибайкальская Сибирь, гдѣ оно найдено только Турчаниновымъ и Щукинымъ, откуда вѣроятно случайно занесено въ Омскъ. Мною найдено два экземпляра этой мальвы 11-го іюля 1886 г. цвѣтущими и съ плодами почти развитыми, на сорномъ мѣстѣ на плацу близъ провіантскаго магазина, а черезъ день, т.-е. 12-го іюля, я встрѣтилъ еѣ въ большомъ числѣ экземпляровъ на правомъ берегу р. Оми, за военнымъ госпиталемъ, совмѣстно съ мальвой сѣверной (*Malva borealis* Wallm.¹⁾), съ лежачею острицею и съ другими сорными травами.

4) *Подмаренникъ мокрецъ* (*Galium Aparine* L.) растеть на поляхъ, между кустарниками и при изгородахъ почти во всей Европейской и Азіатской Россіи. Около Омска я только наблюдалъ это однолѣтнее растеніе на дворѣ военного аптечнаго магазина, но до поздней осени оно не цвѣло.

5) *Ромашка трубкоцвѣтная* (*Matricaria discoidea* Dec.). Эту ромашку я наблюдалъ въ Омскѣ въ продолженіи двухъ лѣтъ на дворѣ аптечнаго магазина, но такъ какъ передъ развитіемъ цвѣточной головки она исчезала вслѣдствіе очищенія двора отъ травъ, то я

¹⁾ Упомянутую г. Килломаномъ въ его флорѣ г. Омска *Malva rotundifolia* L. было-бы лучше назвать для предупрежденія недоразумѣній *Malva borealis* Wallm. Настоящая *M. rotundifolia* (*M. vulgaris* Fries. *M. neglecta* Wall.) около Омска не встрѣчается.

съ достовѣрностью не могъ раньше опредѣлить этотъ видъ. Въ 1886 году я принялъ мѣры, чтобы не истребляли это растеніе, и убѣдился, что мое предположеніе, что это ромашка трубкоцвѣтная, было совершенно вѣрно, и на томъ мѣстѣ я уже встрѣтилъ ее группами въ 3, 5 до 40 растеній. Отечество этой ромашки Камчатка и нѣкоторые острова въ сосѣдствѣ этого полуострова. Ледебуръ упоминаетъ (*Flora Rossica* II стр. 544), что она найдена Турчаниновымъ около Охотска, Редовскимъ и Эрманомъ на Камчаткѣ, Шамизо на островѣ Уналашкѣ, Бонгардомъ на Ситхѣ. Можно было бы предположить, что это растеніе явилось около Омска изъ Камчатки, но это невѣроятно, такъ какъ оно до сихъ поръ въ Восточной Сибири, кромѣ упомянутыхъ выше мѣстъ, нигдѣ не найдено; даже въ Якутской губерніи его вѣроятно нѣтъ, какъ можно частью убѣдиться изъ „*Nachrichten ueber das Wilui—Gebiet in Ostsibirien*“ Мейннгаузена (въ *Beitraege zur Kenntniss des Russischen Reichs*.... 1871 года, томъ 26). Гораздо вѣроятнѣе, что это растеніе занесено изъ Петербурга съ сѣномъ, служащимъ для упаковки медикаментовъ, получаемыхъ изъ Петербургскаго аптечнаго магазина, который помѣщается на Аптекарьскомъ островѣ, гдѣ, сколько мнѣ извѣстно отъ Петербургскихъ ботаниковъ, эта ромашка распространилась отъ культивированныхъ въ Императорскомъ Ботаническомъ саду растеній. Въ шестидесятыхъ годахъ этого столѣтія, я встрѣчалъ ромашку трубкоцвѣтную большими группами въ Петербургѣ на Выборгской сторонѣ близъ того мѣста, гдѣ въ настоящее время проведено полотно Финляндской желѣзной дороги. По Мейннгаузену (*Flora Ungrica* 1878 г. стр. 166) *Matricaria discoidea* растеть около Петербурга обыкновенно на сухихъ мѣстахъ, на солнечныхъ лугахъ, по краямъ полей, по дорогамъ и улицамъ очень часто, иногда на большомъ пространствѣ (Парголово, Лахта, Павловскъ, Луга и м. др.). По А. Роговичу (Обозрѣніе сѣм. и высш. споров. растеній, входящихъ въ составъ флоры губерній Кіевскаго учебнаго округа. Кіевъ 1869 г. стр. 132), она растеть на сырыхъ мѣстахъ, по рѣчкѣ Лыбеди въ окрестностяхъ г. Кіева. Но и въ Германіи (см. P. F. Kuerie. *Anleitung, die im mittl. u. noerdl. Deutschland. wildwachs. u. angebaut. Pflanzen... zu*

bestimmen. Kittlitz. 1860, стр. 259) встрѣчается эта ромашка изрѣдка въ одичаломъ видѣ. На съѣздѣ естествоиспытателей въ С.-Петербургѣ, ботаникъ Мейнслаузенъ сдѣлалъ въ декабрѣ 1867 года сообщеніе (см. Buulletin de la Soc. Imper. des Naturalistes de Moscou 1868, № 2), въ которомъ онъ высказалъ, что это растеніе слѣдуетъ въ настоящее время признать обитателемъ Петербургской губерніи, причемъ онъ упомянулъ, что оно тѣмъ болѣе должно быть причислено къ флорѣ упомянутой губерніи, такъ какъ оно теперь встрѣчается въ различныхъ мѣстахъ Европы; въ Швеціи оно не принадлежитъ къ рѣдкостямъ, какъ это видно изъ гербарія Фризе... Итакъ, по всей вѣроятности, ромашка трубкоцвѣтная была культивирована въ С.-Петербургскомъ Императорскомъ ботаническомъ саду, распространилась на Аптекарскомъ островѣ, а оттуда случайно попала въ другія мѣста, а также и въ г. Омскъ, а черезъ десять лѣтъ, вѣроятно, распространится около этого города настолько, что будетъ причислена къ Омской флорѣ. Цвѣтущія растенія я находилъ отъ конца іюня до половины августа, со зрѣлыми-же плодами я встрѣчалъ въ 1886 году эту ромашку съ конца августа до первыхъ чиселъ сентября.

6) *Осоць жесткій* (*Sonchus asper*. Vill.). Это однолѣтнее растеніе довольно обыкновенно въ Европейской Россіи на мѣстахъ обработанныхъ и около жилья; встрѣчается также въ Сибири преимущественно около г. Красноярска, также въ Прибайкальской Сибири и въ Дауріи. Около Омска, а именно по дорогѣ въ пос. Захламенскій, я нашелъ 13-го іюля 1886 г. между хлѣбными растеніями нѣсколько цвѣтущихъ экземпляровъ этого растенія.

Изъ растеній, упомянутыхъ мною въ первой моей статьѣ, я встрѣтилъ въ 1886 году:

Гулявникъ Таля—на тѣхъ-же мѣстахъ, гдѣ его видѣлъ раньше.

Трилистникъ красноблѣнный—опять-же только на дворѣ Омскаго аптечнаго магазина.

Чечевичу волосистую и *чечевичу четырехъсѣмянную*—на тѣхъ-же мѣстахъ, гдѣ встрѣчалъ прежде.

Ромашку обыкновенную наблюдалъ въ болѣе значительномъ количествѣ на тѣхъ-же мѣстахъ.

Салатъ полевой въ Быковой рошѣ уже не встрѣчалъ, но нашелъ нѣсколько цвѣтущихъ экземпляровъ 26-го іюля на правомъ берегу рѣки Оми, въ самомъ городѣ, ниже и выше моста черезъ Омь, а 3-го августа того-же 1886 года цвѣтущее и съ полурѣлыми плодами въ Казачьемъ скверѣ, такъ что можно полагать, что это растеніе будетъ со временемъ нерѣдкимъ обитателемъ г. Омска.

Пикульникъ длинноцвѣтный я встрѣчалъ въ 1886 году не только около с. Чернолуцкаго, но также на поляхъ по дорогѣ въ с. Кулачинское, на сорныхъ мѣстахъ около Мельничной почтовой станціи, а также и около пос. Черемухова.

Не встрѣчалъ я въ 1886 году, изъ упомянутыхъ мною въ первой моей статьѣ, растеній: *Мишехвостника*, *Гулявника лекарственнаго*, *Трилистника пашеннаго* и *Пулавки красивой*.

Въ этомъ-же году мнѣ удалось, кромѣ того, найти нѣсколько новыхъ растеній для Омской флоры, которыхъ нельзя назвать переселенцами изъ другихъ мѣстъ и которыхъ не удалось наблюдать другимъ естествоиспытателямъ въ недалекомъ разстояніи отъ г. Омска. Такъ какъ я занятъ еще и другою работою, въ которой я заявлю о всѣхъ новыхъ растеніяхъ, найденныхъ мною въ продолженіи 1884, 1885 и 1886 годовъ, то я упомяну предварительно только 4 растенія, найденныя мною въ 1886 г., а именно:

1) *Аллея лекарственная* (*Althaea officinalis*. L.)—за пос. Черемуховскимъ.

2) Одинъ видъ *Маточника* (*Petasites niveus* Trotzky)—на лѣвомъ берегу р. Оми, въ 4 верстахъ отъ Омска.

3) *Болототысячникъ* (*Gratiola officinalis*. L.)—на лѣвомъ берегу р. Иртыша, противъ пос. Черемуховскаго.

4) *Ежеголовка малая*—(*Sparganium minimum*. Fr.)—за пос. Черемуховскимъ.

КАРЛЪ ГОЛЬДЕ.

З А М Ѣ Т К А.

Въ „Вѣстникѣ Садоводства, Пчеловодства и Огородничества“ отъ 22-го февраля 1886 года, № 8 (Протоколъ № 340) упоминается, что Его Высочайшее Превосходительство Степной Генераль-Губернаторъ, Генераль-Лейтенантъ, нынѣ Генераль отъ Инфантеріи, Колпаковскій, обратился съ отношеніемъ въ Императорское Общество Садоводства. Увѣдомивъ о постепенныхъ заносахъ летучими песками городовъ Семипалатинска, Павлодара и Омска, онъ просилъ Общество Садоводства неотказать въ содѣйствіи въ борьбѣ съ такимъ серьезнымъ врагомъ, каковы передвижные пески, своими полезными совѣтами касательно приемовъ облѣсенія смежныхъ съ упомянутыми городами открытыхъ степныхъ равнинъ, береговъ рѣкъ и пригородныхъ песчаныхъ бугровъ, а равно и указаніемъ породъ растеній, наиболѣе пригодныхъ для этой цѣли....

Императорское Общество Садоводства, имѣвши въ виду несомнѣнную опытность въ дѣлахъ подобнаго рода своего члена Николая Кирилловича Срединскаго, просило его сообщить свое мнѣніе по возбужденному вопросу.

Въ № 9 (1-го марта 1886 г.) „Вѣстника Садоводства“ напечатана, вслѣдствіе этого, какъ приложение къ протоколу № 340-му „Краткое наставленіе для укрѣпленія летучихъ песковъ быстрорастущими древесными породами“ Н. К. Срединскаго, а также и „Литература, касающаяся вопроса о летучихъ пескахъ и ихъ укрѣпленіи“.

Это наставленіе настолько практично, что прибавить или пополнить его весьма трудно, но какъ бывший житель Западной Сибири, я бы желалъ указать, гдѣ именно растутъ упомянутыя Н. К. Срединскимъ растенія, а это нужно знать, чтобы можно было получить изъ возможно близкой мѣстности рекомендуемыя древесныя породы и травы.

Н. К. Срединскій совѣтуетъ для первоначальнаго укрѣпленія летучихъ песковъ выбрать быстро-растущія породы изъ числа тѣхъ, которыя обитаютъ на пескѣ; онъ упоминаетъ, что лучшими породами для этого въ Европейской Россіи служатъ шелоугъ (*Salix acutifolia* Willd.) и осокорь (черная тополь—*Populus nigra* L.)

Гдѣ достать осокорь—мнѣ не нужно указывать, такъ какъ въ Омскѣ его разводятъ въ городскихъ садахъ или рощахъ, гдѣ онъ очень хорошо растетъ; встрѣчается онъ также въ Екатеринбургѣ въ при-Алтайской Сибири и въ Зоонгоро-Киргизской степи; относительно шелоуги я могу указать, что по Ледебуру (*Fl. Rossica* томъ III, стр. 601) она растетъ въ при-Алтайской, въ при-Байкальской Сибири и въ Дауріи, а чтобы можно было отличить ея отъ другихъ ивъ, я прилагаю при семъ ея признаки:

Шелоугъ, шелоуга (*Salix acutifolia* Willd. *S. violacea* Smith., *S. daphnoides* β *angustifolia* Weinm.¹⁾ Листья продолговато-ланцетовидные и линейно-продолговатые длинно приостренные, по краямъ съ железистыми пилосидными зубринами; молодые листья и вновь образующія вѣтви гладкія, старыя вѣтви пурпуровыя или чернопурпуровыя, съ сизымъ налетомъ, прилистники ланцетовидные болѣе или менѣе заостренные, сережки сидячія при основаніи безъ листочковъ, или съ очень маленькими листочками, мужскія сережки очень шерстистыя, пестики почти сидячіе, овальные, гладкіе, столбикъ удлиненный, длиннѣе простыхъ или раздвоенныхъ рылецъ. Какъ упомянуто уже выше, этотъ видъ ивы или вербы обитаетъ на пескѣ.

Во время бесѣды²⁾ (въ Императорскомъ Обществѣ Садоводства) Г-мъ Афанасовичемъ было передано заявленіе, сдѣланное Г-мъ Дерромъ, относительно остановленія дальнѣйшаго движенія летучихъ песковъ въ Полтавской губерніи, которое было достигнуто слѣдующимъ образомъ:³⁾

¹⁾ Клауфманъ (см. Московская флора стр. 452) описываетъ шелоугу какъ разновидность красной вербы (*S. daphnoides* β *acutifolia* Kaufm.) и говоритъ, что это растеніе есть скорѣе разновидность *S. daphnoides*, чѣмъ особый видъ.

²⁾ См. „Вѣстникъ Садоводства“ № 8.

³⁾ Здѣсь я передаю слово въ слово изъ Вѣстника Садоводства по заявленію г-на Афанасовича, см. стр. VI.

„По краямъ пространства, занятого песками, были устроены заборы изъ толстыхъ прутьевъ ивы (*Salix acutifolia*); прутья нарубались раннею весною, обтесывались ввидѣ колевъ и раннею же весною, когда въ песокъ было еще достаточно влаги, вколачивались прочно на мѣстѣ забора, въ направленіи не перекрещивающемся. Заборы эти устраивались въ 10 рядовъ, въ разстояніи 2 саж. другъ отъ друга; затѣмъ на пространствахъ между заборами дѣлался посѣвъ разныхъ видовъ *Elymus*; посѣвъ этотъ производился тоже особымъ образомъ: прежде всего заготовлялся растворъ¹⁾ изъ воды, 100 частей глины и одной части сѣмянъ *Elymus*; затѣмъ приготовлялись веревки, витые изъ соломы, и обмачивались въ вышеупомянутомъ растворѣ²⁾; послѣ подобной заготовки веревки, ихъ закапывали на 4 вершка глубины между рядами заборовъ, укладывая тоже рядами на 2-хъ аршинномъ разстояніи рядъ отъ ряда; такіе-же ряды закапывались и въ направленіи перпендикулярномъ къ первымъ“.

Послѣ этого сообщенія слѣдуетъ описаніе отличныхъ результатовъ, полученныхъ или достигнутыхъ при устройствѣ вышеупомянутыхъ изгородей.

Изъ видовъ *Elymus* (овсець), годныхъ для этой цѣли для посѣва на сыпучихъ пескахъ въ Западной Сибири, я желалъ-бы указать на тѣ именно, которые встрѣчаются нерѣдко въ Западной Сибири, какъ-то: *O.* гигантскій, ситниковидный и солончаковый (*Elymus giganteus* Vahl. *E. jimceus* Fisch и *E. salsuginosus* Turcz). Первый видъ растетъ въ при-Уральской и при-Алтайской Сибири, а по Карелину и Кирилову³⁾ около Семипалатинска. Второй видъ въ при-Алтайской Сибири, на горѣ Алатау и по Карелину и Кирилову около Семипалатинска; я встрѣчалъ овсець ситниковидный по правой сторонѣ рѣки Оми около г. Омска и почтовой станціи Сыропятской. Третій видъ въ Ишимской степи въ при-Алтайской Сибири, а по Карелину и Кирилову преимущественно около Семипалатинска.

¹⁾ Т.-есть смѣсь (глина не растворяется. *К. Гольде*).

²⁾ Вѣрнѣе смѣси. *К. Гольде*.

³⁾ Karelin et Kirilow Enumeratio pl. Fl. alt. n. 950.

Кромѣ этихъ трехъ видовъ овсеца, встрѣчаются въ Западной Сибири на болѣе или менѣе песчаныхъ мѣстахъ, нѣсколько другихъ видовъ этого рода, которые, если они растутъ по-близости того мѣста, въ которомъ желаютъ укрѣпить летучіе пески, могутъ быть тамъ употреблены для этой цѣли. Близъ Омска растутъ *Elymus jimceus*, *E. angustus* и *E. sibiricus*.

Родъ овсець, принадлежащій къ сем. злаковыхъ, весьма близокъ къ роду пшеницы и поэтому можетъ быть весьма легко узнаваемъ даже и не-ботаникомъ; различіе его отъ пшеницы слѣдующее: у пшеницы колосъ четырехгранный или приплюснутый, колоски одиночныя, у овсеца колосъ почти цилиндрической, колоски по 2 или по 3.

К. Гольде.

ЯЗЫКЪ ОФЕНЕЙ ВЪ МУСУЛЬМАНСКОЙ СРЕДѢ ТУРКЕСТАНА.

Секретъ въ торговыхъ операціяхъ, въ смыслѣ успѣшности послѣднихъ, играетъ немаловажную роль у всѣхъ народовъ. Дабы оградить себя отъ конкуренціи сотоварищей по промышленности, торговые люди держатъ дѣла свои въ секретѣ, а чтобы не дать другимъ возможности проникнуть путемъ разговоровъ въ тайны торговыхъ операцій измыслили особые жаргоны, на которыхъ изъясняются между собою не только отдѣльные лица, но и члены извѣстнаго товарищества или промышленнаго общества...

Къ намъ въ Россію впервые появились съ такимъ жаргономъ, устранивающимъ возможность лицамъ непосвященнымъ вникнуть въ смыслъ разговора продавцевъ,—коробейники изъ Венгріи, преимущественно изъ Офена, почему и получили прозваніе офеней. Отъ нихъ переняли наши мануфактурные продавцы—владимірцы этотъ способъ маскировать торговые дѣла, ввели у себя особый жаргонъ, который и теперь употребляютъ, въ интересахъ сбыта предметовъ торговли.

Въ мусульманскихъ странахъ тоже въ употребленіи подобные жаргоны, преимущественно у продавцевъ мелкихъ товаровъ и нѣкоторыхъ ремесленниковъ, образующихъ нѣсколько обществъ или цеховъ, торговый оборотъ которыхъ доходитъ до весьма значительной цифры.

Подобный офенскій языкъ, употребляемый среди торговой молодежи въ Ташкентѣ, называется языкомъ *зергери* (ювелировъ). Занесеніе его сюда приписываютъ зергерамъ (ювелирамъ), отъ имени которыхъ и получилъ онъ свое названіе. Они пришли изъ Индіи (большую частію изъ Мультана), въ качествѣ мелкихъ торговцевъ ювелирными вещами. Сперва появились въ Бухарѣ, Самаркандѣ, затѣмъ въ Ташкентѣ, гдѣ они ходятъ по домамъ, а также сидятъ въ лавкахъ и продаютъ женщинамъ золотыя и серебряныя

вещи, занимаясь вмѣстѣ съ тѣмъ и починкою послѣднихъ.

Маскированіе словъ разными приставками и употребленіе ихъ въ особой рѣчи нравится молодежи, но способы образованія оной различны среди уличной и среди ученой молодежи, обучающейся въ медресе.

Первая, напримѣръ, употребляетъ приставки къ слогамъ слова *скай* или *скей* и фразу, положимъ, „борасызъ ми“ составляютъ такъ: „бо скай—ра скай—сыз скай ма скай“; подобнымъ способомъ слова „ке скей—ля скей—мескей“ означаютъ простое выраженіе „килясызъ ми“.

Такимъ манеромъ говорить уличная молодежь; ученая-же представляетъ къ слогамъ звуки *за* или *зи* и такимъ способомъ фразу „битыбъ аласызъ ми“ (напишете-ли) составляютъ такъ: *бизи-ти-зибъ-озо-лаза-сизыс-мизи*. Хузу юзюбъ=хубъ (хорошо), бозо раза казалъ лезо „барак-алла“ (удивительно).

Другой способъ формации жаргона, употребляемый въ Ташкентѣ, состоитъ въ томъ, что первый слогъ отбрасывается отъ слова и ставится на концѣ его; причѣмъ буква *л* пропускается...

Напримѣръ предложеніе „узинъ кельгинъ“ (ты самъ прійди), сформированное по сказанному способу, будетъ имѣть такой видъ: *зинъ-у* (узинъ) *гинъ-ке* (кельгинъ).

Еще примѣры:

- 1) *Якка-ка ра сан-бо* (кайка барасынъ)—куда идешь?
- 2) *гима-у раманбо* (уимга бараманъ)—иду домой.
- 3) *Да-у риб-бо гани-тенъ мб-о гинке* (онда барибъ тенге нынъ олибъ кельгинъ)—пойди туда и принеси деньги.
- 4) *Либ-о дымке* (олибъ кельдымъ)—я принесъ.

На составленномъ такимъ способомъ жаргонѣ имена Ташкента и Алматы (Вѣрный) принимаютъ форму Генто и Матыаль.

На этомъ замаскированномъ языкѣ говорятъ преимущественно сарты торговцы. Прѣжніе учителя ихъ съ давнихъ поръ называли этотъ языкъ „фарангъ тили“—„европейскимъ языкомъ“, теперь же, при сношеніяхъ съ русскими узнали, что жаргонъ сей не имѣетъ ничего общаго съ европейскими языками.

У татаръ здѣшнихъ и казанскихъ къ слогамъ прибавляются приставки *фе, фа, фынъ, фень...*

По этому способу выраженія 1) сэнъ кайда барасенъ (ты куда пойдешь) и 2) мэнъ гишъ кайда бармай-мэнъ (я никуда не пойду) слагаются такъ:

1) *Сефенафунъ* (сэнъ) *кафайдафа* (кайда) *бафарафа сафынъ* (барасынъ), 2) *мефень хефинъ* (гичъ) *кафайдафа* (кайда) *бафаръ-мафай* (бармай) *мыфынъ* (мэнъ).

Еще примѣры:

1) Мифинъ (мэнъ) *уфу-зуфу муфумъ* (узюмъ) *туфу-рафа-муфынъ* (турамэнъ)—я самъ постою.

2) Мифи-нифинъ (мэнынъ) *афатафамъ* (атымъ) *куфу-бафалафа-куфынъ* (Кубелекъ) *буфу-лафа-туфынъ* (булатуганъ)—мое имя Кубелекъ.

У Кульджинскихъ таранчей, преимущественно среди ворисеѣ, практикуется языкъ съ „оборотными словами“—*тагтуръсюзъ*.

Въ этомъ случаѣ тоже замѣчается правило, что первый слогъ отдѣляется и ставится на концѣ слова; такъ вмѣсто

тюря	говорятъ	<i>ряту,</i>
каймакъ	„	<i>макай</i>
кандъ	„	<i>катка</i>
чинэ	„	<i>нечи.</i>

Если слова односложны, то прибавляются слоги *гай, ге* и тому подобные; впрочемъ, приставками этими маскируются и не односложныя слова. Напримѣръ: тиль говорятъ *ильты* (языкъ)

дэимызъ „ *гаймыздэ* (говоримъ)
мэни тилля манызъ говорятъ *лиманты гаймызны* (не ругайте меня).

Еще примѣры:

1) *шиъ-и геп-ге медымъ-кыль*: гичъ гапъ кылмадымъ—ничего я не сказалъ.

2) *генме гепке самкыль шисы ми ган сыз-ан*: мэнъ гапъ кылсамъ сызъ анлаганъ-сызъ—если-бы я сказалъ, вы-бы поняли.

3) *рахнынъ-да чуда-у херби тах-некъ нуб-ку гэн-юр кэн-и луму-ку херби мачал мб-и руб-у дым-и киту зуб-ти тикетъ....*

дарахтынъ учюда биръ пахтекъ кунубъ юрганъ икэнъ, кулумга биръ чалма элибъ урубъ идымъ, тюки тизибъ кэтты... На верхушкѣ дерева сидѣла горлица; взявши въ руку комогъ я ударилъ её, перья...

Кромѣ того, „оборотное“ изображеніе словъ употребляется и въ письмѣ (тагтуръ хатъ) и при этомъ пишутъ слѣва на-право, вопреки принятому способу въ тюркской грамотѣ. Если писанную бумагу перевернуть и обратить на свѣтъ, то окажется письмо, писанное обыкновеннымъ способомъ.

Другой способъ маскированія словъ, употребляемый таранчами состоитъ въ томъ, что слово дѣлится на слоги и къ каждому слогу спереди прибавляется приставка *и* или *ир*, такъ напримѣръ:

Слово адамъ, человекъ выражается *ир-а ир-дамъ*.

Чинэ (чашка)—*ир-чи ир-ни*.

Тахсе (тарелка)—*ир-тах ир-се*.

Тиль (языкъ)—*иль-ты*.

Во время китайскаго владычества многіе говорили на этомъ жаргонѣ, такъ какъ ощущалась необходимость въ осторожныхъ выраженіяхъ—относительно и собственности, и дѣятельности; во времена-же ислама, при султанскомъ правленіи, перестали.

Болѣе труднымъ для составленія и дешифровки представляется „ютюрма сюзъ“ и „ютюрма хатъ“ *скрытая* (спрятанная) *речь* и *скрытое письмо*.

Для примѣра возьмемъ такую фразу: *мулла яхья динъ дуан селямъ Николай улукъ*¹⁾.

По измѣненіи въ этой фразѣ буквъ, примѣнительно нижеприведенному ключу, она будетъ звучать такъ: *кас-етъе-рин-расу-и-асук-ни матуй-валакка*.

Ключъ къ составленію и дешифровкѣ такой: *а̇ с̇ р̇ д̇ уг̇л̇ т̇ х̇ в̇ а̇-а̇ л̇ с̇ м̇ к̇*, то есть, айнъ синъ рэ даль гу ломъта хэ вау элифъ ломъелифъ садъ мимъ-кяфъ. Для заучиванія-же формула читается такъ: кям сала авхата лагу дерса.

Правило къ составленію и чтенію таково: вмѣсто буквы обык-

¹⁾ Отъ мудлы Яхья привѣтствіе Господину Николаю.

новеннаго слова или письма ставить букву предшествующую ей въ ключѣ.

Такъ на примѣръ въ словѣ *маа* (мулла) *м* замѣняется предъидущей ей въ ключѣ буквою *к*, *ла* замѣняется буквою *с* (садъ), предшествующей слогу *ла* въ приведенномъ ключѣ, и получится замаскированное слово *кас*=мулла. По этому ключу и говорить и писать.

Составленіе ютюрмэ-сюзъ и ютюрме-хатъ приписываютъ Хазреты Алію.

Употребляютъ еще способъ замѣны буквъ соответствующими цифрами и пишутъ бумаги только цифрами, на примѣръ фразу „мулла Ахья динъ“ (отъ муллы Яхьи) изображаютъ такъ:

50—10—4—10—8—10—1—30—40.

н и д я х я а л м.

Н. П а н т у с о в ѡ.

НАСТАВЛЕНІЕ КЪ СОБИРАНІЮ ВОДОРОСЛЕЙ.

Собирать слѣдуетъ не только нитевидныя скопленія изумрудно или темнозеленаго цвѣта, плавающія на поверхности воды, погруженныя на дно или прикрѣпленныя къ подводнымъ предметамъ, но также скопленія слизи въ видѣ комочковъ, вѣтвей, неправильной формы пластинокъ, плавающихъ или прикрѣпленныхъ къ камнямъ, водянымъ растеніямъ и т. п., зеленоватой или безцвѣтной; также бурья или зеленоватыя пленки, отрывающіяся со дна и плавающія въ стоячей водѣ въ солнечные дни. Прошлогодніе листья и др. мелкіе предметы, бывшіе долго въ водѣ. Нужно стараться брать водоросли въ одномъ и томъ-же бассейнѣ съ мѣстъ, различающихся по строенію дна, ибо только тогда можно рассчитывать до извѣстной степени исчерпать всѣ формы даннаго бассейна. Не слѣдуетъ пренебрегать флорой маленькихъ ручейковъ, лужъ и болотъ, хотя-бы пересыхающихъ. Наиболѣе ихъ можно найти въ мѣстахъ, гдѣ теченіе незначительно (заливы, протоки рѣкъ и т. п.)

Собранный матеріалъ лучше всего сохранять слѣдующимъ образомъ: положить на сутки въ растворъ хромовой кислоты въ водѣ такой концентраціи, чтобы онъ имѣлъ цвѣтъ лимонной корки; послѣ этого перекладывать въ обыкновенную водку или слабый спиртъ и въ такомъ видѣ посылать.

Кому этотъ способъ покажется затруднительнымъ, тотъ можетъ ограничиться простымъ засушиваніемъ въ пропускной бумагѣ. Собранный въ различныхъ пунктахъ матеріалъ не слѣдуетъ смѣшивать въ одну стеклянку или пачку, но къ каждой пачкѣ или стеклянкѣ приложить записку, съ указаніемъ гдѣ взято, отмѣткой о характерѣ дна, t° воды (приблизительно конечно), скорости теченія, содержаніи солей—насколько можно судить объ этихъ данныхъ безъ измѣрительныхъ инструментовъ, о послѣднемъ—изъ характера подпочвы. Къ собранному матеріалу слѣдуетъ приложить короткое описаніе водоемовъ, гдѣ они собраны, ихъ отношенія другъ къ другу и т. д.

В. К о з л о в с к і й.

НѢСКОЛЬКО ВОПРОСОВЪ ПО ИЗУЧЕНІЮ ПОВѢРІЙ, СКАЗАНІЙ, СУЕВѢРНЫХЪ
ОБЫЧАЕВЪ И ОБРЯДОВЪ У КИРГИЗОВЪ И СИБИРСКИХЪ ТАТАРЪ.

І. П О В Ѣ Р Ь Я.

1) *Космогоническія повѣрья.*

Названія созвѣздій: Большой Медвѣдицы¹⁾, Оріона, Плеядъ и др.
Названія Полярной звѣзды, Венеры (Зарницы), Млечнаго пути, сѣвернаго сіянія, грома, молніи, радуги, громовыхъ стрѣлъ, болида (метеора), зарницы или нѣмой молніи.

Какъ объясняются фазы луны и затмѣніе? Какъ объясняются пятна на лунѣ? Не приписывается-ли затмѣніе чудовищу, которое сглатываетъ мѣсяць?

Не существуетъ-ли повѣрья, что пятна на лунѣ есть дѣвица, которую мѣсяць похитилъ съ земли или унесъ, спасая отъ гоненія, или это чудовище, которое было унесено мѣсяцемъ съ земли съ цѣлью избавить человѣчскій родъ отъ истребленія, которымъ человѣчеству угрожало это чудовище.

Сказанія о Большой Медвѣдицѣ. Кромѣ сказанія о томъ, что это семь воровъ, старающихся украсть двухъ лошадей, не существуетъ-ли сказанія о томъ, что Большая Медвѣдица украдала одну изъ звѣздъ Плеядъ?

Нѣтъ-ли рассказовъ объ Оріонѣ, что это три аркара или три марала, за которыми охотился какой-то охотникъ.

Сказанія о Плеядахъ. Не было-ли это чудовище или змѣй, жившій прежде на землѣ? Не приписывается-ли Плеядамъ или Оріону вліяніе на измѣненіе погоды.

Повѣрья о падающихъ звѣздахъ и кометахъ.

¹⁾ Желательно получить свѣдѣніе, какъ Большая Медвѣдица, Оріонъ, Плеяды, Венера, Полярная Звѣзда и Млечный путь называются у тобольскихъ татаръ и у дикокаменныхъ киргизовъ.

Не соединяется-ли съ Большой Медвѣдицей представленія о кончинѣ міра?

На чемъ укрѣпленъ міръ или земля? Кто еѣ держитъ?

Какъ объясняется явленіе радуги? Не существуетъ-ли рассказа въ поясненіе ея киргизскаго названія *Кэптырнынъ курашы*, „старушечья овцевязъ“.

Понятія о происхожденіи грома? Почему зимой грома не бываетъ? Не объясняется-ли паденіе молніи тѣмъ, что свѣтлое божество или ангелъ кого-то преслѣдуетъ?

Не приписывается-ли громовнику похищеніе дѣвицы во время грозы?

Не приписывается-ли громовымъ стрѣлкамъ чудодѣйственная сила, способность отвращать молнію, исцѣлять болѣзни (наприм. коровьяго вымяни), исправлять молоко и пр.

Повѣрья о камнѣ джада-ташъ, имѣющемъ способность низводить съ неба громъ и дождь. Наружный видъ камня; виѣшніе признаки, по которымъ отличаются хорошіе джада-таши отъ плохихъ. Мѣсто находенія джады-ташей; правила ихъ храненія и употребленія. Утрачиваніе въ камняхъ чудной силы; способъ ея восстановленія.

Нѣтъ-ли повѣрья о „раскрытіи неба“, что тому, кто во время этого явленія произнесетъ извѣстные стихи, будетъ даровано, что онъ пожелаетъ.

Не существуетъ-ли рассказовъ о высокихъ горахъ, что на вершинѣ ихъ лежитъ свернувшійся змѣй?

Повѣрье объ источникѣ съ водой, дающей безсмертіе, которую пьютъ воронъ.

Повѣрье о людяхъ съ собачьими головами. Нѣтъ-ли рассказа о челоуѣкѣ, который случайно зашелъ къ нимъ?

Повѣрье о странѣ, гдѣ люди блаженствуютъ? Какія повѣрья соединяють киргизы со страной, которую они называютъ Джеты-узенъ?

2) *Повѣрья о животныхъ.*

Повѣрья о медвѣдѣ. Не былъ-ли онъ прежде челоуѣкомъ,

царемъ? За какой проступокъ онъ обращенъ въ звѣря? Какія черты находятъ въ медвѣдѣ сходными съ человѣкомъ? Не приписывается-ли ему чертъ всевѣдѣнія и справедливости? Не объясняется-ли почему онъ косолапъ (прихрамываетъ)? Не приписывается-ли ему знаніе цѣлебныхъ свойствъ травъ, цѣлебныхъ свойствъ минеральныхъ источниковъ, опьяняющихъ свойствъ нѣкоторыхъ растений? Не открылъ-ли человѣкъ нѣкоторыхъ врачебныхъ корней подсмотрѣвъ, какъ лечится медвѣдь? Разказы о томъ, что медвѣдь любитъ музыку? О томъ, какъ онъ увелъ женщину, жилъ съ нею и она отъ этого союза родила медвѣдя или полумедвѣдя, полу-человѣка? Не приписывается-ли цѣлебныхъ свойствъ медвѣжьему салу, медвѣжьей шерсти, медвѣжьей лапѣ или когтю, медвѣжьему зубу?

Разказы о суркѣ, что это былъ охотникъ, за истребленіе звѣрей обращенный въ четвероногое животное.

Сказаніе, почему бурундукъ полосатый?

Не существуетъ-ли сказанія о птицѣ, называющейся юзакъ или иначе, которая кричитъ по ночамъ, что это женихъ, потерявшій свою невѣсту и зовущій её.

Повѣрья о мышахъ или змѣяхъ, высасывающихъ молоко у коровъ по ночамъ.

Почему бѣлая сова, проводя зиму въ краѣ, улетаетъ на лѣто? Гдѣ она проводитъ лѣто?

Разныя повѣрья о летучей мышѣ. Почему летучая мышъ днемъ прячется внизъ и виситъ внизъ головой?

Повѣрья о птицѣ уларѣ.

Почему у крота ноги вывернуты и почему онъ слѣпымъ родится? Не существуетъ-ли сказанія, что это былъ человѣкъ, который былъ коварно ослѣпленъ? Не существуетъ-ли сказанія, что кошка леалинь и кротъ были сестра и братъ; послѣдній былъ ослѣпленъ и зарытъ въ землю сестрою за то, что отказался раздѣлить съ нею любовь?

Повѣрье о неблагополучіи, ожидающемъ того лица, которому звѣрь (какой?) перебѣжитъ дорогу или о неблагополучіи того лица, который убилъ звѣря (какого?), но не успѣлъ его захватить и поз-

волилъ ему скрыться въ нору¹⁾.

Повѣрья о цѣлебныхъ свойствахъ заячьяго помета, заячьей шкуры и пр.

Повѣрья о собакахъ двоєглазкахъ.

Повѣрья о лебедяхъ, ласточкахъ, филинѣ. Повѣрья, соединяемыя съ филиновыми перьями.

Какой звѣрь считается всѣхъ сильнѣе? Киргизскія повѣрья о звѣрѣ кара-кулакъ.

Повѣрья о мамонтѣ. Какъ называется звѣрь или животное, которому приписываются кости мамонта? Или, если они приписываются великанамъ или древнимъ насельникамъ края, то какъ эти послѣдніе называются и какіе существуютъ объ нихъ повѣрья или разказы?

Не существуетъ-ли повѣрій о большомъ животномъ или о коровѣ, живущей въ озерахъ (по киргизки *су-сиръ*).

Повѣрья о змѣяхъ.

Разказъ о полу-звѣрѣ, полу-человѣкѣ, живущемъ въ лѣсу и приходящемъ иногда погрѣться къ костру, разложенному охотникомъ или рыболовомъ.

Повѣрья о птицахъ, мышахъ или насѣкомыхъ, приносящихъ въ домъ счастье.

3) Повѣрья о растеніяхъ.

Отчего ель и можжевельникъ вѣчно зелены?

Какія растенія считаются цѣлебными?

Не приписывается-ли какому растенію опьяняющаго свойства или свойства заставлятъ поѣвшаго человѣка повторять тѣ тѣлодвиженія, съ которыми онъ рылъ его корень? или свойства удалять змѣиный ядъ?

Повѣрья о дождевикѣ?

Повѣрья о травѣ, восстанавливающей потерянную половую способность, о травѣ, дающей возможность отпирать желѣзные замки; о травѣ, выросшей изъ крови невинно убитаго человѣка или на

¹⁾ Такія повѣрья у монголовъ соединены съ сурками, у камчадаловъ съ ящерицами.

мѣстѣ кровосмѣшенія; о травѣ, обладающей способностью прогонять чорта.

4) Повѣрья о духахъ.

Существуетъ-ли повѣрье объ одноглазомъ чортѣ?

Духи, населяющіе лѣса,—населяющіе воды,—живущіе на вершинахъ горъ.

Киргизскія повѣрья о духахъ—женщинахъ съ мѣдными ногтями, *джесть-тырнакъ*.

Повѣрья о *джалмаусахъ*, „людоѣдкахъ“.

Повѣрья о духахъ, поѣдающихъ покойниковъ.

Повѣрья о дѣвахъ, въ видѣ лебедей, летающихъ на озеро купаться.

Повѣрья о перекресткахъ дорогъ.

Повѣрья объ оборотняхъ (людяхъ, обращающихся въ медвѣдя или волка).

Вѣра въ особыхъ духовъ—покровителей, которые приставляются къ каждому человѣку, какъ только онъ родится¹⁾.

5) Повѣрья о болѣзняхъ, смерти и души.

Повѣрья о лихорадкѣ и ослѣбѣ.

Повѣрья объ узлахъ, какъ предохранительныхъ отъ болѣзней средствахъ. Названія различныхъ родовъ узловъ.

Представленія о душѣ. Повѣрье, что во время сна душа оставляетъ тѣло и бродитъ.

Вѣра въ загробную жизнь.

Представленія о царствѣ мертвыхъ. Разказы о видахъ мученій грѣшниковъ въ аду. Повѣрья о душахъ покойниковъ, бродящихъ по землѣ. Повѣрья о душахъ умершихъ *баксы*.

Чѣмъ лечатъ больные глаза, зубы, женскія груди?

¹⁾ У алтайцевъ такіе духи называются *тейячи*, у казанскихъ татаръ — *урякъ*.

II. С К А З А Н І Я.

Сказка о *Идыге* и *Тохтомышъ-ханъ*¹⁾.

Сказка объ *Итмышъ* и *Тохтомышъ*²⁾.

Сказаніе о *Шингысѣ*, о братьяхъ *Домдагуль* и *Тохтогуль*, поймавшихъ яцигъ, плававший по морю и заключавшій въ себѣ мать *Шингыса*, беременную имъ³⁾.

Сказаніе объ *Есекенъ-батырѣ*, который былъ брошенъ дворяниномъ *Уралтай-Мамарханомъ* въ воду съ желѣзнымъ таганомъ на шеѣ.

Сказанія о великихъ древнихъ охотникахъ, много истреблявшихъ скота, *Дуай-сохоръ*, *Джаипъ*, *Дондагуль* и *Тохтогуль*.

Сказка о плутѣ *Джентанъ*, или о хитромъ ворѣ вообще⁴⁾.

Сказка о *Козу-Курнешъ*⁵⁾.

Сказка о *Джереншъ-шешенъ* и *Алдаръ-Косѣ*⁶⁾.

Сказка объ *Алдаръ-Эркемъ*⁷⁾.

Сказанія о древнемъ баксы или шаманѣ *Куркутъ*.

Сказанія о *Сулейманъ-пейгамбарѣ*, его женѣ и птицѣ *байгусъ*.

¹⁾ Сказка эта уже записана г. Радловымъ у киргизъ и барабинскихъ татаръ, но желательнѣе имѣть еще варианты этого сказанія. Нѣтъ-ли его у тобольскихъ и тюменскихъ татаръ. Киргизскій вариантъ у Радлова не изъ лучшихъ редакцій повидимому.

²⁾ Эту сказку я слышалъ отъ семипалатинскихъ киргизъ, но записалъ ее неудовлетворительно.

³⁾ Сказка о *Шингысѣ* записана г. Радловымъ отъ киргизъ. Желательно получить новые киргизскіе варианты, а также варианты, записанные отъ сѣверо-сибирскихъ татаръ. Вѣроятно въ *Тобольскѣ* и *Тюмени* жили подобныя сказки во время завоеванія Сибири *Ермакомъ*, о чемъ свидѣлствуютъ сибирскія лѣтописи, упоминающія о ханѣ *Онг-сомъ*, убитомъ простымъ татаринномъ *Чингемъ*.

⁴⁾ О *Джентанѣ* я слышалъ въ Семипалатинской области. Г-нъ Радловъ записалъ одинъ киргизскій вариантъ о хитромъ ворѣ, въ которомъ воръ носитъ имя *Еджимельды*.

⁵⁾ Есть варианты у Радлова. Вѣроятно въ народѣ есть и другіе, болѣе или менѣе отличающіеся отъ записанныхъ.

⁶⁾ Записана г-мъ Радловымъ.

⁷⁾ Записана г-мъ Радловымъ.

Сказанія о хромомъ *Темурлантѣ*. Повѣрья о могуществѣ древнихъ шамановъ.

Не связано-ли какихъ преданій съ горой *Идые* (въ Акмолинской области въ группѣ Улутау къ ю. отъ локтя, который дѣлаетъ р. Ишимъ?) съ развалинами зданій на Кара-кенгирѣ, извѣстными въ народѣ подъ именами: *Алача-ханъ*, *Джучи-ханъ*, *Буманъ-ана*, *Бэлэнъ-ана* и *Талмасъ-ата*.

Сказаніе объ р. *Ата-су* и сопкѣ *Чогъ-аманъ* (къ ю. отъ р. Нуры).

Сказанія о предкѣ коровъ *Зенъ-баба*, предкѣ лошадей *Джилъ-кы-ата*, верблюдовъ—*Ойсулъ-кара* и овецъ—*Чопанъ-ата*.

Не найдется-ли до-мусульманскихъ чисто народныхъ (киргизскихъ или татарскихъ), а не книжныхъ легендъ о сотвореніи міра и первыхъ людей.

Преданія о предкахъ поколѣній (эль), какъ напр. о предкѣ *Уаковъ*, что онъ былъ мальчикъ чужаго рода, найденный въ золѣ, о предкѣ *Джасъ-табановъ*, что онъ пастухъ съ широкими подошвами ногъ и т. п. Народныя этимологіи названій поколѣній.

Сказаніе о челоуѣкѣ (о святомъ), которому отрубили голову, но онъ взялъ её въ руки и пошелъ съ нею.

- о доставаніи животворной и вѣчной воды.
- о томъ, какъ лошадь и корова спорили, кому изъ нихъ раздавить чудовище.
- о мыши и верблюдѣ, спорившихъ, кто напередъ увидитъ восходящее солнце.
- о летучей мыши, какъ она не признала своимъ царемъ ни царя птицъ—орла, ни царя звѣрей—льва.
- о томъ, какъ птицы избирали царя.
- о томъ, какъ люди получили огонь съ неба и кто научилъ ихъ добывать огонь изъ кремня.
- о изобрѣтеніи вина.
- о скупцѣ *Карунтѣ*.

Существуетъ-ли повѣрье о кладахъ и кому они приписываются?

Кому приписываются чудскія могилы? Татарскія повѣрья, соотвѣтствующія нашимъ повѣрьямъ о чуди, будто-бы зарывшейся при появленіи въ странѣ бѣлоствольной березы, которая будто-бы

въ краѣ прежде не росла. Не существуетъ-ли у татаръ Тобольской и Томской губерній преданія, записаннаго въ прошломъ столѣтіи Миллеромъ, что въ Сибири прежде не было хвойнаго лѣса и что въ ней жили китайцы (китаны?), но что послѣдніе выселились изъ нея, когда увидѣли проростающіе хвойные лѣса?

Киргизскія преданія о народѣ *Мыкъ*, населявшемъ прежде киргизскія степи. Киргизскія преданія о народѣ *Люгѣ*, жившемъ нѣкогда въ нынѣшнемъ Семирѣчьи.

Записать преданія, связанныя съ нѣкоторыми урочищами, горами, рѣками, пещерами и т. п.

Народныя рассказы о хитрой лисицѣ.

Сказка о бѣднякѣ, котораго лисица женить на царской дочери и дѣлаетъ ханомъ¹⁾.

Сказка о богатырѣ, сестра (жена или мать) котораго любитъ другаго и вмѣстѣ съ послѣднимъ убиваетъ брата (или мужа, сына), но братъ воскресаетъ (при помощи своего коня) и убиваетъ сестру вмѣстѣ съ ея любовникомъ (Радловская сказка объ Алдар-Эркемѣ).

Сказка о богатырѣ, котораго ханъ посылаетъ въ опасныя поѣздки съ цѣлью погубить его.

Сказка о томъ, какъ богатырь спасаетъ дѣвицу, обреченную на съѣденіе чудовищу.

Сказаніе о томъ, какъ Богъ раздавалъ пищу звѣрямъ и волкъ опоздалъ, или какъ Богъ раздавалъ вѣры предкамъ народовъ и одинъ изъ нихъ не поспѣлъ къ раздачѣ.

Сказка о дѣтяхъ, убѣгающихъ отъ злой мачихи или людоедки.

Сказанія объ *алит'ахъ*.

Сказка о добываніи дѣвицы семью братьями или семью товарищами.

III. СУЕВѢРНЫЕ ОБЫЧАИ И ОБРЯДЫ.

1) Шаманы или баксы.

Чѣмъ обусловливается поступленіе челоуѣка въ *баксы*? Передается-ли это званіе по наслѣдству или по собственному желанію или

¹⁾ Варианты этой сказки есть у русскихъ, дунайскихъ болгаръ, алтайцевъ, монголовъ, чеченцевъ, но не записаны до сихъ поръ отъ киргизъ.

по врожденному влечению? Какіе бываютъ признаки наклонности къ поступленію въ баксы, предчувствія и предзнаменованія? Подготовленія къ этому званію. Добываніе и постройка кобыза. Обрядъ посвященія въ баксы. Не поднимается-ли баксы при посвященіи на войлокѣ? Повѣрья о *дуана*. Снять фотографію съ лебединой шапки, которую носятъ *дуана*.

Не сохранилось-ли въ народной памяти преданія объ употребленіи прежними баксы посоховъ или палокъ, а также бубновъ. Фотографія и описаніе кобыза.

Въ какое время обыкновенно баксы совершаютъ свое дѣйствіе, днемъ или ночью?

Существуютъ-ли кровавыя жертвоприношенія богамъ?¹⁾ Слѣды древнихъ жертвоприношеній въ народныхъ преданіяхъ. Не существуетъ-ли народныхъ преданій о человѣческихъ жертвахъ.

Обрядъ погребенія баксы не отличается-ли чѣмъ-нибудь отъ обряда погребенія обыкновенныхъ людей? Не указываются-ли на нѣкоторыя мѣста, какъ на мѣста погребенія знаменитыхъ бакс?

2) Обряды.

Клятва. Какъ совершается клятва? Нынѣшній обрядъ клятвы не отличается-ли отъ древняго? Не сохранилось-ли въ народной памяти преданія о лизаніи меча, ножа или стрѣлы во время клятвы? Или о выпиваніи при этомъ какой-нибудь воды?

Обряды при грозовомъ явленіи или во время перваго весенняго грома (поливанія юрты молокомъ). Мѣры для оживленія пораженнаго молніей. Похороны убитаго молніей. Какъ поступаютъ съ трупами убитыхъ молніей животныхъ? Что по повѣрью народа можетъ предупредить ударъ молніи? Не произносятся-ли какихъ словъ, когда гремитъ громъ? Не считается-ли за грѣхъ мыться? Не думаютъ-ли, что моющихъ поразитъ громъ?

Обряды при рожденіи дѣтей? Съ какими обрядами совершается отрѣзываніе пуповины, обмываніе ребенка и первое укладываніе его въ колыбель. Къ какимъ обрядамъ или средствамъ прибѣ-

¹⁾ У киргизъ въ случаѣ тяжкой болѣзни колятъ желтоголоваго бѣлаго барана.

гаютъ, если женщина отличается безчадіемъ или дѣти мрутъ вскорѣ по рожденіи? Не воруютъ-ли при этомъ притворно ребенка у родильницы, не отдаютъ-ли въ чужой домъ для воспитанія, не привѣшиваютъ-ли къ колыбели филиновыхъ перьевъ или другихъ амулетовъ, не даютъ-ли ребенку особыхъ именъ? Чему приписывается, если ребенокъ во снѣ смѣется или плачетъ?

Не считается-ли беременная женщина нечистою, способною наносить вредъ? Способы очищенія родильницъ.

Не сохранилось-ли въ народной памяти обрядовъ, совершавшихся во время затмѣнія луны?

Обряды при ловлѣ звѣрей. Не существуетъ-ли обычая на охотѣ замѣнять названія звѣрей другими, особенными именами. Мѣры, употребляемыя для хорошаго улова, для цѣльнострѣльности ружья.

Не существуетъ-ли правилъ, обязательныхъ для пастуха, чтобы не было падежа или ущерба отъ волковъ (у киргизъ пастухъ не долженъ мыться)? Не считается-ли какой святой покровителемъ скота или одной изъ породъ скота, не существуетъ-ли особой молитвы къ нему? Не завѣдуетъ-ли какой-нибудь святой волками?

Обряды, соблюдаемые при продажѣ скота. Выниманіе слюны.

Не существуетъ-ли обряда заключенія братства между молодыми людьми? Заключаются-ли они только между джигитами или также и между дѣвицами?

Способы киданія жребія.

Обряды, совершаемые при дымленіи кожанной посуды. Старинныя молитвы, которыя читались при этомъ.

Обряды, совершаемые при сидѣніи водки изъ молока. Описать способъ сидѣнія водки. Описать винокуренный снарядъ съ поименованіемъ мѣстныхъ названій отдѣльныхъ частей его.

Обычай увѣшиванія волосами и тряпками деревьевъ (*джамыс-агач*). Чѣмъ объясняется этотъ обычай? Не связано-ли съ нимъ какого повѣрья?

Обычай по смерти человѣка дѣлать куклу покойника, которую жена покойника кладетъ съ собой спать. Вездѣ-ли этотъ обычай распространенъ или онъ существуетъ только у нѣкоторыхъ поко-

лѣній? Какія представленія связываетъ народъ съ этимъ обычаемъ? Думаетъ-ли онъ, что душа умершаго входитъ въ куклу? Долго-ли она живетъ въ ней? Что въ концѣ-концевъ дѣлаютъ съ куклой?

Слѣды почитанія огня. Не считается-ли огонь чистымъ? Не употребляется-ли онъ для очищенія оскверненныхъ вещей? Не сохранилось-ли въ памяти народа воспоминаній о поклоненіи огню, о жертвоприношеніяхъ огню. Не живутъ-ли въ народѣ старинныя выраженія, свидѣтельствующія о почитаніи огня? Нѣтъ-ли молитвы огню? Загадки объ огнѣ.

Заговоры противъ вѣтра, засухи, падежа скота.

Предразсудочныя мѣры для здоровья скота. Нѣтъ-ли обычая класть голенную кость барана надъ дверью юрты. Описать амулеты, которыя навѣшиваются на шеи домашнихъ животныхъ.

Не существуетъ-ли обряда прогнанія чорта, при которомъ все населеніе аула бѣгаетъ съ крикомъ вокругъ домовъ и хлещетъ прутьями или плетью по стѣнамъ.

Не сохранилось-ли преданія объ обрядѣ возведенія на ханство, причемъ хана поднимали на войлокѣ на воздухъ. Не назывались-ли особымъ именемъ чины, державшіе войлокъ за четыре угла? Не была-ли эта роль наследственна въ извѣстныхъ родахъ.

Изобразить клейма, которыя ставятся на скотѣ. Не соединяется-ли съ нѣкоторыми изъ нихъ какихъ повѣрій?

Г. Н. Потанинъ.

